

Милая химера в адмиральской форме

Письма А. В. Тимиревой
А. В. Колчаку

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

МИЛАЯ ХИМЕРА В АДМИРАЛЬСКОЙ ФОРМЕ

Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку
(18 июля 1916 г. — 17–18 мая 1917 г.)

2-е издание, исправленное

ДБ

Санкт-Петербург
2017

УДК 821.161.1

ББК 63.3(2)

М60

Милая химера в адмиральской форме : Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку (18 июля 1916 г. — 17–18 мая 1917 г.) / [изд. подгот. А. В. Смолин, Л. И. Спиридонова]. — 2-е изд., испр. — СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. — 256 с., ил.

ISBN 978-5-86007-830-7

Сборник вводит в научный оборот 53 письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку, хранящихся в РГАВМФ. В письмах раскрывается полная драматизма история взаимоотношений адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой. В них читатель найдет не елейный образ адмирала, а увидит реального человека с его достоинствами и недостатками. Хорошо зная среду морских офицеров Балтийского флота, А. В. Тимирева нарисовала запоминающиеся образы адмиралов А. И. Непенина, Д. Н. Вердеревского, В. К. Пилкина, А. С. Максимова, М. А. Кедрова и других офицеров. Вызывают интерес и ее впечатления от революционной повседневности Петрограда и Ревеля.

УДК 821.161.1

ББК 63.3(2)

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

ISBN 978-5-86007-830-7

- © Федеральное архивное агентство, 2002
- © Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив Военно-Морского Флота», 2002
- © Смолин А. В., вступительная статья, комментарии, 2002
- © Спиридонова Л. И., комментарии, 2002
- © ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2002

А. В. Тимирева и ее письма А. В. Колчаку

С тех пор как первые строчки писем Анны Васильевны Тимиревой Александру Васильевичу Колчаку легли на бумагу, прошло более 100 лет. Ушли из жизни и автор писем, и адресат. Остались только листки исписанной бумаги, сохранившие любовь, преданность и нежность.

До последнего времени наши знания о жизни А. В. Тимиревой были скупы и отрывочны. Однако с выходом в свет ее воспоминаний, черновиков писем А. В. Колчака, адресованных этой незаурядной женщине, и протоколов допросов объем сведений о ней значительно расширился.¹ Несмотря на это, чтобы лучше понять суть публикуемых писем, следует напомнить основные вехи ее жизни.

Анна Васильевна Тимирева родилась в 1893 г. в Кисловодске в семье известного пианиста, дирижера и музыкального педагога В. И. Сафонова. В 1906 г. семья переехала в Петербург. Здесь в 1911 г. девушка окончила гимназию княгини Оболенской. Кроме этого она посещала частную художественную студию С. М. Зейденберга, где училась рисунку и живописи. В том же году Анна Васильевна вышла замуж за своего троюродного брата Сергея Николаевича Тимирева — морского офицера, в то время служившего

---

¹ *Книпер А. В.* Фрагменты воспоминаний / публ. К. Громова и С. Боголепова // *Минувшее* : ист. альм. М., 1990. [Вып.]. 1. С. 99–190; Подлинные протоколы допросов А. В. Колчака и А. В. Тимиревой / публ. С. В. Дрокова // *Отечественные архивы*. 1994. № 5. С. 84–97; № 6. С. 21–58; «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» / сост. Т. В. Павлова, Ф. Ф. Перченко, И. К. Сафонов ; вступ. ст. Ф. Ф. Перченка. М., 1996.

старшим офицером на императорской яхте «Штандарт», а с 1912 г. — командиром учебного судна «Верный».² Вспоминая о замужестве, она говорила: «Был он старше меня, красив, герой Порт-Артура. Мне казалось, что люблю, — что мы знаем в восемнадцать лет!»³ А в юбилей этого события она уже писала: «8-го будет пять лет со дня нашей свадьбы; иногда мне кажется, что это не пять, а сто лет, — столько всего было за эти годы».⁴

В 1914 г. у Тимиревых родился сын Владимир. В 1915 г. Сергея Николаевича перевели в Гельсингфорс, куда из Петрограда перебралась и Анна Васильевна с сыном. Здесь, в доме своих друзей Подгурских, она познакомилась с капитаном 1-го ранга А. В. Колчаком. Полярный исследователь, участник обороны Порт-Артура, а в момент их встречи — начальник Минной дивизии Балтийского флота, человек большой личной храбрости, не раз проводивший смелые операции по уничтожению германских кораблей, он снискал любовь и уважение у сослуживцев. В любой компании Колчак сразу становился центром всеобщего внимания. Прекрасный собеседник, обладавший широкими познаниями, он умел понятно и просто рассказывать о сложном, а банальное времяпрепровождение превращать в праздник. Колчак мог быть милым и добрым, но в то же время жестким и жестоким. Несмотря на невысокий рост и щуплое телосложение, он пользовался успехом у женщин.

У А. В. Тимиревой А. В. Колчак ассоциировался с различными фантастическими животными и птицами, отсюда шутовское прозвище адмирала — химера. «Для меня, — писала А. В. Тимирева, — „химера“ не нелепость, а „невозможность“, пожалуй. И когда я думаю о Вас [А. В. Колчаке. — А. С.], мне кажется, что „милая химера“ — имя, кото-

---

² Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 3.

³ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 73.

⁴ Письмо № 18.

рым я могу Вас называть и так подходящее в этом случае. Оно меньше всего относится к Вашей наружности».⁵

Чем же привлекла А. В. Колчака эта молодая и обаятельная женщина? Умная и образованная, без тени жеманства и кокетства, прямая и искренняя в своих суждениях, полная энергии, Анна Васильевна живо интересовалась жизнью флота и общественными делами. С удовольствием посещала концерты симфонической музыки и оперные спектакли. Она не терпела скуку официальных визитов, обязательного этикета, салонной болтовни и мещанского мира. В ней сочетались такие качества, как стихийная порывистость и иррациональность, гордость и чувство собственного достоинства. «Большая насмешница»,⁶ Тимирева не раз подтрунивала над суровым внешним видом адмирала,⁷ его увлечением женщинами⁸ и стремлением во всем и всегда быть победителем.⁹

Вместе с тем она весьма критически смотрела и на себя, считая, что А. В. Колчак придумал ее образ.¹⁰ Очень высоки были и ее требования к людям и жизни. «Мне кажется, что жизнь каждого человека, — писала она, — должна находить себе оправдание в чем-нибудь, поставленном выше всего, главное — в любимом деле, каком — это не существенно важно. Если это любимое дело действительно составляет лучшую часть жизни, то, естественно, все остальное должно представляться „не имеющим боевого значения“, не стоящим ни чрезмерной радости, ни сожаления. Пример такого отношения к жизни и ко многим очень тяжелым обстоятельствам — это мой отец, всю свою жизнь отдавший своему искусству — музыке. Но <...> когда этого главного у человека нет, то мелочи жизни приобретают несоответственное им

---

⁵ Письмо № 29.

⁶ Письмо № 27.

⁷ Письмо № 3.

⁸ Письма № 12, 28, 32, 35, 40.

⁹ Письмо № 3.

¹⁰ Письма № 2, 5, 10, 25.

значение, иногда очень мучительное».¹¹ Все это несомненно выделяло Анну Васильевну из круга жен морских офицеров, в своем большинстве замкнутых на домашних обязанностях.

Первая встреча А. В. Колчака и А. В. Тимиревой определила их дальнейшую судьбу: «Нас несло, как на гребне волны», — писала она впоследствии.¹² И эта волна сметала все на своем пути. Семья, дети, общественное мнение — сдерживали, но не могли остановить их влечение навстречу друг другу. Любовь стала для них испытанием, и, как показало время, они его выдержали достойно.

Гельсингфорсские встречи продолжались чуть больше года. 28 июня 1916 г. контр-адмирал Колчак был произведен в вице-адмиралы, назначен командующим флота Черного моря и после коротких сборов выехал к новому месту службы в Севастополь. Началась почти годичная разлука. Теперь их соединяли листки почтовой бумаги, которой они доверяли свои мысли и чувства.

Первое письмо от А. В. Колчака Анна Васильевна получила 18 июля 1916 г. «Был теплый, пасмурный июльский вечер, — писала она, — только что пришел „Генерал Кондратенко“, и мы все — Крашенинниковы, Потоцкие и Тимиревы — сидели на ступеньках крылечка. Знаете, Александр Васильевич милый, если бы упала бомба с неба, это не произвело бы большего эффекта, чем появление Вашего посланного».¹³ Но и сама Анна Васильевна испытала не меньшее потрясение: «Господи, как я была рада тогда! Я помню, как долго сидела с Вашим письмом, решительно не в состоянии его прочесть и только думая, что Вы вспомнили и написали мне скорее, чем я ждала и могла ждать этого».¹⁴

Переписка А. В. Тимиревой и А. В. Колчака не являлась тайной для окружающих. И несмотря на колкие замечания

---

¹¹ Письмо № 13.

¹² «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 76.

¹³ Письмо № 35; «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 147.

¹⁴ Письмо № 35.

знакомых и предупреждения друзей, Анна Васильевна не прервала ее.¹⁵ Безусловно, она обладала сильным и самостоятельным характером, о чем и сообщала в одном из писем А. В. Колчаку: «Я тоже не отличаюсь кротостью».¹⁶

Нельзя сказать, что в их отношениях царила полная идиллия. Первый кризис произошел в ноябре 1916 г. и связан с гибелью флагманского корабля Черноморского флота «Императрица Мария», на палубе которого Колчак мечтал увидеть Анну Васильевну.¹⁷

Для А. В. Колчака военное дело было смыслом и оправданием жизни.¹⁸ Профессия настолько захватила адмирала, что в музыке он признавал только героическое, сведения о цветоводстве черпал из истории войн, а свои отношения с женщинами строил исходя из принципа, что любви достоин только воин-победитель.¹⁹

В гибели линкора А. В. Колчак винил только себя.²⁰ Психологическая травма была так велика, что, по словам А. В. Тимиревой, у него изменился даже почерк.²¹ «Пожалейте меня, мне тяжело», — эти слова, обращенные к Анне Васильевне, лучше всего передают душевное состояние адмирала.²² Ему казалось, что его «несчастье должно возбуждать что-нибудь вроде презрения».²³ «В несчастье я считаю лучше остаться одним», — писал он А. В. Тимиревой.²⁴ Откровенность Колчака привела ее в смятение. Больше всего она боялась, что, выйдя из кризиса, он не простит себе проявленной слабости,

---

¹⁵ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 76, 79; Письма № 29, 34.

¹⁶ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 294.

¹⁷ Письмо № 16.

¹⁸ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 177, 241, 242, 247, 253, 254, 258, 259, 275.

¹⁹ Письма № 36, 38.

²⁰ Письмо № 20.

²¹ Письмо № 16.

²² Письмо № 15.

²³ Письмо № 16.

²⁴ Письмо № 20.

о которой знает близкий ему человек, и это приведет к разрыву. В ответных письмах, проявив чуткость и такт, не задевая его самолюбия и при этом сохраняя выдержку и хладнокровие, Анна Васильевна сумела найти такие слова утешения, которые смогли восстановить в адмирале утраченную веру в себя.²⁵ Ситуацию осложняло и то, что у Колчака существовало убеждение, что «милостивое» и «снисходительное» отношение Анны Васильевны к нему покоится на его военных заслугах и высоком звании. Поняв это, она написала: «если бы Вы, помимо признания „некоторых военных достоинств“, были как человек неприятны или абсолютно мне безразличны, вряд ли я стала бы ну хотя бы просто писать Вам».²⁶ И в другом письме она добавляла: «Мне абсолютно ничего от Вас не надо».²⁷

События Февраля 1917 г. А. В. Тимирева поначалу приняла восторженно, но вскоре идеалистичные представления о революции пришли в противоречие с жизнью, да к тому же матросы и солдаты выступали за прекращение войны, победоносного окончания которой она так желала.

В апреле 1917 г., после почти девятимесячной разлуки, А. В. Тимирева и А. В. Колчак наконец встретились в Петрограде, где он находился по вызову Временного правительства. В Петрограде А. В. Колчак узнал об отмене Босфорской операции. Таким образом, окончательно рухнули все планы и надежды, связанные с овладением Константинополем и проливами, а ведь ему так хотелось принести эту жемчужину к ногам возлюбленной.²⁸ И он вообразил, что теперь, после гибели его мечты, он не нужен Анне Васильевне, и она отвернется от него «хотя бы в силу неумолимого закона горя побежденным, а я не могу не признать себя побежденным в отношении всех своих намерений», — пи-

---

²⁵ Письма № 16, 17, 20.

²⁶ Письмо № 28.

²⁷ Письмо № 20.

²⁸ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 195; см. также с. 192, 196, 197.

сал он.²⁹ Однако Анна Васильевна оказалась мудрее и уравновешеннее своего дорогого и близкого друга, и их отношения постепенно вошли в прежнюю колею.³⁰

В июне 1917 г. в результате конфликта А. В. Колчака с командами кораблей Черноморского флота, которые требовали сдачи офицерами всего личного оружия, адмирал подал в отставку. Передав командование контр-адмиралу В. К. Лукину, 8 июня по требованию Временного правительства он выехал в Петроград.³¹

В июне 1917 г. А. В. Тимирева жила в Ревеле. По крайней мере один раз (в двадцатых числах июня) она была в Петрограде и виделась с А. В. Колчаком.³² О вероятности других встреч до отъезда адмирала в Америку 27 июля 1917 г. сколько-нибудь достоверных сведений в нашем распоряжении нет, если не считать расплывчатого намека на «последние наши встречи» в письме Тимиревой от 7 марта 1918 г.³³ После отъезда А. В. Колчака до конца декабря 1917 г. она жила в Ревеле, а затем через Гельсингфорс в январе 1918 г. вместе с мужем возвратилась в Петроград.³⁴

Октябрь 1917 г. принес А. В. Тимиревой увольнение мужа в отставку без пенсии, затруднительное материальное и продовольственное положение, аресты близких друзей, развал флота, за который она искренне болела.

Благодаря своим связям в морских кругах, муж Анны Васильевны (С. Н. Тимирев) сумел получить должность упол-

---

²⁹ Там же. С. 200.

³⁰ Письма № 52, 53. Эти особенности мироощущения А. В. Колчака позволяют предположить, что одной из причин, побудивших адмирала в 1918 г. возглавить борьбу с большевизмом, было желание взять реванш за прошлые неудачи и положить к ногам возлюбленной уже не Константинополь, а всю Россию («Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...»). С. 34–35).

³¹ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1925. С. 90–91.

³² «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 204–205; Приложение. С. 216.

³³ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 293.

³⁴ *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера. С. 126, 127.

номоченного Центрального военно-промышленного комитета по ликвидации имущества морского ведомства на Дальнем Востоке. В апреле 1918 г. они отправились во Владивосток, куда и прибыли 3 мая.³⁵ По дороге (в Благовещенске) она узнала, что А. В. Колчак находится в Харбине и вскоре выехала к нему.³⁶ С этого момента «я была почти все время вблизи адмирала», — говорила Тимирева на допросе в Иркутске.³⁷ В июле или августе 1918 г. постановлением Владивостокской консистории она была разведена с мужем³⁸ и после этого считала себя гражданской женой А. В. Колчака.³⁹

В сентябре 1918 г. А. В. Колчак уехал в Омск, где 18 ноября в результате военного переворота был провозглашен Верховным правителем. В середине декабря к нему из Владивостока переехала и А. В. Тимирева.⁴⁰ В Омске она стала переводчицей отдела печати при управлении делами Совета министров и Верховного правителя. Пока трудно говорить о степени ее влияния на адмирала, но то, что она была человеком политически активным, не вызывает сомнения.⁴¹

За военным разгромом белых последовал арест А. В. Колчака 15 января 1920 г. в Иркутске. А. В. Тимирева добровольно проследовала в иркутскую тюрьму за брошенным всеми бывшим Верховным правителем, за своей «милой химерой в адмиральской форме». Близость любимого человека укрепила дух и волю А. В. Колчака в последние дни и часы его жизни.

После расстрела адмирала 7 февраля 1920 г., осенью того же года А. В. Тимирева была освобождена по амнистии. Впоследствии ее неоднократно арестовывали и высылали. В 1922 г. она вышла замуж за инженера-путейца В. К. Кни-

---

³⁵ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 265.

³⁶ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 83, 84, 124.

³⁷ Там же. С. 319.

³⁸ Там же. С. 317.

³⁹ Там же. С. 331.

⁴⁰ Там же. С. 320.

⁴¹ Там же. С. 317–322, 331.

пера. В 1960 г. Анна Васильевна была реабилитирована и умерла в Москве в 1975 г.

* * *

Публикация писем А. В. Тимиревой А. В. Колчаку в таком объеме предпринимается впервые. Ранее письма от 13–14 и 20 октября (частично) 1916 г. были обнародованы в 1994 г.⁴² Еще шесть писем (7–21 марта, 17, 18 сентября 1918 г., 14, 15, 17 февраля 1919 г.) изданы в 1996 г.⁴³ Возможно, найдутся и остальные, и тогда исследователи смогут опубликовать полноценную переписку А. В. Колчака и А. В. Тимиревой.

Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку за период с 18 июля 1916 г. по 17–18 мая 1917 г., всего 53 письма, портрет Тимиревой в рамке (фото 13 × 18) и 56 конвертов хранятся в РГАВМФ (Ф. 315. Оп. 1. Д. 1307, 1308, 1309). В архив письма, фотография и конверты поступили в 1918 г. от начальника Статистического отдела Морского генерального штаба (МГШ) капитана 2-го ранга В. В. Романова. Он являлся близким другом А. В. Колчака и А. В. Тимиревой и выступал в качестве их доверенного лица, когда началась переписка. Через него, по каналам МГШ, проходила часть писем из Петрограда в Севастополь. Однако до сих пор не ясно, как письма и конверты оказались у В. В. Романова и почему только за этот период. При этом обращает на себя внимание некоторая искусственность в крайних датах найденных писем (18 июля 1916 г. – 18 мая 1917 г.), то есть временной отрезок ровно в 10 месяцев. Нет пока и ответа на вопрос

---

⁴² Адмирал Колчак и гибель линейного корабля «Императрица Мария» / введ. ст., подгот. текста и коммент. А. Е. Иоффе, Л. И. Спиридоновой // Русское прошлое : ист.-док. альм. СПб., 1994. Кн. 5. С. 68–72; переизданы в сб.: «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 288–292.

⁴³ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 293–309. Частично они публиковались на страницах газет (*Дроков С. В.* Я сижу перед Вашим портретом // Подмосковье. 1992. 11 июля; *Шишкин В. И.* Колчак влюбленный и любимый // Сибирская газета. 1992. 24 февраля – 2 марта).

о несоответствии количества конвертов и писем. Известна судьба писем, написанных после 17–18 мая 1917 г.

Письма, сданные в архив В. В. Романовым, находились в конверте большого формата, на котором типографским способом набрано: «Министерство юстиции». На обратной стороне конверта синим карандашом сделана надпись: «гр. 3. ф. 2. № 1307. Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку. Июль 1916 – 18 мая 1917 г. № 1–53 на ... лл. Поступили от В. В. Романова. Письма частного характера. Для занятий [посторонним] лицам не выдается». Следует отметить, что в момент передачи письма не имели нумерации.

В настоящее время в деле имеется 242 листа. Листы 1–6 пронумерованы синим карандашом, 7–242 — простым. На первой странице каждого письма стоит его номер, представленный синим карандашом и обведенный в кружок. Нумерация писем дана в порядке их написания, и только для писем за февраль — март 1917 г. этот порядок нарушен. Так, письмо от 28 февраля — 7 марта идет под номером 41, 11 марта — № 40, 15–18 марта — № 42, 24 марта — № 43, 20–21 марта — № 44, 30–31 марта — № 45. Можно предположить, что письма за этот период пронумерованы в порядке их получения адресатом, то есть А. В. Колчаком. Наш взгляд это подтверждается пометой «получено», представленной на ряде писем синим карандашом, в том числе на письмах от 20–21 марта (№ 44) — получено 5 апреля, 24 марта (№ 43) — 1 апреля, 30–31 марта (№ 45) — 8 апреля, 4–5 апреля (№ 46) — 11 апреля, 11 апреля (№ 47) — 15 апреля. Скорее всего, помету «получено» А. В. Колчак ставил на тех письмах, которые, по его мнению, шли особенно долго.

До начала переписки отношение А. В. Тимиревой к эпистолярному жанру было скептическим: «Раньше письмо казалось <...> мертвой и малоговорящей вещью».⁴⁴ Однако произошедшее расставание кардинально изменило ее взгляд на этот предмет. «Вообще я корреспондент из рук

---

⁴⁴ Письмо № 17.

вон плохой, — говорила она, — и если пишу Вам так часто и такие длинные письма, то это единственное в своем роде исключение из правил, никому и никогда я не писала с такой радостью и легкостью, как Вам, милый Александр Васильевич». ⁴⁵ Однако до этого момента и Колчак никому не писал так, как Анне Васильевне. ⁴⁶ Тимирева дорожила письмами Колчака, хранила их все и прилагала максимум усилий к продолжению переписки. ⁴⁷

Переписка с А. В. Колчаком стала для А. В. Тимиревой смыслом существования. «Без Ваших писем мне было бы страшно и очень грустно жить», — говорила она. ⁴⁸ Листки почтовой бумаги с мелким неразборчивым почерком приносили ей радость, поднимали настроение, давали надежду. И стоило письму задержаться, как тревога и мрачные мысли поселялись в ее душе. Теперь она постоянно находилась в состоянии ожидания. «В час, когда должен прийти почтальон, дежурю у окна и выхожу ему навстречу — это достойно гимназистки *taхітum* 5-го класса и очень глупо», — писала она. ⁴⁹ Конечно, переписка не могла заменить живого общения и полностью преодолеть вынужденное одиночество. Тем сильнее становилась жажда личных встреч.

Переписка между А. В. Тимиревой и А. В. Колчаком носила весьма интенсивный характер, о чем свидетельствует следующая таблица.

Итак, за 1916 г. имеется 28 писем, и еще 25 за 1917 г. Частота, с которой велась переписка, позволяет рассматривать ее как своего рода дневник. Причем значительное число писем (18) писалось в течение двух дней, а письмо от 28 февраля — 7 марта 1917 г. (6 дней) представляет собой своеобразный отчет о революционных событиях в Петрограде.

---

⁴⁵ Письмо № 9.

⁴⁶ Письмо № 26.

⁴⁷ Письмо № 22.

⁴⁸ Письмо № 19.

⁴⁹ Письмо № 34.

Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку

Год	Месяц	Число	Количество писем по месяцам
1916	Июль	18, 22	2
	Август	1, 8, 18–19, 29	4
	Сентябрь	1, 9–10, 14, 22, 27	5
	Октябрь	2, 5, 9–12, 13–14, 20, 23, 31	7
	Ноябрь	4, 9, 15–16, 22, 30	5
	Декабрь	6, 8–9, 14–15, 21–22, 25–27	5
1917	Январь	1–2, 3–4, 8–9, 16–17, 22–23, 25–30	6
	Февраль	3, 9–10, 13–14, 22, 27, 28 – 7 марта	6
	Март	11, 15–18, 20–21, 24, 30–31	5
	Апрель	4, 4–5, 11, 24	4
	Май	7, 12, 13, 17–18	4

Однако не все из написанного А. В. Тимирева посылала А. В. Колчаку, и некоторые письма летели в корзину. О причине этого она говорила так: «смертельно боюсь надоесть Вам своей корреспонденцией»,⁵⁰ и добавляла: «не все, что думаешь, можно говорить и особенно писать».⁵¹ Она знала, что А. В. Колчак — человек мнительный и склонный искать в ее письмах скрытый подтекст, подвох, там, где его не было.⁵² Что касается писем, не отправленных в период Февральской революции, то А. В. Тимирева аргументировала это устареванием информации из-за возросшего темпа жизни.⁵³

Практически все письма написаны А. В. Тимиревой ночью. При этом, как правило, указано время их окончания. Из 53 писем только два заканчивались утром (№ 32, 40) и одно днем (№ 28). Выбор столь позднего времени она объясняла так: «днем я как-то не люблю Вам [Колчаку. — А. С.] писать — слишком развлекает суета и шум кругом».⁵⁴ В поздние часы, оставаясь наедине с собой, Анна Васильев-

⁵⁰ Письмо № 8.

⁵¹ Письмо № 7.

⁵² Письма № 10, 34.

⁵³ Письмо № 50.

⁵⁴ Письмо № 5.

на ставила перед собой фотографию А. В. Колчака и начала неспешную беседу с ним, перечитывая наиболее понравившиеся письма.

Для стиля писем Тимиревой характерны особенности устной речи. К тому же она писала без черновиков, не всегда перечитывая написанное, о чем свидетельствуют встречающиеся описки.

Письма А. В. Тимиревой написаны на бумаге различного формата, с двух сторон листа, черными чернилами. Почерк крупный, размашистый, но вполне разборчивый. В текстах писем имеются помарки, зачеркивания, вставки. В конце строк ряд слов недописан, другие сокращены. Некоторые слова подчеркнуты Тимиревой черными чернилами, такими же, как и написанное письмо. Каждая страница имеет нумерацию, сделанную автором.

Как правило, на письмах А. В. Тимиревой стоит место написания, за исключением № 1, 2, 6–10, 13, 15, 52, а также дата и подпись, кроме № 5 и 45, в которых также отсутствует и заключительная прощальная фраза. Скорее всего, это связано с тем, что лист бумаги был исписан, а нового автор начинать не захотела.

Все письма начинаются с обращения «Дорогой» или «Милый Александр Васильевич» и заканчиваются формулой «Да хранит Вас Господь» в различных вариациях. В одном из писем по поводу такой концовки А. В. Тимирева замечала: «хотя вообще я не очень богомольна».⁵⁵

В текстах писем довольно часто встречаются слова и выражения на иностранных языках, в основном на французском, по одному разу на немецком и латыни.

Отдельные слова, фразы и предложения в письмах А. В. Тимиревой подчеркнуты красным, синим и зеленым карандашами. Автором этих помет, по нашему мнению, был А. В. Колчак. Деловые бумаги или личные письма он читал с карандашом в руках, отмечая заинтересовавшие

---

⁵⁵ Письмо № 3.

его места. Кроме этого, на некоторых письмах ручкой или карандашом (простым или цветным) имеются сделанные рукой А. В. Колчака записи по ходу чтения.

Следует отметить, что письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку просматривались военной цензурой. Так, на обратной стороне конверта заказного письма из Гельсингфорса рукой А. В. Колчака синим карандашом сделана запись: «Написать в Ставку о задержке писем в цензуре — где оно было 9 дней?»⁵⁶ На конверте письма, посланного из Петрограда 21 октября 1916 г., стоит штамп: «Предъявлено военной цензуре. г. Петроград. № 27». А. В. Тимиреву волновал вопрос о чтении ее писем в цензуре. Обращаясь к А. В. Колчаку,⁵⁷ она с возмущением писала, что в Гельсингфорсе в цензуре служат жены морских офицеров: «неприятно, что Ваши письма прочитываются Вашими же знакомыми».⁵⁸ Как видно, высокое положение А. В. Колчака не избавляло письма Тимиревой от цензуры.⁵⁹ Можно предположить, что, зная о чтении ее писем цензурой, Анна Васильевна не все свои мысли доверяла бумаге.⁶⁰

Цензуре подвергались и письма А. В. Колчака. «Да, Ваше письмо пришло ко мне вскрытым в первый раз, — правда, оно было аккуратно заклеено и сделана надпись, что оно вскрыто по ошибке»,⁶¹ — писала Тимирева. В другом письме она жаловалась А. В. Колчаку на то, что письмо из Севастополя в Гельсингфорс шло 12 дней, в то время как обычно на это требовалось 5 дней.⁶² По-видимому, зная, что цензура просматривает его почту, Колчак рекомендовал А. В. Тимиревой писать ему через МГШ и В. В. Романова, аргументируя это тем, что письма таким путем идут быст-

---

⁵⁶ Конверт № 6.

⁵⁷ Письмо № 9.

⁵⁸ Письмо № 12.

⁵⁹ Письмо № 7.

⁶⁰ Письмо № 35.

⁶¹ Письмо № 30.

⁶² Письмо № 27.

рее. По наблюдению А. В. Тимиревой, письма по почте шли 4–5 дней, а через МГШ — 7–10 дней.⁶³ На задержку писем, шедших через МГШ, обращал внимание и адмирал. Так, в письме Колчаку от 28 марта 1917 г. В. В. Романов писал: «Ваше письмо меня удивило: ведь я же послал Вам письмо А. В. [Тимиревой. — А. С.] с парой строк от себя — как Вы его не получили. Завтра же наведу справки, ибо я его нарочно приказал в опись включить».⁶⁴

Почтовые штемпели на конвертах за 1916 и 1917 гг. показывают, что письма в основном шли 4–5 дней и семь из них (№ 6, 7, 9, 20, 25, 27, 29) превысили этот срок. На четырех конвертах (№ 11, 12, 18, 26) штамп места назначения отсутствует, поэтому нельзя определить время получения, а на конверте № 14 дата отправления заклеена маркой.

* * *

Археографическая подготовка писем к изданию проведена в соответствии с действующими «Правилами издания исторических документов в СССР» (1990). Письма в сборнике расположены по дате написания. Если письмо писалось несколько дней, указываются начальная и конечная даты. Вместе с тем составители решили сохранить некоторые особенности в нумерации писем за 1917 г., так как есть вероятность, что она принадлежала А. В. Колчаку.

Передача текста писем осуществлена строго по автографам с сохранением стилистических и языковых особенностей автора. Поскольку А. В. Тимирева очень редко разделяла текст на абзацы, то для удобства читателей это сделали составители. Сокращения, не являющиеся общепринятыми, и недописанные слова восстановлены в квадратных скобках. Написание фамилий и географических названий не унифицировано. Все разночтения на этот счет оговорены в комментариях.

---

⁶³ Письмо № 7.

⁶⁴ РГАВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 229.

Все письма публикуются полностью, без каких-либо изъятий, по автографам, хранящимся в РГАВМФ (Ф. 315. Оп. 1. Д. 1307).

Отточия в письмах принадлежат А. В. Тимиревой. Пропущенные в тексте и восстановленные слова даны в квадратных скобках.

Письма публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Смысл фраз, непонятных составителям, обозначен в примечаниях по тексту словами «Так в тексте». Перевод фраз с иностранных языков дан в примечаниях к тексту. Текстуальные примечания отмечены звездочками, а комментарии — арабскими цифрами. Курсивом выделен текст, подчеркнутый или отчеркнутый автором писем или адресатом. В примечаниях не оговариваются подчеркивания, принадлежащие А. В. Колчаку и сделанные синим, красным и зеленым (письмо № 50) карандашами.

Даты и места написания писем, установленные составителями, заключены в квадратные скобки.

В легенде содержатся основные поисковые сведения, шифр документа, указание на подлинность, ссылка на предшествующие издания. Поскольку все письма находятся в одном архивном фонде, то составители полную ссылку дают только в первом письме, а в последующих — только номера листов. Такой же принцип сохранен и при описании конвертов.

Научно-справочный аппарат книги состоит из вводной статьи, содержащей археографическое предисловие, примечаний по тексту, комментариев, приложения с описанием конвертов и именного указателя.

При подготовке биографических справок составители использовали архивные данные, справочно-энциклопедические издания, сборники документов.

Подготовку писем к изданию, примечаний по тексту и комментариев осуществили А. В. Смолин и Л. И. Спиридонова. Вводная статья, археографическое предисловие

и описание конвертов подготовлены А. В. Смолиным. Указатель имен составлен Е. Б. Маховенко.

Неоценимую помощь в подготовке рукописи к печати оказали составителям Е. Б. Маховенко (компьютерный набор) и В. Н. Гудкин-Васильев (консультации по расшифровке текста и комментированию).

№ 1

[Бренуэ]*

18 июля [1916 г.]

Дорогой Александр Васильевич, сейчас получила Ваше письмо, которого не ожидала и которое доставило мне большую радость. Думаю о Вас очень много и не могу сказать точно, сколько раз начинала письмо и бросала его в корзинку. Это смешно и глупо, но я так боюсь написать Вам какое-нибудь слово, фразу, которое будет некстати, покажется Вам лишним. Может быть, это потому, что ничьим отношением я не дорожу так, как Вашим, милый Александр Васильевич. Очень порадовалась за Вас, услышав о Вашем первом выходе в море и встрече с «Бреслау»¹ — такое хорошее, радостное начало. Верю глубоко, что потом у Вас все будет еще лучше. Я так сильно, такого большого хочу Вам счастья, что не может быть, чтобы судьба Вам его не послала. Хочу Вас поблагодарить еще раз за фотографию, кот[орую] Вы дали мне на вокзале в Ревеле, хотя Вы не похожи вовсе — мне было радостно думать, что в последнюю минуту Вы подумали обо мне. Простилась я с Вами с глубокой грустью и долго еще все продолжала «ставить минное ограждение», как Вы говорили. И сейчас мне страшно и грустно думать, *как мало у меня вероятия увидеть Вас*, но за Вас, Ваше дело я не боюсь и верю, что Господь Вас сохранит и поможет Вам выполнить его так, как надо. А я буду всегда Вас помнить и радоваться каждой Вашей радости. Надо кончать письмо, чтобы отправить его

---

* В путеводителях по Финляндии пишется Бренде (дачное место в Восточных шхерах — связь с Гельсингфорсом пароходом (*Грэнхаген К. Б. Спутник по Финляндии. СПб., 1914. С. 217*).

с матросом. Буду ждать, когда Вы опять вспомните меня и напишете, а я буду Вам писать скоро.

Храни Вас Христос.

Анна Тимирева

РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1307. Л. 1–2.

---

¹ 8 июля 1916 г. в 20 час. в штаб Черноморского флота поступило сообщение о выходе из Босфора в 19 час. турецкого крейсера «Бреслау» для постановки мин у Новороссийска. 9 июля в 8 час. 30 мин. А. В. Колчак во главе отряда кораблей в составе: линкора «Императрица Мария», крейсера «Память Меркурия» (до 1907 г. «Кагул») и пяти эскадренных миноносцев — вышел в море. В 13 час. 30 мин. «Бреслау» был обнаружен миноносцами. Начался обстрел и преследование противника, которое продолжалось до темноты. Попытка четырех миноносцев атаковать «Бреслау» из-за налетевшего шквала с дождем оказалась неудачной. Русские корабли потеряли противника из виду, и вражеский крейсер благополучно вошел в Босфор.

«Бреслау» — германский легкий крейсер. Вступил в строй в 1912 г. 10 августа 1914 г. «Бреслау» и линейный крейсер «Гебен», уходя от преследования англо-французских кораблей, вошли в сопровождении трех турецких миноносцев в Дарданеллы. Чтобы избежать возвращения кораблей в Средиземное море или интернирования их в нейтральной Турции, Германия предложила продать свои корабли. 16 августа на них были подняты турецкие флаги. На кораблях остались немецкие экипажи. Командующим турецким флотом был назначен германский адмирал Сушон. Вхождение «Гебена» и «Бреслау» в состав турецкого флота изменило соотношение сил на Черном море в пользу противника, так как германские корабли превосходили русские линейные корабли и крейсера в скорости хода, а «Гебен» был сильнее любого из пяти линейных кораблей додредноутного типа Черноморского флота. И только с введением в строй в 1915 г. «Императрицы Марии», «Императрицы Екатерины Великой», а также новых миноносцев и подводных лодок положение изменилось.

№ 2

[Бренуэ]

22 июля [1916 г.]

Дорогой Александр Васильевич, не знаю почему, сегодня я как-то особенно много о Вас думаю и меня потянуло написать Вам. На Ваше такое прекрасное, так глубоко тронувшее

письмо мне пришлось ответить всего несколькими наскоро написанными словами — не хотелось отпускать Вашего матроса без приветов для Вас. Я и сейчас не буду много писать — мои литературные способности ниже средних — но мне просто хочется напомнить Вам о своем существовании. Десятый раз перечитываю Ваше письмо и так и вижу темную и теплую южную ночь на море, и корабль, и Вас, милый Александр Васильевич. Единственно чего я не вижу — это мрачного призрака Гольц-паши¹ — по-моему, походить на химеру с крыши Notre Dame,² это исключительно Ваша привилегия.

У нас совсем повернуло на осень, холодно, дождь, лету конец, ночи такие темные, неприветливые, дни серые; а так еще хочется погреться на солнце. Хоть бы Вы прислали мне немного в письме — тепла и солнца — у Вас всего этого там много.

У меня сейчас много скучных маленьких забот: с получением Сергеем Николаевичем³ корабля выяснилось, что мне придется перебираться в Ревель. Надо искать себе там пристанища, а это не так-то легко. Но, конечно, все это пустяки, к месту я не привязываюсь, могу и буду жить всюду, где придется. Немного будет одиноко и грустно только, пожалуй, — ну, да что поделывать.

Я думаю часто о том, как Вам живется, что, верно, подчас бывает трудно и невесело, но это все ничего. Мне Ваша жизнь представляется как струна, которая звучит верно только когда натянута туго.

Это письмо я отправляю прямо по почте. Можно было бы найти и оказию, но Вы такая большая теперь величина, что это выходит ужасно громко; а я хочу написать Вам не громко и не тихо, а так, средственно, как Вы говорите.

Скоро переезжаю в город,⁴ пока на старую квартиру, Купеческая, 10. Если соберетесь написать — адресуйте туда.

А пока — до свидания, милый Александр Васильевич, почему-то мне кажется, что скоро увижу Вас, что совсем уж глупо, т[ак] к[ак] ясно, что Вы не можете появиться в наших краях, а я тоже никуда не собираюсь ехать.

Вот, хотела написать несколько слов, а вышла целая тетрадка. Письмо нелепое, и мне немного совестно посылать Вам такой вздор, но все равно. Если оно Вас развлечет на пять минут — тем лучше. Я знаю, Вы очень заняты теперь, но все-таки, Александр Васильевич, вспоминайте меня иногда, а я Вас всегда помню.

Спаси и Сохрани Вас Господь.

Анна Тимирева

Л. 3–6.

---

¹ Гольц (Goltz) Кольмар фон дер (1843–1916) — прусский генерал-фельдмаршал, турецкий паша (Гольц-паша). В 80–90-е гг. XIX в. глава германской военной миссии в Турции. В 1909–1912 гг. — вице-председатель Высшего военного совета Турции. Под его руководством турецкая армия была реформирована по германскому образцу. С 1914 г. генерал-адъютант турецкого султана. Во время Первой мировой войны командовал 1-й и 6-й турецкими армиями.

² Собор Парижской богородицы (Notre Dame de Paris) — памятник французской готики (1163–1257). Фасады собора украшены фигурами фантастических существ.

³ Тимирев Сергей Николаевич (1875–1932) — контр-адмирал (октябрь 1917). В 1895 г. окончил Морской кадетский корпус. Участник обороны Порт-Артура. Был тяжело ранен и более года провел в японском плену. После возвращения на Балтийский флот служил старшим офицером на броненосце «Цесаревич» и императорской яхте «Штандарт». В 1912–1915 гг. командир учебного судна «Верный». В 1915–1916 гг. флаг-капитан штаба флота по распорядительной части. 20 июля 1916 г. назначен командиром крейсера «Баян», на котором принял участие в Моонзундском сражении 29 сентября – 6 октября 1917 г. В октябре 1917 г. назначен начальником 1-й бригады крейсеров Балтийского флота. В январе 1918 г. уволен в отставку. Назначен уполномоченным Центрального военно-промышленного комитета по ликвидации имущества морского ведомства на Дальнем Востоке. Командующий морскими силами белых на Дальнем Востоке (ноябрь 1918), помощник верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по морской части (февраль 1919). После поражения белых в Сибири эмигрировал в Китай. Плавал на коммерческих судах. Умер в Шанхае.

В 1922 г. Тимирев написал мемуары «Воспоминания морского офицера. Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918)». Изданы в Нью-Йорке в 1961 г. Переизданы в России под названием «Воспоминания морского офицера» в 1993 и 1998 гг.

⁴ Речь идет о Гельсингфорсе.

Бренуэ

1 августа [1916 г.]

Получила сегодня Ваше сердитое и огорченное письмо, милый Александр Васильевич, и, принимая во внимание «обстоятельство военного времени», великодушно не замечаю Вашего не вполне высказанного, но и несправедливого упрека в молчании. А что он несправедлив — в этом Вы, вероятно, убедились, т[ак] к[ак] одно письмо я послала с Вашим матросом, а другое по почте — вот. Вижу, что Вы в порядочной ярости, и не хотела бы быть на месте кого-нибудь из провинившихся обывателей. Надеюсь все же, что теперь Вы отошли, здоровье Екатерины¹ поправилось или быстро идет на поправку, и все идет на лад. Что поделывать, если не всегда все гладко — зато мелкие неприятности не будут давать Вам чувствовать себя Поликратом.² Помните, что Вы говорили, когда мы были с Вами у Адриана Ивановича³ в саду?

Читала Ваш прекрасный приказ по флоту по поводу годовщины войны⁴ — копию с него достал для меня в штабе Сергей Николаевич, зная, как меня интересует все, касающееся Вас. Сегодня проводила его в первый раз командиром.

Через две недели перебираюсь в город, холодно, как в сентябре, т[ак] ч[то] даже не жалко уезжать. Я очень рада, если моя фотография Вам нравится — в этом отношении Вы лучше поставлены,* чем я, т[ак] к[ак] я тщательно избегаю смотреть на Ваш портрет, когда собираюсь писать Вам — на нем у Вас такие суровые, в сторону смотрящие глаза и весь Вы такой неприветливый, что мне вместо «милый Александр Васильевич» невольно хочется написать «милостивый государь» или т[ому] п[одобные] бессмысленно официальные слова. Так что, может быть, когда-нибудь, когда Вы проснетесь в хорошем расположении духа

---

* Так в тексте.

и у Вас найдутся свободные полчаса, Вы все-таки снимитесь еще раз и не таким свирепым. Ну просто, когда Вас будут снимать, подумайте о чем-нибудь очень-очень хорошем, хотя бы о «Гебене»⁵ килем вверх. Жалко, что вряд ли удастся повидать скоро Романова,⁶ он бы рассказал, как Вы живете и как наводите порядки в своем хозяйстве.

На этой неделе очень дружно провела несколько дней с Б. Муромцевым,⁷ кот[орый] здесь лечился, так как, обдумывая детали какой-то операции и расхаживая в это время по верхней палубе «Си[бирского] стрелка»,⁸ незаметно для себя попал в люк, где и помял себе ребра. Много говорили с ним о Вас, Александр Васильевич милый.

Вот Вы пишете о том, как долго не увидимся мы с Вами, это, может быть, года пройдут до этого. О «никогда» я не думаю и не хочу думать — *но ведь может быть, что это будет и гораздо скорее; как, когда — этого я не знаю, но мне так кажется.* А потом, думая о Вас, я часто вспоминаю слова одного из псалмов:

*«Перед очами Твоими
Тысяча лет, как день
Вчерашний, когда он пройдет».*

Скажите, ведь правда хорошо! Но все-таки иногда мне думается, что хорошо бы очутиться именно посередине Черного моря на «Императрице Марии»⁹ — ненадолго, чтобы Вам не мешать, просто побыть немного с Вами, Александр Васильевич. Хотела бы я себе представить, что бы Вы сказали при таком необычайном появлении?

Все последнее время у нас почему-то бывает довольно много народу — все те же, кого Вы знаете, приходящие и уходящие капитаны с рассказами об аэропланах, цепелинах,¹⁰ Ридикюле¹¹ и Куйвасте¹² — такие привычные еще для Вас слова. А мне грустно, что никто из них не сообщает последних вестей о Вас, забавных и милых эпизодов из Вашей ежедневной жизни. Да, недавно я узнала, как Вас мно-

гие зовут из молодежи — Савонарола,¹³ кто бы мог подумать?!!!!

Милый Александр Васильевич, я, кажется, начинаю писать совсем пустяки, пора и кончать, пожалуй. Да и время позднее — скоро 2 часа, надо и спать. Кажется, лет сто не писала такого длинного письма.

До свидания, Александр Васильевич, до следующего письма, по крайней мере.

Да хранит Вас Господь. Я уже думаю о Вас много и молюсь, чтобы помочь Вам в трудный час, хотя вообще я не очень богомольна.

Ну, теперь кончаю.

Анна Тимирева

P. S. Письмо такое толстое, что пошлю его заказным.

P. P. S. Мы все здесь в большой радости по поводу слухов о возвращении в наши края Рузского,¹⁴ вот было бы хорошо!

Л. 7–12 об.

---

¹ Здесь, по-видимому, речь идет о сестре А. В. Колчака Екатерине Васильевне Крыжановской (урожд. Колчак), проживавшей в Петрограде на 8-й Рождественской ул. Хотя нельзя исключить и того, что под Екатериной подразумевается линкор «Екатерина Великая».

² Поликрат (ум. ок. 523 или 522 г. до н. э.) — тиран (правитель) о. Самоса. При нем произошло политическое объединение о. Самоса. В его правление о. Самос стал сильной военно-морской державой в Эгейском море.

³ Непенин Адриан Иванович (1871–1917) — вице-адмирал (6 сентября 1916). В 1892 г. окончил Морское училище. Участник Русско-японской войны. В 1911–1916 гг. начальник Службы связи Балтийского флота. С 26 сентября 1914 г. командующий обороной Приморского фронта. 6 сентября 1916 г. назначен командующим Балтийским флотом. 4 марта 1917 г. убит выстрелом в спину у ворот Военного порта в Гельсингфорсе.

⁴ Приказ флоту Черного моря

[Севастополь]

[19 июля 1916 г.]

Сегодня исполнилось два года со дня начала великой войны.

Поздравляю Черноморский флот с третьим годом военных действий.

Да угодно будет Господу Богу, чтобы этот новый год войны был бы годом успехов и побед наших и союзных армий и флотов, годом славы их воинской, годом исполнения военных замыслов Нашего Верховного Вождя и Главнокомандующего.

Для нас, которых Родина воспитала для войны и призвала теперь к выполнению долга и обязательств перед Нею, война должна быть желанным временем, лучшим периодом нашей жизни, ее главной целью.

Любовь к войне, к военной деятельности и боевой работе, благородное стремление к подвигу и славе воинской заложены в душе каждого человека, особенно молодого и здорового. Для таких лучших представителей своего народа, которых Родина ставит в ряды защитников и осуществителей своих прав, война дает высокое удовлетворение в сознании исполненного величайшего долга, который может быть у человека, приносящее со всеми тягостями и лишениями военного времени.

Война неизменно связана с лишениями и страданиями, и главная тяжесть ее лежит не в чисто боевой деятельности, на которую охотно идет большинство людей, а в непрерывной напряженной работе, лишенной зачастую радостей и удовлетворения, которые дает применение оружия.

Условия текущей войны таковы, что многим участникам ее не приходится непосредственно сталкиваться и даже видеть неприятеля; боевые действия занимают сравнительно короткие промежутки времени, особенно в условиях современной морской войны, где решительные бои, протекающие с громадной напряженностью и силой, длятся несколько часов, предшествуемые месяцами длительной и сложной подготовительной работы.

Как в грозовой туче постепенно происходит накопление внутренней силы, разражающееся молнией, так и в морской войне подготовительная работа является собиранием силы, которая выливается в боевую деятельность кораблей. В этой подготовительной работе лежит сущность войны. Отдельная военная часть, начиная с мастерских, заводов, школ и учебных судов и кончая кораблями первой боевой линии, работой и трудами обслуживающего их личного состава, создают и накапливают силу, которая расходуется во время боя при использовании оружия, в метком и разрушительном артиллерийском огне, в удачно попавших и поставленных минах или сброшенных бомбах.

В этом конечном результате общей работы находится удовлетворение и сознание исполненного долга каждого ее участника, независимо от того, применял ли он оружие непосредственно или готовил это применение.

И я, как командующий флотом, обращаюсь к личному его составу не с призывом к подвигам и боевой деятельности, ибо верю, что этот призыв не нужен и каждый в бою исполнит, как только может лучше, свои обязанности; я был свидетелем в первый день своего командования, как больные, находившиеся в лазарете линейного корабля «Императрица Мария», бросили койки и заняли места по боевому расписанию по сигналу боевой тревоги, и для меня ясно, как будет вести себя личный со-

став Черноморского флота в боевой обстановке, но я призываю всех к повседневной тяжелой будничной работе и труду, часто незаметному, не вознаграждаемому, не дающему сразу результатов, но необходимому и без которого немислимы ни успешная боевая деятельность Флота, никакие операции, ни достижение конечной цели войны — победы.

Подготовительный военный труд и работа, как и боевая деятельность из него вытекающая, должны определяться одними и теми же свойствами: применением полного напряжения сил участников этой работы для выполнения ее наилучшим образом в кратчайший срок, ибо в военное время нет других работ, и военное дело не допускает посредственных качеств работы или промедления в ее выполнении; всякая работа военного времени есть работа срочная; взаимной поддержкой, определяемой согласованностью и внутренней связью одной работы с другой в отношении средств и времени, что является предметом особого внимания и обязанностью каждого начальника или руководителя; тайной или секретностью, обязывающей каждого участника военной работы не сообщать ни о положении ее, ни о целях, ни о ее результатах.

Выполнением порученной работы в указанном духе, соединенным с настойчивостью и упорной решимостью доводить всякое дело до конца, жертвуя при надобности своими личными интересами для дела, каждый выполнит свой долг и обязательства перед Государем Императором и Родиной, так же как и тот, кому выпадет счастье сделать это с оружием в руках, при орудии или минном аппарате, на мостике, в боевой рубке, машинном или кочегарном отделении корабля.

Наступает третий год войны и та работа, о которой я говорю, для многих становится тяжелой, многие испытывают усталость и тяжесть ее, но отдыха нет, не будет и не должно быть до окончания войны, достойного Нашего Верховного Вождя и Великой Родины Нашей.

В твердой вере, что Господь Бог, творящий ныне Свой суд над народами, не оставит нас своей помощью, пусть каждый почерпнет силы для бесповоротной решимости продолжать свою военную работу до конца, время которого мы не знаем, но который должен быть победой.

Вице-Адмирал Колчак

РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 851. Л. 15–19. Беловой автограф.

⁵ «Гебен» — германский линейный крейсер. Заложен в 1909 г. в Гамбурге, вступил в строй в 1912 г. См. также примечание 1 к письму № 1.

⁶ Романов Владимир Вадимович (1876–1962) — капитан 2-го ранга (2 апреля 1916). В 1895 г. окончил Морской кадетский корпус. На крейсере «Изумруд» участвовал в Цусимском сражении. После войны вышел в отставку, уехал в Германию, где окончил Горную академию во Фрайбурге, инженер-металлург. Возвратился в Россию и стал заниматься предпринимательством. В 1914 г., с началом войны, вернулся во флот. Служил в Морском генеральном штабе (МГШ). Начальник Статистического отдела МГШ. В феврале 1918 г. арестован ВЧК, затем освобожден. Уехал за границу. В июле 1919 г. вернулся на Север и был назначен вр. и. о.

флаг-капитана по оперативной части командующего флотилией Северного Ледовитого океана. В августе того же года откомандирован в Омск. Впоследствии эмигрировал.

⁷ Муромцев Борис Владимирович (1886–1919) — капитан 2-го ранга (28 июня 1917). В 1907 г. окончил Морской кадетский корпус. В 1915–1916 гг. исполнял должность флагманского штурманского офицера штаба начальника Минной дивизии Балтийского моря. Застрелен в Москве в 1919 г.

⁸ «Сибирский стрелок» — эскадренный миноносец Балтийского флота. Заложен в 1905 г. в Гельсингфорсе на добровольные пожертвования. Вступил в строй в 1906 г. Участвовал в Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войнах. Разобран в 1957 г.

⁹ «Императрица Мария» — первый линкор-дредноут Черноморского флота. Заложен в 1911 г. в Николаеве на верфи Русского судостроительного общества. Введен в строй 25 августа 1915 г. Флагманский корабль командующего Черноморским флотом. Погиб утром 7 октября 1916 г. на Северном рейде Севастополя в результате пожара и взрывов боеприпасов. Погибло и умерло от ран 213 человек. Поднят в 1918 г. Разобран на металл в 1927 г.

¹⁰ Цеппелин Фердинанд (1838–1917) — немецкий конструктор дирижаблей. В 1900–1906 гг. построил несколько дирижаблей («цеппелинов»). Цеппелины применялись в Первую мировую войну для военных целей.

¹¹ Ридикюль (Рогокюль, Рогекюль) — небольшой порт на западном побережье Эстляндии. Здесь была построена передовая военно-морская база для обороны Моонзундского архипелага.

¹² Куйваст — база русских миноносцев на о. Моон, в Балтийском море у побережья Эстляндии.

¹³ Савонарола (Savonarola) Джироламо (1452–1498) — флорентийский религиозно-политический деятель. Выступал с критикой роскоши богатей и пороков католического духовенства и папы, требовал реформы католической церкви и ее возвращения к апостольскому идеалу. В 1497 г. отлучен от церкви. В ответ призвал к созыву собора для низложения папы Александра VI. Противники Савонаролы обвинили его в ереси, добились ареста и суда. Казнен по приговору флорентийской сеньории.

¹⁴ Рузский Николай Владимирович (1854–1918) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного совета по назначению. В годы Первой мировой войны командующий 3-й армией (июль – сентябрь 1914), главнокомандующий Северо-Западным фронтом (сентябрь 1914 – март 1915), главнокомандующий 6-й армией (июль – август 1915), главнокомандующий Северным фронтом (август – декабрь 1915), после отпуска по болезни вторично (1 августа 1916 – 25 апреля 1917). После отставки лечился в Минеральных водах. В 1918 г. взят в заложники и казнен по приказу штаба Таманской армии.

Бренуэ

8 августа [1916 г.]

Милый Александр Васильевич, я так жду каждого Вашего письма и все-таки каждый раз, как получаю его, — оно для меня нечаянная, большая радость — спасибо Вам за нее. Вы всегда казались мне таким бесконечно далеким, живущим своей сложной, ничего не имеющей общего со мной жизнью, что если бы кто-нибудь сказал мне, ну, полгода тому назад, что Вы будете писать мне такие прелестные письма, будете думать обо мне, — я бы просто рассмеялась, вероятно, на это, как на шутку. Все последние дни я почему-то все вспоминала начало нашего знакомства, Александр Васильевич, все встречи, которые прошли для Вас, вероятно, почти незаметно, но которые я очень хорошо помню. Первый раз я увидела Вас вблизи у Подгурского,¹ когда приезжала еще из Петрограда на несколько дней. Вы рассказывали что-то об «элементах и нервах»,² и было хорошо и просто. Милый Александр Васильевич, могла ли я думать, что так скоро Вы будете маленьким царем и богом, где-то в неведомой стране, где даже дамы находятся у Вас под началом, и еще, что я так много буду о Вас думать? Вижу, что Ваши обязанности еще гораздо разнообразнее и сложнее, чем я предполагала.

На палубе корабля я могу Вас себе представить довольно легко, но в «ботфортах со шпорами» решительно отказываюсь. Хорошо, что Вы не можете облегчить себе управление таким противоестественным видом.

Сейчас уже двенадцатый час, в доме тихо и я могу на свободе окончить письмо Вам, Александр Васильевич, начатое днем под аккомпанемент трех пар детских ног, бегающих прямо над моей головой, и соответственного визга — порядочный кошмар.

Здесь, на Бренуэ я, вероятно, останусь еще с неделю, а потом — в город, откуда собираюсь числа 17–18 проехать на несколько дней в Петроград и потом в Ревель, искать

пристанища на зиму. Только что получила очень меня встревожившее письмо от сестры о болезни отца;³ теперь ему лучше, но воспаление легких для человека за 60 лет вещь нелегкая, и это меня беспокоит и огорчает. Ну, даст Бог, все будет хорошо.

Вы пишете мне о боязни утратить мое отношение к Вам. Не знаю, что сказать Вам на это, не знаю, что будет потом, но сейчас, несмотря на тысячи верст, лежащие между нами, и X времени перед возможной встречей, *мне кажется, что у меня нет более дорогого и близкого мне друга, чем Вы*, милый Александр Васильевич. Знаете, этой зимой мне часто приходила в голову ужасно глупая мысль: мне хотелось как-нибудь отплыть с Вами на одном ледоколе, идущем из Гельсингфорса в Ревель среди густого льда, т[ак] ч[тобы] он застрял где-нибудь по дороге на добрые сутки. Правда, смешно.*

Здесь произвело некоторую сенсацию появление Эберггардта,⁴ кот[орый] поселился в Гельсингфорсе на несколько дней; никто не может понять, почему он сюда попал.

Я не знала, что у Вас в гостях бывают цеппелины; кажется, это новость? По крайней мере раньше о них как-то не было слышно. Мы все скучаем о Зунгулдаке,⁵ который как-то исчез с лица земли. Куда Вы его девали, Александр Васильевич?

У нас так холодно и по-осеннему дождливо, что это нагоняет на меня уныние. Особенно ночи — мрачные, облачные, темные «оперативные» ночи, — совсем в Вашем вкусе. Может быть, на море они и очень хороши, но на Бренуэ, где темнота не имеет боевого значения, — это просто уныло. А из Вашего письма на меня так и потянуло теплом. Мне бы так хотелось попасть теперь на юг, даже не в Севастополь, т[ак] к[ак] я при всем желании не могу придумать сколько-нибудь возможного предлога для такого путеше-

---

* К слову «смешно» приписка А. В. Колчака синим карандашом: «нет, мне не смешно».

ствия, ну а хоть в Кисловодск, но пока Сергей Николаевич плавает и приходит сюда, я не хочу трогаться с места.

Я часто думаю о том, как мы встретимся с Вами, Александр Васильевич, и не могу себе представить этого. Больше и яснее всего я представляю себе Вас в последние минуты Вашего отъезда на Ревельском вокзале. Да, я не писала Вам, каковы были напутственные слова Василия Александровича,⁶ когда трогался поезд, сказанные им наполовину Вам, наполовину провожавшим Вас дамам: «Купите ему («он» — это Вы) средство от загара!!!!!» Не правда ли, какая прелесть? Несмотря на то, что мне очень было грустно, я все-таки пришла в восторг от такого совета. Сейчас выяснилось, что я так много изорвала бумаги, начиная и не кончая Вам письма, что это последний лист, т[ак] ч[то] надо кончать, да и пора, пожалуй. Сейчас можно спать — я живу одна в нижнем этаже дачи и сплю на диване: он такой жесткий, что к утру у меня болит спина, зато над ним лампа, при которой очень удобно читать Ваши письма, что я обыкновенно и делаю перед сном.

Всего хорошего пока, дорогой Александр Васильевич, еще раз спасибо Вам за письмо — Вы меня балуете сверх меры и моего ожидания.

Да хранит Вас Господь.

До свидания, милая бывлая химера.

Анна Тимирева

Л. 13–18 об.

---

¹ Подгурский Николай Люцианович (1877–1918) — контр-адмирал (6 декабря 1916). В 1897 г. окончил Морской кадетский корпус. Участник обороны Порт-Артура. Во время Первой мировой войны командовал крейсером «Россия» (1914–1915), бригадой, затем дивизией подводных лодок (1915), отрядом судов Ботнического залива. После ухода в отставку уехал в Ревель. Умер от испанки.

---

* После подчеркнутых слов следует приписка А. В. Колчака «да».

В тексте писем А. В. Тимирева называется Подгурского Николаем Константиновичем, тогда как в официальных бумагах он значился как Николай Люцианович. Такое разночтение объясняется тем, что его отца, поляка по национальности, звали Люциан Константин. Вероятно, в быту Подгурский пользовался вторым отчеством.

² Элементали, или элементалы, — в оккультистско-розенкрейцерской метафизике — духи четырех стихий: огонь (саламандры), вода (ундины), воздух (сильфы), земля (гномы). Учение об элементалиях сложилось не ранее XVI в. Элементалиям неведома мораль и непонятны человеческие чувства. Они завидуют бессмертию человеческой души и сходятся с людьми, чтобы причинить им вред.

³ Сафонов Василий Ильич (1852–1918) — пианист, дирижер, педагог. Отец А. В. Тимиревой. В 1872 г. окончил Александровский лицей, в 1880 г. Петербургскую консерваторию. С 1885 г. профессор Московской консерватории, а с 1889 г. ее директор. В 1905 г. вышел в отставку. В 1906–1909 гг. жил в США, концертировал в России и за границей. Создал свою пианистическую школу (А. Н. Скрябин, Л. В. Николаев, А. Ф. Гедике, сестры Гнесины, Н. К. Метнер, И. А. Левин и др.). Умер в Кисловодске.

⁴ Эбергард Андрей Августович (1856–1919) — адмирал (1913). В 1879 г. окончил Морское училище. Во время Русско-японской войны начальник Морского походного штаба заместителя Его Императорского Величества на Дальнем Востоке адмирала Е. А. Алексеева. Впоследствии помощник начальника МГШ (1906–1908), а затем его начальник (1908–1911). В 1911–1916 гг. командующий флотом Черного моря. Отстранен от должности за пассивность. С 28 июня 1916 г. член Государственного Совета, с 15 июня 1917 г. член Адмиралтейств-совета. В отставке с декабря 1917 г. Умер в Петрограде. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

⁵ Зунгулдак — угольный порт на турецком побережье Черного моря. Отсюда шел уголь в Константинополь. В результате постановки русских минных заграждений и дежурства миноносцев и подводных лодок вывоз угля в столицу почти прекратился.

⁶ Канин Василий Александрович (1862–1927) — адмирал (1916). В 1882 г. окончил Морское училище. Командовал линкором «Синоп», 4-м дивизионом эсминцев Балтийского флота. В 1915 г. начальник Минной обороны Балтийского моря. В 1915–1916 гг. командующий флотом Балтийского моря. Член Государственного Совета и Адмиралтейств-совета. В апреле 1917 г. второй помощник морского министра. Уволен в отставку 13 декабря 1917 г. Участвовал в Гражданской войне на стороне белых. В 1919 г. командующий Черноморским флотом. В эмиграции. Умер во Франции в Марселе.

Петроград

18–19 августа [1916 г.]

Получила вчера перед самым отъездом из Гельсингфорса Ваше письмо, милый Александр Васильевич, которому очень была рада, т[ак] к[ак] меня сильно огорчала мысль, что оно может прийти уже после того, как я уеду, и письмо будет лежать у телефона и ждать моего возвращения — ведь обидно? Если бы Вы знали, какую прелесть для меня имеет то, что Вы пишете мне в море во время операций, Александр Васильевич.

О бомбардировке Варны я узнала 15-го из газет и очень порадовалась, что Вам удалось досадить братушкам;¹ только я не думала, что и [в] эту операцию Вы ходили сами. Сейчас я вернулась от Романовых, где, между прочим, был Кетлинский,² кот[орый] много рассказывал про Черное море и, в частности, как раз о гидроаэропланах — так странно сейчас, после Вашего письма, было его слушать.

Остановилась я в доме своей тети Плеске,³ кот[орый] меня всегда поражает тем, что в нем время точно остановилось — везде все меняется, а тут и сама она как-то все та же, та же мебель и на тех же местах, те же старые прислуги — прямо заколдованное царство. За обедом ископаемые гости, а вечером, когда все разойдутся, — гаданье на картах. Сегодня мне все выходят «мысли и расположение важного короля»; я отношу это на Ваш счет и довольна — вот видите, какое у меня идиллическое времяпрепровождение. Моя комната выходит окнами на Неву, через нее во всю ширину столбы света от фонарей — красиво, но как-то странно с непривычки видеть освещенный город, у нас все-таки очень темно на улицах.

Сегодня много ходила по разным своим и чужим делам — устала смертельно, к тому же безобразно поздно — скоро 3 ч[аса]. Поэтому на сегодня кончаю. По какому вре-

мени Вы живете на флоте, местному или петроградскому? Во всяком случае теперь-то Вы, наверное, спите.

19 авг[уста 1916 г.]

Только сейчас — уже второй час ночи — нашла свободную минуту, чтобы продолжить письмо Вам, милый Александр Васильевич. Когда приезжаешь сюда на 3 дня, то дни так наполнены всякой ерундой, что найти такую минуту можно только перед сном. Впрочем, днем я как-то не люблю Вам писать — слишком развлекает суэта и шум кругом. Извиняюсь за чернила — они какие-то подозрительные, — но мое перо внезапно высохло, и приходится писать этим странным составом.

Сегодня неожиданно для себя попала в Морской музей⁴ — пришла в Портовую контору за квартирными деньгами, но контору, оказывается, перевели в здание тюрьмы (!) где-то безумно далеко, т[ак] ч[то] я от огорчения зашла в музей. Надо сознаться, меня больше всего поразила в нем фотография М. А. Беренса⁵ на почетном месте в витрине под стеклом, курьезно видеть его в качестве музейной редкости, не правда ли? А потом мы с Романовым завтракали у Донона,⁶ и он мне рассказывал о том, как ходил с Вами в операцию в июле. Сегодня в газетах есть сообщение о том, что наши суда пришли в Констанцу.⁷ Как приятно иметь возможность пользоваться румынским берегом. Вообще Румыния меня сильно радует, главным образом с той точки зрения, что можно будет наконец добраться до Болгарии, о чем я думаю с азартом.

Да, по поводу Савонаролы: мне кажется, Александр Васильевич, что Вы слишком «посмотри в корень» Вашего прозвища, оно носит характер типично-мичманского происхождения, и основанием к нему, вероятно, послужила, скорее, некоторая общая у Вас и Савонаролы решительность профиля, чем что-либо другое.

Не удивляюсь, что Вам присылают астры — ведь теперь самое время их цветения. Я их люблю, они не пахнут и немного печальные, здесь у нас последние осенние цветы, но красивые. Что же касается белых роз с легким розовым оттенком, то такие цветы мне присвоены,* по крайней мере Вы так говорили мне часто этой зимой, помните, Александр Васильевич?

Завтра, если достану билет, поеду в Ревель, это мне не очень улыбается, милый Александр Васильевич.

Почти в каждом Вашем письме Вы пишете о том «счастье, которое я даю Вам». Не могу передать Вам того странного чувства, с которым я читаю эти слова, — я совсем не заслужила их, не ценю себя настолько, чтобы думать, что действительно мое отношение к Вам может называться счастьем, и испытываю чувство неоплаченного долга по отношению к Вам.**

Л. 19–24.

---

¹ Для отвлечения внимания германского командования от готовившегося вступления Румынии в войну и для обеспечения развертывания русского флота на новом операционном направлении командование Черноморского флота разработало план воздушной бомбардировки болгарского города Варны гидросамолетами. 12 августа 1916 г. отряд кораблей в составе трех авиатранспортов с 20 гидросамолетами и линкора «Императрица Екатерина Великая» в сопровождении миноносцев занял позицию в 25 км от Варны. Из 20 спущенных на воду гидросамолетов в воздух поднялись только семь, остальные не смогли оторваться от воды. Выполнили задачу только четыре самолета, сбросив бомбы на портовые сооружения, гавань и мастерские. Корабли отряда, в свою очередь, подверглись атакам со стороны самолетов противника. Налет на Варну потерпел неудачу из-за плохой подготовленности летчиков к взлету в море и из-за неисправности самолетов.

---

* Над словами «мне присвоены» красным карандашом приписка А. В. Колчака: «да, это так».

** Письмо не закончено. Отсутствуют заключительная прощальная фраза и подпись.

² Кетлинский Казимир Филиппович (1875–1918) — контр-адмирал (12 сентября 1917). В 1895 г. окончил Морской кадетский корпус и в 1902 г. Артиллерийский офицерский класс. Участник обороны Порт-Артура. С 1908 г. флагманский артиллерист штаба начальника Морских сил Черного моря. С 1913 г. преподаватель Николаевской морской академии. В 1915 г. назначен флаг-капитаном по оперативной части штаба командующего флотом Черного моря. В июле 1916 г. капитан 1-го ранга Кетлинский был рекомендован на должность командира линкора «Императрица Мария». Однако в результате противодействия морского министра И. К. Григоровича и начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего А. И. Русина это назначение не состоялось. Вместо этого Кетлинский получил в командование крейсер «Аскольд» (1916–1917), который в это время находился на ремонте во французском порту Тулон. Будучи командиром «Аскольда», утвердил смертный приговор четверым невинно осужденным матросам крейсера, расстрелянным в Тулоне 15 сентября 1916 г. С 3 октября 1917 г. главный начальник Мурманского укрепленного района и Мурманского отряда судов. 28 января 1918 г. убит моряками с «Аскольда», совершившими акт возмездия за расстрел товарищей в Тулоне.

³ Плеске (урожд. Сафонова) Мария Ильинична (?–1944) — родная тетка А. В. Тимиревой. Проживала на Шпалерной ул., д. 32.

⁴ Морской музей им. Императора Петра Великого располагался в здании Адмиралтейства.

⁵ Беренс Михаил Андреевич (1879–1943) — контр-адмирал. В 1898 г. окончил Морской кадетский корпус. Участник обороны Порт-Артура. Командуя эсминцем «Бойкий», осуществил прорыв из блокированной крепости. В 1916–1917 гг. командир линкора «Петропавловск». В мае 1917 г. назначен начальником штаба Минной обороны Балтийского моря. В ноябре 1917 г. исполнял должность начальника МГШ. В январе 1918 г. уволен в отставку. Участник белого движения и эвакуации врангелевского флота из Крыма в 1920 г. Командовал русской эскадрой в Бизерте. В 1924 г. в связи с расформированием эскадры переселился во Францию. Умер в Тунисе.

⁶ Ресторан «Донон и Бетан». Набережная р. Мойки, д. 24. Владелец — А. А. Бетан.

⁷ 14 августа 1916 г. Румыния вступила в войну на стороне Антанты. Для обороны черноморского побережья Румынии был сформирован специальный отряд кораблей (Отряд особого назначения). Корабли базировались на Констанцу, а самолеты на оз. Сингал (близ Констанцы). Констанца использовалась также как промежуточная база для миноносцев, действовавших в районе Варны и Босфора. Для защиты порта от обстрелов со стороны моря неприятельскими кораблями в ночь на 15 августа русские корабли выставили минное заграждение из 400 мин.

[Гельсингфорс]

29 авг[уста 1916 г.]

Сегодня, вернувшись из Ревеля, нашла Ваше злующее и сильно пахнущее бензином письмо, Александр Васильевич милый, кот[орое], по-видимому, дожидалось меня дня три-четыре, и которому я сильно обрадовалась. Ведь почти две недели, пока я ездила, не имела от Вас писем, это не так мало, не правда ли? Письмо было доставлено с большой почтой через Штаб Командующего и в конверте с надписью «деловые бумаги» — это Романов хотел меня подразнить — пусть.

Целую неделю я прожила в Ревеле у Марии Семеновны¹ в поисках квартиры — это скучно; но дни стояли чудесные, прямо золотые и ночи ясные, звездные. Ивановы были ко мне удивительно милы, да и все также, с кем приходилось встречаться, так что я хорошо провела эти дни. Но вспоминала Вас непрестанно, милый Александр Васильевич, в Ревеле все так напоминает мне последние дни, когда мы вернулись с Вами, особенно сад около Морского собрания. *Вы помните его, Александр Васильевич?*

Как странно, что как раз 16-го ночью Вы писали мне о звездах почти то же самое и в то же самое время, как я писала Вам; письмо это не было послано, т[ак] к[ак] на другой день я получила Ваше письмо и предпочла на него ответить, чем посылать старое. Разорвать я его не успела, оно лежит передо мной, вот что я пишу: «Ночь сегодня чудесная, ясная, звезд бездна. Мы с Вами часто говорили о звездах, и теперь я всегда вспоминаю Вас, глядя на них. Мы с Вами не условливались смотреть в одно и то же время на звезды и думать друг о друге, это выходит само собой и так еще гораздо лучше. Вам это не кажется, Александр Васильевич?

---

* На первой странице письма в левом верхнем углу А. В. Тимиревой сделана приписка: «Письмо такое толстое, что еле влезает в 1 конверт — ужасно некрасиво».

Почему Вы приходите в ужас от своего письма и думаете, что я должна непременно над ним заснуть — не понимаю. Напротив, все, что Вы пишете, мне очень интересно, особенно то, что Вы пишете о движении на Болгарию, т[ак] к[ак] это как раз подтверждает мое мнение, из-за которого на днях я сильно спорила, кажется, с Романовым. Что же касается бензина, то я бы очень хотела помочь Вам в этом печальном затруднении, но, к сожалению, это не в моей власти. Вернувшись сегодня, нашла в одном из целой пачки писем от Сергея Николаевича ту самую статью, о которой Вы с таким ужасом пишете.² Я много над ней смеялась и раньше, особенно представляя себе, как *Вы*^{*} должны ее читать. Действительно, это типичный случай беззастенчивого вранья и неприятной развязности. Зато сколько восторга! Буду с нетерпением ждать статьи Пиленки,³ я так ясно представила Вас во время интервью, когда Вы «более любезны, чем хотите».

Вероятно, в октябре перееду в Ревель, нашла себе квартиру, кот[орая] мне не нравится, первый этаж, низкие потолки, на окнах решетки и обои фисташковые с золотом — брр... маленький кошмар, все те вещи, что я не переносу. Ну, да по обстоятельствам военного времени не очень-то можно разбирать такие детали — берешь, что есть.

Познакомилась в Ревеле с А. В. Стеценко,⁴ с кот[орым] встречались в Собрании каждый день; он интересный собеседник, этот маленький человечек, и мы почти подружались за эту неделю. Но вот кто оставил мне о себе самые тяжелые впечатления — это Трухачев.⁵ Его прямо не узнать, он так исхудал и потемнел, стал таким раздражительным. Ему, видимо, просто неприятно видеть здоровых людей, слышать смех, разговоры и чувствовать, что все это ему уже недоступно. Он, видно, очень плох, жаль его ужасно.

На воде у нас пока что тихо и вряд ли будет веселей. С[ергей] Н[иколаевич] стоит в Моонзунде⁶ и медленно по-

---

* Подчеркнуто А. В. Тимиревой черными чернилами.

гибает от тоски; максимум развлечения — это приезд Модеста Иванова,⁷ кот[орый] к концу обеда начинает ему жаловаться на то, что я его обижаю и бойкотирую — действительно весело.

Завтра день Вашего ангела, дорогой Александр Васильевич; вероятно, Вы получили глупую открытку, кот[орую] мы писали Вам вместе с Марией Семеновной, но мне хочется еще поздравить Вас и пожелать много счастья.

Сегодня прочла в газете о бомбардировке нашими миноносцами Бальчика.⁸ Не знаю, где это, т[ак] к[ак], конечно, карты в доме нет — безобразия, надо завтра достать.

А пока до свидания, дорогой Александр Васильевич, уже скоро два часа. В Ревеле как-то собралась Вам писать, но ничего не вышло, т[ак] к[ак] в единственной комнате, где у Марии Семеновны есть стол, на котором можно писать, мы с ней сидели всегда вместе, какое уж тут письмо, посудите сами.

Извините за nepозволительный почерк, Александр Васильевич милый, лампы на столе нет, свечей не существует в природе и очень темно.

Да хранит Вас Господь, *я же всегда думаю о Вас.*

Анна Тимирева

Л. 25–30 об.

---

¹ Иванова (урожд. Говалова, по первому браку Лаврова) Мария Семеновна — жена контр-адмирала Леонида Леонтьевича Иванова. Некоторое время была в близких отношениях с А. В. Колчаком, о чем свидетельствует ее письмо из Гельсингфорса от 19 ноября 1916 г. (РГАВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 189, 189а. Автограф; Д. 46. Л. 196, 197. Машинописная копия).

² 13 августа 1916 г. в газете «Новое время» была опубликована статья «Новый адмирал» о командующем Черноморским флотом вице-адмирале А. В. Колчаке. Ее отличали весьма приблизительная трактовка фактов и слащаво-героический стиль. Довершал это «произведение» сусальный портрет Колчака.

Статья писателя А. Тамарина (Алексей Иванович Окулов) «Два адмирала», подписанная криптонимом «Л. Н.», печаталась в газете «Военный вестник» 30 и 31 июля 1916 г. В несколько переработанном виде под

названием «Необычайный смотр (Первые шаги адмирала А. В. Колчака)» была опубликована в «Армейском вестнике» 9 августа 1916 г., а затем в «Кронштадтском вестнике» 13 августа 1916 г. и в тот же день с незначительными сокращениями — в «Новом времени» под заглавием «Новый адмирал» без указания фамилии автора.

³ Пиленко Александр Александрович (1873–1948) — юрист, профессор Санкт-Петербургского университета и Высших женских Бестужевских курсов, статский советник, журналист, сотрудничал с газетой «Новое время». В эмиграции во Франции.

⁴ Стеценко Алексей Васильевич (1874 – до 1928) — капитан 1-го ранга (апрель 1916). В 1894 г. окончил Морской кадетский корпус, а в 1902 г. Гидрографический отдел Николаевской морской академии. Участник обороны Порт-Артура. В 1915–1916 гг. командовал 10-м дивизионом эскадренных миноносцев Балтийского флота. С мая 1917 г. командир крейсера «Адмирал Грейг».

⁵ Трухачев Петр Львович (1867–1916) — контр-адмирал (1915). В 1887 г. окончил Морское училище. Участник обороны Порт-Артура. В 1915 г. командир Минной дивизии, а затем 1-й бригады крейсеров Балтийского флота. Умер в Новороссийске, похоронен в Петрограде.

⁶ Моонзундский архипелаг — группа островов в Балтийском море у побережья Эстляндской губернии. Площадь более 4000 км². Наиболее крупные острова — Эзель, Даго, Моон, Вормс.

⁷ Иванов Модест Васильевич (1875–1942) — контр-адмирал (ноябрь 1917). В 1894 г. окончил Морской кадетский корпус, а в 1900 г. Гидрографический отдел Николаевской морской академии. Участник обороны Порт-Артура. В 1915–1917 гг. командир крейсера «Диана». В мае 1917 г. назначен начальником 2-й бригады крейсеров Балтийского флота. Управляющий Морским министерством. Перешел на сторону Советской власти. Член Верховной морской коллегии. С 1924 г. в отставке. В дальнейшем работал в гражданском флоте.

⁸ 26 августа 1916 г. эскадренные миноносцы «Быстрый» и «Громкий» обстреляли болгарские порты Бальчик и Коварну, уничтожив 21 баржу, склад с керосином, разрушив пристань и два крана.

№ 7

[Гельсингфорс]

1 сентября 1916 г.

Милый Александр Васильевич, еще третьего дня получила Ваше письмо — ответ на мое, написанное в Петрограде. Вчера написала Вам два письма, но сегодня, перечтя их, решила не посылать, а просто бросить в корзинку. Лишний раз я убедилась, что не все, что думаешь, можно говорить,

а особенно писать. Вот Вы говорите, что мое письмо заботит и печалит Вас, и это мне больно, я бы хотела, чтобы мои письма были Вам только радостны. Но в сущности Вы не должны так принимать мои слова — то, о чем я писала, — сознание моего неоплатного долга, только мое личное чувство, Вы же, я знаю это, Александр Васильевич дорогой, не предъявляете ко мне никаких требований. Что же касается жизненных осложнений, то я о них не говорила ничего, и единственное, что могу назвать этим словом — это ощущение человека, который неожиданно для себя обнаружил в своей душе больно уязвимое место величиной приблизительно в Черное море, но тут уже Вашей вины нет. Если бы Вы знали, как вспоминают Вас здесь во флоте. Вы точно душу Балтийского моря увезли с собой, и чувствуется громадная пустота, которую некому заполнить — не Вашему же заместителю.¹ По-видимому, он делает порядочно глупостей, а главное, он глубоко равнодушен и к миноносцам, и к людям и не бережет ни тех ни других, что не делает ему чести. 30-го вернулся из Моонзунда Сергей Николаевич, пробывший там около месяца, на днях его, вероятно, опять ушлют или обратно, или в Абоголандию² на смену Лоло Щетинина.³ А пока мы очень много времени проводим втроем с Софьей Федоровной.⁴ По-видимому, она собирается скоро ехать к Вам в Севастополь. Я рада, что Вам не будет так одиноко тогда, Александр Васильевич, но это чувство относится к области чистого альтруизма, т[ак] к[ак] для меня лично отъезд Софьи Федоровны — еще одна большая утрата, я люблю ее нежно и буду очень скучать без нее.

На днях у нас на воде была форменная паника, прорвались 2 немецкие подлодки, или, может быть, одна, и гуляли между Ревелем и Гельсингфорсом, приводя в полное смятение начальство. Но так до сих пор и не известно, ушли ли они или все еще бродят по соседству. Вообще же все напряженно ждут событий, т[о] е[сть] того, что заблагорассудится предпринять немцам, которые что-то начинают шевелиться. И сейчас особенно чувствуется, что Вас здесь нет.

Я думаю, Александр Васильевич милый, что никто так не вспоминает Вас, никто так не скучает по Вам, как я, но вспоминают и жалеют о Вашем отсутствии очень многие. Я, кажется, начинаю писать черноморским слогом! Одно время я как-то приучила себя не думать и не ждать ничего, кроме Ваших писем, но вот последние дни опять мне так хочется увидеть Вас, говорить с Вами не только в письмах, а слышать Ваш живой голос. Два месяца, Александр Васильевич, мы не виделись с Вами; конечно, это не так уж много, если бы знать, что через какой-нибудь определенный промежуток времени — любой — я все-таки увижу Вас. Но это-то и грустно, что никакой возможности этого предвидеть я не могу. Ну, что делать, буду жить, как живет, и радоваться тому, что мне дает судьба — Вашим письмам, это совсем не так уж мало. Вы пишете о связи моего отношения к Вам с войной, не знаю, правы Вы или нет, но Ваша точка зрения для меня понятна и ясна. Да и помимо нее, не будь этой войны, вероятно, мы никогда бы даже не встретились в жизни и во всяком случае не подошли так близко друг к другу. И вот еще о чем я много думала, Александр Васильевич, мы все-таки много виделись с Вами, много говорили, каждый Ваш приезд я помню, Вы как никто умели самое банальное времяпрепровождение превратить для меня в праздник своим присутствием, но только когда пришла минута расставания, Вы сами подошли ко мне в первый раз.

Вы пишете, что предпочитаете посылать письма с оказиями ввиду сокращения времени; Вы неправы — по почте письма приходят на 4-ый день, а с оказиями раньше чем через неделю я их не получала, а то и через 10 дней. Я рада, что Ваше высокое звание избавляет мои письма от цензуры, — подумайте, сколько было бы ей в противном случае лишней работы.

Когда Вы пришлете мне свою фотографию? С[офья] Ф[едоровна] говорила мне, что Вы снимались в Севастополе, мне очень хочется иметь ее.

До свидания, дорогой Александр Васильевич, уж поздно, да и пора кончать, и так, кажется, я написала много вздора.

Пусть Господь хранит Вас всегда и всюду.

Анна Тимирева

Л. 33–36 об.

---

¹ Вместо А. В. Колчака начальником Минной дивизии 28 июня 1916 г. был назначен Михаил Александрович Кедров (1878–1945) — вице-адмирал (с 16 ноября 1920). В 1899 г. окончил Морской кадетский корпус. Участник обороны Порт-Артура. В начале Первой мировой войны прикомандирован к британскому флоту. В 1915 г. командир линкора «Гангут». В 1917 г. уполномоченный Морского министерства при Русском правительственном комитете в Лондоне. Участник белого движения. В октябре 1920 г. командующий Черноморским флотом. Руководил его переходом из Севастополя в Бизерту. В эмиграции председатель Военно-морского союза, заместитель председателя Русского общевоинского союза (РОВС). Умер во Франции.

Негативная оценка М. А. Кедрова у А. В. Тимиревой идет, скорее всего, от рассказов офицеров и мужа. См.: *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 51.

² На Або-Оландском (Аландском) архипелаге приказом командующего Балтийским флотом Н. О. фон Эссенем была создана укрепленная або-оландская позиция. Она давала возможность осуществлять действенный контроль над западной частью Финского залива и вести активные операции в Балтийском море. Позицию защищало соединение кораблей различных классов, опиравшееся на минные заграждения и береговую артиллерию.

³ Щетинин Алексей Алексеевич (1876–?) — капитан 1-го ранга (март 1915). В 1895 г. окончил Морской кадетский корпус. Участник обороны Порт-Артура. В 1915–1917 гг. командир крейсера «Россия». В апреле 1917 г. зачислен в резерв чинов Морского министерства. Уволен в отставку в ноябре 1917 г.

⁴ Колчак (урожд. Омирова) Софья Федоровна (1876–1956). Родилась в семье начальника казенной палаты Каменец-Подольска. Окончила Смольный институт. В 1904 г. вышла замуж за А. В. Колчака. В опосредованное время проживала в Гельсингфорсе, затем вслед за мужем переехала в Севастополь. В апреле 1919 г. эмигрировала. Умерла во Франции.

В РГАВМФ хранится значительное количество писем Софьи Федоровны к А. В. Колчаку за 1911–1912 гг. (Ф. 11. Оп. 1. Д. 58).

[Гельсингфорс]

9–10 сент[ября 1916 г.]

Дорогой Александр Васильевич, уже очень поздно — три часа, — но мне хочется хоть немного поговорить с Вами. Спасибо Вам большое за письмо и фотографию, которая, по-моему, почти хороша; только на ней Вы — вылитый Славушка,¹ ужасно забавно. За эту неделю написала Вам несколько писем, но не послала их, т[ак] к[ак] смертельно боюсь надоесть Вам своей нелепой корреспонденцией, решив подождать, чтобы Ваше письмо уверило меня в противоположном.

Можете себе представить, Александр Васильевич, какое у нас смятение и волнение умов по поводу назначения Адриана Ивановича командующим? Я же рада этому очень, т[ак] к[ак], вероятно, кончится унылая спячка, в которую наше море окончательно погрузилось после Вашего отъезда. Если уж мне она надоела до смерти, то каково же офицерам? Ждут больших перемещений, между прочим, смены Вашего заместителя и моей антипатии — Кедрова, то-то я буду рада! Канин, по-видимому, весел, как чижик, и очень доволен, что ушел или что его ушли. Все-таки странно — его как-то сразу все забыли и только ждут, что дальше будет.

Как видите, у нас настроение бодрое и полное надежд. Но вот Ваше такое грустное и огорченное письмо, Александр Васильевич милый, очень огорчило меня. Что же делать, если не все идет порою так, как бы хотелось, но ведь трудно было и ожидать, что может быть иначе, и, уезжая отсюда, Вы знали, что идете на тяжелый и упорный труд. Конечно, это утешение совсем маленькое, но ведь недаром же этот труд пропадает, надо думать, что дело должно принять другой оборот. Да я и уверена, что так и будет, Александр Васильевич.

Свою фотографию я Вам пошлю, как раз завтра. Я должна получить пробные карточки — маленькие. То есть по-

шлю, если не буду на ней окончательно похожа на ведьму — это ясно. Во всяком случае, я снималась с тайным намерением послать Вам свой портрет — сознайтесь, Александр Васильевич, что это мило с моей стороны? Я Вам пишу какие-то глупости, но не сердитесь на меня — я уже полторы недели не имела от Вас ничего и так рада Вашему письму, хотя бы и такому печальному. Знаете, Александр Васильевич, после каждого Вашего письма я заряжаюсь хорошим настроением на целую неделю, но когда она проходит, и время подвигается к концу второй — начинаю медленно, но верно впадать в некоторое ничтожество — Вы совсем меня избаловали, хорошо ли это?

Думаю остаться здесь еще недели три, может быть, больше. Смысла мне сейчас ехать в Ревель нет, да он меня и не привлекает. Никого я там не знаю почти, как придется жить — неизвестно, был один хороший человек — Адриан Иванович — и того назначили командовать флотом, теперь до него не доберешься.

На горьком опыте убеждаешься, как опасна высокая дружба, я сотый раз даю себе слово не привязываться к людям, рискующим попасть в столь исключительное положение, иначе иногда уж очень невесело становится, Александр Васильевич. Пора и кончать — 4 часа, пожалуй, надо спать. Ну, до свидания пока, кстати, и лист кончается.

10 сентября [1916 г.]

Приходится очень наспех кончать письмо, милый Александр Васильевич. Мне хочется исполнить Вашу просьбу и послать Вам карточку, а сегодня как раз okazия — идет на «Самсоне»² в Петроград Борис Платонович Иванов,³ и я попрошу его доставить Романову пакет и письмо, а он перешлет Вам.

Сейчас уже надо ехать обедать к Софье Федоровне, которая едет в Петроград сегодня, пока на неделю, чтобы за-

кончить все дела перед отъездом в Севастополь. Что спешить, уж лучше кончу на сегодня. Да, какой Вы лицемер, милый Александр Васильевич, когда пишете: «Вы не будете недовольны за мои, быть может излишне длинные письма?» Вы же хорошо знаете, как я их люблю.

До свидания пока, не грустите из-за временных неудач и не забывайте меня.

Храни Вас Господь и пошли Вам побольше счастья, жду.

Анна Тимирева

Л. 37–42.

---

¹ Колчак Ростислав Александрович (1910–1965) — сын А. В. Колчака. В 1931 г. окончил Высшую школу дипломатических и коммерческих наук в Париже. Автор очерка «Адмирал Колчак. Его род и семья (из семейной хроники)» (Военно-исторический вестник. Париж. 1959. № 13, 14; 1960. № 16).

² «Самсон» — эскадренный миноносец Балтийского флота. Заложен в 1915 г., вступил в строй в 1916 г. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. В 1920–40-е гг. входил в состав ВМФ СССР. В 1951 г. разоружен и переклассифицирован в плавучую казарму.

³ Иванов Борис Платонович (1882–1928) — капитан 2-го ранга (6 декабря 1915). В 1902 г. окончил Морской кадетский корпус. Участвовал в Цусимском сражении на броненосце «Ослябя». В 1914–1916 гг. командир эскадренного миноносца «Достойный», а с августа 1916 г. — «Самсон». В эмиграции. Умер во Франции.

№ 9

[Гельсингфорс]

14 сент[ября 1916 г.]

Милый Александр Васильевич, как я рада была получить от Вас наконец веселое и радостное письмо, мне было грустно думать о всех Ваших огорчениях и заботах, а после Вашего последнего письма мне сразу приснилась такая масса подлодок, взрывов и т[ому] п[одобной] дряни, что я проснулась в полной панике. Спасибо Вам за фотографию, снятую на «Императрице Марии», она забавна, как

все фотографии, снятые во время движений, как остановившийся кинематограф, но мне приятно видеть Вас в свойственной Вам обстановке; на днях я собиралась как раз купить открытку с изображением Джеллико¹ на борту какого-то корабля, т[ак] к[ак] она мне напомнит Вас. И Вашу большую фотографию Вы напрасно браните — она действительно хороша и вполне достигает цели: напоминает мне Вас, милая химера, и не мешает тому представлению, которое сложилось в моей памяти. Ваше письмо мне принесли утром, оно было такое хорошее и милое, день чудесный, ясный, холодный, самый мой любимый, деревья золотые, море ярко-синее — все это привело меня в такое замечательное настроение, что я, идя по улице с Сергеем Николаевичем, вдруг поймала себя на том, что начинаю петь почти громко — подумайте какой скандал!

Осень этот год как-то особенно красива, много солнца, хоть и холодно, уже морозы по ночам, а ночи яркие и звездные. Вчера мы очень мило катались на авто вдвоем со Славушкой. Знаете, Александр Васильевич, он до того на Вас похож, что я не могу смотреть без смеха на Вас в таком маленьком виде.

Сегодня сюда пришел Лоло Щетинин и, вероятно, на днях я его увижу — иногда это презабавно, я люблю слушать его рассказы и рассуждения, если это не очень часто. Кроме того, очевидно, он будет по обыкновению объясняться мне в любви к Вам, а я буду делать каменносочувствующее лицо и подавать реплики — это тоже меня забавляет. За последние дни довольно много времени провожу с Вердеревским,² кот[орый], по-видимому, медленно погибает от тоски и безделья, т[о] е[сть] готов даже ходить по магазинам, носить двадцать штук пакетов различной величины и пить со мной шоколад у Фацера — все такие противоестественные занятия. На днях должен быть здесь А. И. Непенин, кот[орого] ждут с огромным интересом. Мы с Софьей Федоровной придумали для него название — Тор³ с молотком, не правда ли, похоже?

Сегодня, гуляя в Брунстпарке,⁴ встретила Марию Львовну Тавастшерн,⁵ кот[орая] очень беспокоится о том, как доехал в Севастополь ее муж и не хуже ли ему. Милый Александр Васильевич, напишите мне, каково ему живется, я его очень мало знаю, но он всегда производил на меня впечатление удивительно хорошего и милого человека.

Уже опять половина второго. Вообще образ жизни я веду совсем безобразный, нигде не бывая, кроме кинематографа, все-таки умудряюсь ложиться в 3–4 часа. Так уж выходит. Встаю поздно, днем гуляю, потом съезжает Сергей Николаевич, и я с ним, а когда он уходит к последней шлюпке, мне еще хочется побыть немного наедине с собой, почитать, просто поужинать или написать Вам. Ночью так хорошо всем этим заниматься, тихо, никто не мешает.

Вчера получила письмо от сестры, кот[орая] пишет, что мои отец и мать будут в Петрограде в конце сентября, откуда отец уедет опять в Англию. Вероятно, я поеду повидать их в Петрограде, т[ак] к[ак] очень соскучилась, не видя своих вот уж пятый месяц. Пишу Вам это и чувствую сильные укоры совести, т[ак] к[ак] не писала домой вот уже лет сто, что с моей стороны поступок темный. Вообще я корреспондент из рук вон плохой и, если пишу Вам так часто и такие длинные письма, то это единственное в своем роде исключение из правил. Никому и никогда я не писала с такою радостью и легкостью, как Вам, милый Александр Васильевич. Я так люблю Ваши письма, ни на чьи не похожие ни по содержанию, ни по стилю, мне так дорого, что Вы пишете мне о том, что заботит и радует Вас, что наполняет Вашу жизнь. Сейчас я вспоминаю недавно слышанную мной фразу: «В Черном море теперь интересно, или это так кажется, потому что теперь у нас там Александр Васильевич». Не правда ли, курьезно? Но я думаю, что и помимо этого обстоятельства таки действительно теперь «интересно». Если бы Вы знали, какая радость для меня каждая Ва-

---

⁴ Подчеркнуто А. В. Тимиревой черными чернилами.

ша удача, каждый успех. Пожалуй, пора и кончать — Вы так извиняетесь за длинные письма, милый Александр Васильевич, что я даже начинаю думать, что писать их — поступок не из самых важных, да и помимо этого мои письма начинают принимать действительно угрожающие размеры. Если найду сколько-нибудь возможную свою фотографию из любительских, пришлю Вам, как Вы хотите. Сейчас Вы уже получили, вероятно, карточку, кот[орую] я послала Вам через Романова; она не из самых удачных, но и не так уж плоха.

Ну, до свидания пока, дорогой Александр Васильевич, все-таки надо же когда-нибудь кончить — это ясно. Я так привыкла разговаривать с Вами письменно, что, пожалуй, когда увижу Вас (надо думать, что это когда-нибудь да будет), не буду знать, как говорить с Вами просто — так будет странно. Спокойной ночи, Александр Васильевич.

Да хранит Вас Господь всегда и всюду.

Анна Тимирева

Поскорее заклею конверт, чтобы не перечитывать завтра написанного сегодня, а то опять не пошлю — прямо повод.

Не знаю, Александр Васильевич, так ли я пишу и поймете ли Вы меня так, как я думаю.*

Завтра будет год со дня смерти моего брата, умершего от ран в Вильне; из-за этого дня я и приехала в Петроград. Все эти дни вспоминаю его и первые черные дни после его смерти, и на душе нерадостно. Ну, пора и кончать, и так письмо бесконечно длинное, — Вы соскучитесь раньше, чем прочтете до конца. Где-то Вы сейчас, Александр Васильевич? Все равно, где бы Вы ни были, да хранит Вас Господь.

До свидания.

Анна Тимирева

---

* После выделенных слов приписка А. В. Колчака «нет».

Р. С. Напишите мне, вскрывает ли цензура мои письма? Все-таки неприятно, если кто-нибудь читает то, что написано только для Вас.

А[нна] Т[имирева]

Под текстом письма помета А. В. Колчака: «Письмо получено 23/IX 1916 г.».

Л. 49–51.

---

¹ Джеллико (Gellicoe) Джон Рашуорт (1859–1935) — английский адмирал. В 1914–1916 гг. главнокомандующий Гранд-флотом. Командовал английским флотом в Ютландском сражении (1916). До окончания войны занимал должность 1-го морского лорда, начальника Морского генерального штаба.

² Вердеревский Дмитрий Николаевич (1873–1947) — контр-адмирал (6 декабря 1916). В 1893 г. окончил Морской кадетский корпус. В 1915–1916 гг. командующий дивизией подводных лодок Балтийского моря. В апреле 1917 г. начальник штаба командующего Балтийским флотом. В мае начальник 1-й бригады линкоров. В июне – июле командующий Балтийским флотом. В августе – ноябре морской министр. 22 ноября 1917 г. уволен в отставку. В эмиграции. Умер во Франции.

³ Тор — в германо-скандинавской мифологии бог грома, бури и плодородия, защищавший богов и людей от страшных чудовищ. Оружием Тора являлся молот, которым он поражал врагов.

⁴ Брунспарк — разбит на скалистом п-ве Ульрикасборг в 1834 г. Стал курортом с водолечением. Здесь располагался ресторан и летний театр.

⁵ Тавастшерна (урожд. Левицкая) Мария Львовна — с 1908 г. жена капитана 2-го ранга А. А. Тавастшерны.

Тавастшерна Александр Александрович (1888–1925). В 1908 г. окончил Морской кадетский корпус. Служил на Дальнем Востоке. С 1911 г. на Балтике. В 1916 г. переведен на Черноморский флот.

№ 10

[Гельсингфорс]

22 сентября 1916 г.

Милый Александр Васильевич, большое спасибо Вам за письмо и карточку: какой Вы на ней свирепый! Все-таки из всех Ваших фотографий я больше всего люблю первую, кот[орую] Вы мне прислали из Севастополя, может быть,

потому, что там Вы смотрите прямо на меня и никуда не отворачиваетесь, как на других. У меня на столе стоят три Ваших портрета, т[ак] ч[то] Сергей Николаевич слегка надомной глумится — Вашу последнюю фотографию я спрячу в ящик, чтобы не превратить своей комнаты окончательно в музей Вашего имени.

Читала статью Пиленко о Вас и Черноморском флоте.¹ Что о ней сказать? Она банальна до грусти, бедняга не сумел избежать даже «розового, как яблоко, мичмана» и «старенького батюшки, играющего в шашки» — этим все сказано. Что касается лично Вас, Александр Васильевич, то, по-видимому, Вы таки нагнали панику на Пиленко, и «объясняя» ему,^{*} что не следует писать и печатать о Вас всякий вздор, т[ак] ч[то] о Вас в сущности ничего не сказано. Нарисован Ваш портрет (это бы еще ничего, на птицу Вы, правда, похожи), потом идет сравнение с Суворовым,² что уж глупее глупого, т[ак] к[ак] ничего общего у Вас с ним нет, и затем приведены 2 анекдота из жизни великих людей или коронованных особ, достойные попасть в календарь в полтинник ценой. Вижу, Александр Васильевич, что мне придется взяться за перо и самой написать о Вас хорошую статью — можете себе представить, что это будет?

Вы мне пишете о Непенине и о том, что я не права в своих словах о высокой дружбе: милый Александр Васильевич, я думаю, что никогда я не была так права, когда это Вам писала, хотя мне и не следовало, быть может, говорить это. Только к Вам эти слова не относятся — Вы для меня все тот же дорогой Александр Васильевич, и вряд ли есть такое высокое положение, которое могло бы изменить эту мою точку зрения по отношению к Вам.

Вы говорите о недоверии и сомнении, кот[орое] Вы чувствуете в моих письмах; Александр Васильевич, если бы Вы знали, как безусловно я доверяю Вам, как верю всякому

---

^{*} Так в тексте.

Вашему слову. Если уж и есть эти чувства в моих письмах, то они относятся только ко мне самой — себе я не всегда верю, хорошо зная, что «мечты Вашей созданы», как Вы называли меня — в сущности, существо очень средних достоинств и к тому же скептик в гораздо большей степени, чем бы следовало — вот так просто, почему я часто не посылаю Вам написанных мной писем — я пишу их в минуты, когда не особенно хочется видеть Вас, когда я поздно сижу одна и мне приходят в голову мысли, часто ни с чем не сообразные и, наверное, приведшие бы Вас в некоторое печальное недоумение, если бы Вам довелось их прочесть. Кроме того, я знаю, что сама бы пожалела, отправив Вам хоть одно послание из этой категории, т[ак] к[ак] я подвержена бесплодному раскаянию в высшей степени; знаете ли Вы, Александр Васильевич, это никому и ни для чего не нужное мученье, но я его знаю слишком хорошо.

Я смотрю на Вашу последнюю фотографию и вот что думаю — она страшно похожа на большую птицу датского фарфора, стоящую у Софьи Федоровны на столе, только птица еще больше напоминает Вас — совсем Ваши глаза и взгляд, главное. Мне кажется, что этот фарфоровый сокол или крик — просто Ваше символическое изображение, я люблю на него смотреть.

Вероятно, на той неделе я поеду в Петроград повидаться с отцом, кот[орый] будет там проездом по пути в Англию, и пробуду там дней 5 — от 26 до 1 октября, напишите мне туда, если успеете — хорошо? Адрес мой: Петроград, Фурштатская, 37, кв. Сафонова, мне.

У нас уж выпал снег, даже днем при ярком солнце бывает небольшой мороз, но с летом так не хочется окончательно прощаться, пока на деревьях хоть немного листвы и солнце светит, пусть хоть такое холодное.

Вы хотели иметь какую-нибудь любительскую фотографию — посылаю две, снятые этим летом на Бренуэ, на одной просто я, на другой я, Романов и тень Сергея Николаевича. Эта фотография носит сложное название «Галицийская

девушка дает напиться одному из наших серых героев», или «Ревекка у колодца».³

Надо кончать. Я пишу Вам всякие глупости, а на душе у меня сегодня очень невесело по причинам, не относящимся к делу, и о которых писать не стану.

Ну, до свидания Александр Васильевич милый, да хранит Вас Господь всегда и всюду, а я всегда думаю о Вас.

Анна Т[имирева]

Л. 52–54 об.

---

¹ 17 сентября 1916 г. газета «Новое время» опубликовала статью своего корреспондента профессора А. А. Пиленко «С командующим флотом в открытом море», в которой он рассказал о своих впечатлениях от пребывания на флагманском корабле Черноморского флота.

² Суворов Александр Васильевич (1729–1800) — русский полководец, один из создателей русского военного искусства, генералиссимус (1799).

³ Ревекка — одна из четырех прародительниц еврейского народа. Авраам послал своего домоправителя Елезара в арамейский город Харран за женой для сына Исаака. Елезар с караваном верблюдов, везущих подарки, остановился у колодца и стал молиться о ниспослании ему знамения — девица, предназначенная в жены Исааку, должна начерпать воды для всего каравана. Ревекка, находившаяся в это время у колодца, напоила путников. На этот сюжет написаны картины: «Ревекка у колодца» флорентийским художником Г. Рени (ок. 1630) и «Ревекка и Елезар» испанским художником Б. Мурильо (1650).

№ 11

Петроград

27 сент[ября] 1916 г.]

Милый Александр Васильевич, Ваше письмо от 20-го числа я получила вчера утром и очень обрадовалась ему, т[ак] к[ак] мне хотелось получить от Вас несколько строк перед отъездом в Петроград.

Сегодня прочла в газете об обстреле нашими миноносцами Синопа.¹ Были ли Вы там? Впрочем, вряд ли, раз Вы вернулись только 20-го в Севастополь.

Вы пишете о том, что часто наши мысли встречаются, — это правда, и о том, что иногда в моих письмах Вы находите фразы, которые могли бы быть написаны Вами. Боюсь, милый Александр Васильевич, что «contact intime et permanent»^{*} с Вами не остается без сильного влияния на мой образ мыслей и способ их выражать. Но все же я честно старалась не заниматься плагиатом и пересказыванием Ваших мыслей своими словами (способ очень распространенный, очень женский и довольно дешевый), а потом, когда много думаешь о ком-нибудь, то часто невольно пытаешься смотреть на многое с точки зрения этого человека.

Я остановилась у своих родителей в той самой комнате, где жила с сестрой до замужества. Сестра занимается живописью,² и со стен на меня глядят громадные полотна с портретами родственников в кошмарных размерах и необычайных цветов — желтые и рыжие — признаться, жутко! Петроград омерзителен, грязь, дождь и туман, извозчиков мало, а какие есть, настоящие беглые каторжники, вид унылый донельзя, хоть плачь.

Вы просите меня, Александр Васильевич, чтобы я написала Вам, что нового в Минной дивизии. Это очень трудно, т[ак] к[ак] писать о ней могу только со слов капитанов, а в таком случае мне опять придется «отзываться» о Вашем заместителе и опять выслушать Ваш упрек в несправедливости. Знаете, как его зовут? «Наш красавец», только все дело в интонации. Говорят, что никогда еще не было такого тяжелого плавания, как этот год, за все 2 года войны.

Вчера видела Б. В. Муромцева, мы обедали с ним перед моим отъездом, конечно, говорили о Вас. У меня есть проект повесить у себя на квартире плакат с надписью: «Покорнейше просят не говорить о Колчаке». Пока не говоришь о Вас, то думаешь о Ваших письмах, о фотографиях, о том общении с Вами, которое все же возможно; но когда кто-нибудь начинает рассказывать о Вас, передавать Ваши

---

^{*} тесное постоянное общение (фр.).

слова, я опять ясно вижу настоящего живого Александра Васильевича и слишком представляю себе, как бесконечно он далек от нас, и это совсем невеселое ощущение.

Адриана Ивановича я на днях видела, он был у нас вечером, вид имел очень усталый и грустный. Ему тоже нелегко заниматься чисткой авгиевых конюшен. Многие ставят ему в вину его резкость, подчас совершенно несправедливую грубость, да и, право, не очень приятно получить удар молотком Тора по голове — к сожалению, в этом очень скоро нам пришлось убедиться.³ Но надежды на него возлагают очень много — у него все данные, чтобы их оправдать.

Из Вашего письма я вижу, что последнее время Вы находитесь в состоянии некоторой ярости, когда, согласно легенде, Вы склонны «топтать свою фуражку» (!!). Это очень жаль, т[о] е[сть] жаль-то мне все-таки, пожалуй, не Ваших жертв, а того, что Вы, видимо, действительно изведены больше, чем следует. Надеюсь, все же, что экскурсия в Румынию привела Вас в относительное равновесие.

Сергей Николаевич ушел в необитаемые страны на месяц или больше, и меня очень соблазняет мысль проехать на это время в Кисловодск и оттуда немного поездить по Кавказу, попасть в Тифлис и Батум, вероятно, там можно погреться немного на солнце. Хотя сегодня получено письмо от сестры, где она сообщает довольно мрачно, что «гнусность погоды достигла своего апогея» — мало утешения для меня.

Вы спрашиваете, где я буду жить в Ревеле: в этом отношении мне все-таки подвезло — квартира на Вышгороде,⁴ в том же доме, где живут Трухачевы, этажом выше. Оттуда чудесный вид, весь Ревель у ног, видно даже немного море. Это обстоятельство меня радует, так приятно видеть перед собой большое пространство. О прочих же прелестях Ревеля я стараюсь вообще не думать, в сущности, жить можно всюду, и маленькие неудобства «боевого значения на имеют» — не правда ли?

Вы хотите, чтобы я написала Вам, какие цветы я люблю — вот это трудно сделать, мне кажется, что люблю решительно все. Так что, милый Александр Васильевич, Вы имеете полное право вспоминать обо мне, глядя на всякие — это сильно упрощает дело.

Я взяла с собой Вашу последнюю фотографию, чтобы ее здесь обрамить; при ближайшем рассмотрении она очень хороша и очень похожа — еще раз спасибо за нее.

Кажется, пора кончать — четвертый час и я смертельно устала после дороги. Начав писать Вам, я всегда теряю чувство меры и никак не могу остановиться, хорошо ли это?

Сегодня, проходя мимо Преображенского собора,⁵ я зашла в него, как люблю иногда это делать, не во время службы, посмотрела на знамена, взятые в Варне, и думала о Вас.

До свидания, Александр Васильевич, храни Вас Господь всегда и всюду, я же часто молюсь Ему за Вас.

Анна Тимирева

Сейчас только обратила внимание на солидный объем письма и даже испугалась — это целый том, а не письмо!

Л. 55–58 об.

---

¹ 23 сентября 1916 г. эскадренные миноносцы Черноморского флота «Счастливый», «Пронзительный» и «Поспешный» обстреляли турецкие порты Самсун и Синоп, где было уничтожено 58 парусных судов, захвачен один бот и 40 пленных.

² Вероятно, речь идет о Варваре Васильевне Сафоновой (1895–1942). Изучала живопись в частной студии С. М. Зейденберга, с 1914 г. — в школе живописи Е. Н. Званцевой у К. С. Петрова-Водкина. Умерла во время блокады Ленинграда.

³ Здесь, скорее всего, А. В. Тимирева намекает на конфликт между ее мужем и А. И. Непениным, который произошел во время смотра на крейсере «Баян». Суть происшествия такова. Флаг-офицер штаба командующего флотом забыл передать С. Н. Тимиреве сообщение о предстоящем смотре. Вследствие этого прибытие Непенина на корабль оказалось неожиданным для его командира и команды. Не разобравшись в ситуа-

ции, командующий флотом устроил разнос Тимиреву, который подал рапорт об отстранении от командования. Выяснив действительную причину неготовности корабля к смотру, Непенин прислал Тимиреву письмо с извинениями. Более подробно этот эпизод изложен в кн.: *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 59–61.

⁴ Вышгород расположен на скалистом холме Тоомпеа — место городища древних эстов, древняя часть Ревеля. В X – начале XI в. на этом месте возник город-крепость.

⁵ Преображенский собор — построен архитектором В. П. Стасовым в 1827–1829 гг. в стиле классицизма. Посвящен победе в войне над Турцией в 1828–1829 гг., о чем напоминает ограда из стволов трофейных турецких пушек.

№ 12*

Гельсингфорс

2 окт[ября] 1916 г.]

Милый Александр Васильевич, Ваше письмо от 27-го получила вчера в Петрограде, передал мне его перед самым отъездом В. Романов, исполняющий обязанности службы связи.

Пробыла в Петрограде 5 дней и уехала с не очень радостным чувством: надолго проводила отца, он уехал в Англию, здоровье мамы очень огорчает меня и тревожит, по видимому, моя поездка в Кисловодск с блеском вылетела в трубу — все как-то не удастся. А тут еще срочно придется ликвидировать свои дела в Гельсингфорсе и перебираться в Ревель гораздо раньше, чем я собиралась, т[ак] к[ак] мне абсолютно нечего там делать, пока С[ергей] Н[иколаевич] не станет на зимовку, но т[ада]ме Пилкина,¹ очень милая и симпатичная дама, выживает меня кротко, но неуклонно (она должна занять мою квартиру), а я, по свойственной мне глупости, не умею заявить, чтобы меня оставили в покое до тех пор, пока я сама не выеду. В результате — с завтрашнего дня укладчики, солома, рогожа, отправка сына с няней в Петроград, переезд в Ревель с сун-

---

* В левом верхнем углу первого листа приписка А. В. Тимиревой: «Ничего, что я пишу на блокноте. Здесь почти бумажный голод».

дуками, вероятно, на пароходе — *c'est morne!** А погода невероятна, дикий ветер с запада, а я от малейшей качки впадаю в полное ничтожество. Кроме всего, это отрадная перспектива жизни в Ревеле в собственном обществе в продолжении *n*-ного количества времени. Я зла, изведена и хандрю, хотя прекрасно понимаю, что мои «невзгоды» по три копейки каждая, а все-таки скучно все это донельзя. Извините меня, Александр Васильевич, что пишу Вам такие скучные пустяки — больше не буду.

Гельсингфорс встретил меня таким ливнем и ветром, что привел меня в отчаяние, вода в ковше на площади и в Скатуdden канале стоит так высоко, как я не видела еще. С моря пришел Крашенинников,² говорит, что там совсем трудно в такой ветер. К ночи немного разъяснило, луна на ущербе и звезды третьего сорта — мне все не нравится.

Вижу, что Вас огорчают заверения турок, что «Гебен» не желает драться с «Марией» — боюсь, что Вы перенесете свой флаг на «Екатерину»,³ чтобы не упустить этого случая. Вы пишете про спокойное море, про тихие теплые ночи, про ясные дни, и мне так дико завидно, что где-то все это есть — и не только это — и что все это абсолютно для меня недоступно.

Мне немного жаль расставаться с Гельсингфорсом, здесь все-таки жилось хорошо, что будет дальше — Бог знает; пока не приходится прощаться с местом или человеком, никогда не знаешь, насколько привязался к нему. Вы говорите о своей спокойной уверенности, что мы увидимся, Александр Васильевич; я завидую Вам, у меня ее нет, я только постоянно по-прежнему думаю о Вас, жду только Ваших писем — вот и все. Вы говорите о том, что Вы хотели бы, чтобы до нашей встречи сбылись некоторые из Ваших мечтаний, — если для их осуществления нужно время, то за этим дело, пожалуй, не станет, как Вы думаете?

---

* это тоскливо (фр.).

В газетах я читала о бомбах, сброшенных в Констанце, об отравленных конфетах и т[ому] п[одобной] гадости, но о пожарах складов керосина там ничего не было сказано и о попаданиях в суда тоже, а я всегда думаю именно об этих обстоятельствах, читая донесения Штаба В[ерховного] Г[лавнокомандующего].⁴ В «Вечернем времени» был помещен Ваш портрет — потрясающе похоже.⁵ Моя тетя, посмотрев внимательно, сказала: «Похож на англичанина этот Колчак, и видно, что красив», — этим все сказано.

По-видимому, мои письма оригинально на Вас действуют, милый Александр Васильевич, боюсь, что после какого-нибудь особо милого письма с моей стороны Вы очутитесь «у ножек» какой-нибудь прекрасной просительницы. Если так, то я постараюсь писать Вам письма более официально, дружелюбного характера, ну, вроде как любимой тетке; какого Вы мнения по этому поводу?

Послезавтра уезжает Софья Федоровна, мне очень грустно это, я никого из своих знакомых дам не люблю так, как ее. Кроме того, это обрывается последняя живая связь с Вами, дорогой Александр Васильевич.

В Петрограде видела т[ада]ме Трухачеву;⁶ Петр Львович все время лежит, на днях они едут в Гагры. По-видимому, он очень уж плох, но она храбрая женщина, сохраняет спокойствие и говорит, что уверена в том, что он поправится; только я думаю, она и сама этому не очень верит. Мне жаль его очень, он хороший.

Не знаю, получили ли Вы мое последнее письмо из Петрограда, почтовый чиновник потребовал, чтобы я зачеркнула на конверте «Севастополь» и написала почему-то «действующая армия» (!!!), кроме того, он долго мне внушал, что посылать Вам заказные письма явное беззаконие, допустимое только в пределах безбожной Финляндии — такой оригинал.

Благодарю Вас за фотографию «Марии»,⁷ она очень красива, насколько я могу судить по портрету. Пожалуй, что пора и кончать — второй час, с дороги хочется спать, а зав-

тра мне предстоит столько интересных занятий, что я положительно завядаю, как только о них подумаю.

До свидания, дорогой Александр Васильевич, извиняюсь за почерк — он у меня сегодня как-то особенно хорош — напоминает доброго кандидата на первую вакансию у Николая Чудотворца,⁸ не правда ли? Пока я прошу Вас писать мне еще по старому адресу, новый сообщу, когда сама буду знать его точно. Ну, спокойной ночи, я совсем засыпаю.

Храни Вас Господь всегда и всюду, Александр Васильевич.

Анна Тимирева

Не знаю, сколько времени будет идти это письмо до Вас — с тех пор, как я здесь, в цензуре служат морские дамы (что, по-моему, верх безобразия; все друг друга знают, т[о] е[сть] особенно неприятно, что Ваши письма прочитываются Вашими же знакомыми). Почта работает отвратительно, и письма приходят с опозданием на неделю запросто.

А[нна] Т[имирева]

Л. 59–62 об.

---

¹ Пилкина Мария Константиновна — жена контр-адмирала В. К. Пилкина.

² Крашенинников Петр Ильич (1880–1952) — капитан 2-го ранга (6 декабря 1916). В 1900 г. окончил Морской кадетский корпус. Участвовал в Цусимском сражении на крейсере «Адмирал Нахимов». В 1916–1917 гг. командир эсминца «Генерал Кондратенко». Уволен в отставку в январе 1918 г. В эмиграции. Умер в Австралии.

³ «Императрица Екатерина Великая» (до 14 июня 1915 г. «Екатерина II», с 16 апреля 1917 г. «Свободная Россия») — линейный корабль Черноморского флота. Заложен в 1911 г. в Николаеве, вступил в строй в 1915 г. Участвовал в боевых действиях на Черном море во время Первой мировой войны. 18 июня 1918 г. затоплен в Новороссийске по решению Советского правительства во избежание захвата германскими войсками.

⁴ Немецкие самолеты, базировавшиеся в Варне, совершали почти ежедневные налеты на Констанцу, подвергая бомбардировкам склады с бензином, портовые сооружения, корабли, а также сбрасывая отравленные конфеты и чеснок с холерными бактериями.

⁵ Портрет командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. В. Колчака был помещен в газете «Вечернее время» 29 сентября 1916 г.

⁶ Трухачева (урожд. Мосолова, по первому браку Хельстрем) Елизавета Александровна — жена контр-адмирала П. Л. Трухачева.

⁷ Имеется в виду линкор «Императрица Мария». Подробнее см. примечание 9 к письму № 3.

⁸ Речь идет о больнице для душевнобольных св. Николая Чудотворца в Петрограде. Набережная р. Мойки, д. 126.

№ 13

[Гельсингфорс]

5 окт[ября 1916 г.]

Дорогой Александр Васильевич, сегодня утром меня разбудило Ваше хорошее письмо, почему я целый день нахожусь в прекрасном настроении, несмотря на то, что дома у меня все вверх дном, укладчики, ящики и пахнет стружками. Вчера отправила в Петроград сына с няней в одном поезде с Софьей Федоровной, которую проводила с большой грустью. Сама же я отправляюсь в ближайшие дни в Ревель на пароходе и оттуда в Петроград, где и буду жить до того, как С[ергей] Н[иколаевич] придет на зимовку. Мне жалко уезжать отсюда, и потом меня огорчает то обстоятельство, что я совсем не знаю, какой адрес Вам дать. А без Ваших писем, Александр Васильевич, мне будет, право, слишком грустно. Все равно, пошлю целую коллекцию:

1. Ревель, Судебная ул., 8, кв. бар[она] Розена, мне;

2. Петроград, 7-я Рождественская, д. 9, кв. 24, мне.

Все-таки пишите уж лучше по 2-му адресу, т[ак] к[ак] в Ревеле я долго не останусь, и не заказным, т[ак] к[ак] я не уверена, что буду жить именно там.

Все мои вещи уложены, оставила только самое необходимое, от этого квартира кажется совсем чужой и холодной. Только в моей комнате все осталось на месте; я было убрала Ваши карточки, аккуратно завернула их в бумагу и совсем собралась уложить вместе с другими вещами, но неожиданно для себя опять поставила на место, т[о] е[сть] на мраморный умывальник, кот[орый] пышно называется

письменным столом. Знаете, Александр Васильевич, при температуре в комнате, не превышающей обычно 12°, этот инструмент не всегда очень удобен.

Вы ужасно суровы к аргю,¹ я прочла Ваши нападки на него с некоторой неловкостью, почувствовав себя «преступным подонком общества» в весьма недалеком прошлом, да, пожалуй, и в настоящем отчасти. Всякая зеленая молодежь считает долгом говорить совершенно невероятным стилем, это совсем не привилегия Морского корпуса, а потому это очень быстро теряет свою прелесть и проходит; зато пока не прошло, может произвести на свежего человека ошеломляющее действие, а этого-то только и надо.

Вы пишете, что не знаете, можно ли понять то, что Вы говорите о своем отношении к жизни и о том отвратительном чувстве, которое называется вообще раскаянием. Мне кажется, что Вы очень точно излагаете свои мысли, и они в большинстве случаев мне ясны. Я же, когда начинаю говорить о вещах сколько-нибудь отвлеченных, замечаю несоответствие между мыслью и словами, кот[орые] нахожу и всегда вспоминаю моего старого учителя по части геометрии, кот[орый] приходил в отчаяние от моего «нематематического способа выражаться». Все-таки я постараюсь сказать, что я думаю по этому поводу.

Мне кажется, что жизнь каждого человека должна находить себе оправдание в чем-нибудь, поставленном выше всего, главное — в любимом деле, каком — это несущественно важно. Если это любимое дело действительно составляет лучшую часть жизни, то, естественно, все остальное должно представляться «не имеющим боевого значения», не стоящим ни чрезмерной радости, ни сожаления. Пример такого отношения к жизни и ко многим очень тяжелым обстоятельствам — это мой отец, всю свою жизнь отдавший своему искусству — музыке. Но вот видите ли, Александр Васильевич, когда этого главного у человека нет, то мелочи жизни приобретают несоответственное им значение, иногда очень мучительное, с этим уж ничего не по-

делаешь. Если не ошибаюсь, то я написала то, что думаю — как Вы это поймете, не знаю: впрочем, вряд ли это противоречит тому, что Вы писали мне.

Сегодня совсем зимний день — маленький мороз, в воздухе кружится легкий снег, не оставляющий следов, половина народу одето по-зимнему. Я чувствую себя немного как замерзающая ящерица.

Милый Александр Васильевич, когда Вы получите это письмо, Софья Федоровна уже будет в Севастополе. Вы чаще будете бывать на берегу, больше видеть народа, Вам все-таки не так одиноко будет жить, но все-таки Вы не забывайте меня и пишите мне по-прежнему, без Ваших писем мне было бы страшно и очень грустно жить, я так люблю их и так их жду всегда.

До свидания пока, Александр Васильевич, вот уже опять третий час — прямо безобразие.

Я послала Вам с С[офьей] Ф[едоровной] подарок; Вы не будете немного смеяться над ним и надо мной? Если и да, то я не сержусь.

Спокойной ночи, Александр Васильевич, да хранит Вас Господь всегда и всюду. Где-то Вы сейчас?

Анна Тимирева

Вы заставляете меня терять чувство меры — начинаю писать и не замечаю, что письмо решительно слишком длинно — что поделать! Еще раз до свидания.

А[нна] Т[имирева]

Л. 63–65.

---

¹ Арго — условный язык какой-нибудь обособленной социальной или профессиональной группы.

Ревель
Судебная, 8

9–12 окт[ября] 1916 г.]

Дорогой Александр Васильевич, только сегодня я приехала в Ревель со всеми вещами. В квартире разгром, кроме того, в трех незанятых нами комнатах живет какой-то военный чиновник восточного происхождения, что не очень приятно. Целый день прошел в разборке упакованных вещей в нетопленной и наполнившейся густым дымом при первой попытке затопить камин квартире; устала я ужасно, но мне хочется немного поговорить с Вами, милый Александр Васильевич, чтобы хоть немного забыть о прелестях переезда, кот[орые] мне решительно надоели.

Сюда я переправилась на пароходе, к моему великому удовольствию несколько не качало, т[ак] ч[то], хотя мы провели в море 16 часов, но я провела их без скуки — играя в крестики с каким-то мичманом с «Баяна»¹ и ведя с ним разговоры астрономического характера. А ночь была удивительно хороша — ветер, по звездному небу мчатся разорванные тучи, холодно и над горизонтом медленно поднимается Орион.² И сейчас небо ясное, ровно полночь, и если раздвинуть занавеси — его видно прямо из моего окна сквозь ветки почти облетевшего каштана. Ревель внизу, довольно много огней, а над ним небо такое чудесное — из-за этого вида я готова простить квартире и соседство восточного князя, и старую рухлядь в спальне, и даже светло-фисташковую мебель в гостиной. Вы не можете себе представить, какая это гадость, Александр Васильевич — такое впечатление, что стоишь среди гигантских порций фисташкового мороженого — возмутительно.

Еще ничего почти не успела разобрать, достала Ваши фотографии, и они по-прежнему стоят на столе передо мною, и от этого кажется, что уже немного у себя. Вы изба-

ловили меня, Александр Васильевич, я Вам уже это говорила, получила Ваше последнее письмо в среду — не так уж давно, — но вот уже опять скучаю и жду еще, это уже самая настоящая жадность, ведь правда.

Сейчас только вернулась от Подгурских, где обедала, т[ак] к[ак] дома это не представляется возможным, они оба очень милы, как всегда, и крайне любезно предложили мне поселиться у них, пока у меня все не будет приведено в порядок, но я все-таки это предложение отклонила.

Из Гельсингфорса я уехала с сожалением и грустью, собиралась было впасть в ничтожество по поводу отъезда, но к счастью меня в последнюю минуту рассмешила одна вещь и спасла положение — в груди старых мелочей я усмотрела перчатку, пару от которой Вы как-то увели у меня под конец одной прекрасной ночи. Я так сразу вспомнила этот эпизод, что внезапно развеселилась, — видите, какая я глупая. Что за пустяки я Вам пишу, дорогой Александр Васильевич, даже неловко! Ничего, примите во внимание, что я только сегодня приехала и голова у меня не в полном порядке. Спокойной ночи, Александр Васильевич, спите, и я иду спать, давно пора.

Петроград
Шпалерная, 32

12 окт[ября 1916 г.]

Только сегодня нашла свободную минуту перед сном, милый Александр Васильевич, чтобы окончить письмо, начатое в Ревеле. Сегодня приехала оттуда, первое впечатление — донесение Штаба В[ерховного] Г[лавногокомандующего] об оставлении нами и занятии немцо-болгарами Констанцы и Меджиде.³ Последние дни, занятая переездами, я не читала даже телеграмм, т[ак] ч[то] совсем не была в курсе событий; тем более тягостное чувство осталось у меня от этого сообщения, оно не выходит у меня из головы, и на душе такая тоска и тревога. Могу без труда представить себе, в каком Вы сейчас прекрасном настроении,

милый Александр Васильевич. Как бы хотела я знать, где Вы сейчас, что делаете, что думаете.

Сегодня неделя ровно со дня получения Вашего последнего письма, мне же кажется, что это было бесконечно давно. Может быть, это и оттого, что я столько мест переменила за это время. Как-то особенно скучаю по Вас сегодня, мне так тревожно за Вас, Александр Васильевич, это не часто со мной бывает, вообще я очень спокойна.

Вчера в Ревеле был прелестный день, солнечный и теплый, я пошла пешком в Екатериненталь⁴ с Вышгорода, было так хорошо, что мне все время казалось, что я Вас встречу за каким-нибудь поворотом. Почти все листья опали и лежат по дорожкам, парк стал совсем прозрачным, на прудах кое-где тоненькая корочка льда. Я зашла отдохнуть в летнее собрание, кот[орое] все еще открыто, сидела в читальной и от нечего делать просматривала какой-то глупый рассказ в одном из иллюстрированных журналов, когда неожиданно наткнулась на Ваше изображение — и обрадовалась, как будто увидела немного самого Вас. Я взяла с собой Вашу фотографию, не ту, которую печатают везде, а ту, где Вы смотрите на меня с упреком и грустным неодобрением — почему, Александр Васильевич милый? Мне хотелось бы видеть и знать Вас счастливым и довольным.

Вероятно, мне придется пробыть в Петрограде около 3–3½ недель, которые я и проведу у моей тети Плеске на Шпалерной, 32, откуда и пишу Вам. Здесь уже неделю гостит мой сын, которого не хотят никуда отпускать и балуют все, кому не лень; слава Богу, что ему всего 2 года и его еще трудно привести в полную негодность такого рода системой. Все же мне хочется как-нибудь поскорее устроиться у себя в Ревеле: одно дело уехать оттуда на неделю, чтобы переменить обстановку, и другое — быть вынужденной гостить в Петрограде X времени за неимением места, куда деваться. Знаете, меня огорчает мысль, что где-нибудь (я могу это предположить с некоторой долей вероятности,

не правда ли?) лежит Ваше письмо ко мне и не может меня найти, а я так жду.

До свидания, милый Александр Васильевич, я думаю, у Вас теперь много забот и огорчений и просто не до меня — извините, что беспокою Вас своим бесконечным письмом, — но мне иногда, хоть сейчас, так хочется поговорить с Вами.

Пусть Господь сохранит Вас и поможет Вам всегда и всюду.

Анна Тимирева

Р. S. Да, я нашла маленькое утешение в занятии Констанцы немцами: теперь Вы свободно можете послать свой гидро взорвать румынский бензин, как мечтали сделать это в первые дни после объявления Румынией войны, чтобы от него избавиться, помните, Александр Васильевич?

А[нна] Т[имирева]

Л. 66–69 об.

---

¹ «Баян» — крейсер Балтийского флота. Заложен в 1905 г. в Санкт-Петербурге. Вступил в строй в 1911 г. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. В 1918 г. переведен на долговременное хранение. В 1922 г. продан в Германию для разборки на металл.

² Орион (лат. Orión) — экваториальное созвездие. В средних широтах России созвездие видно осенью и зимой.

³ Констанца была оставлена русскими войсками 10 октября, Меджидия — 11 октября 1916 г. С потерей Констанцы Черноморский флот лишился выгодной базы, расположенной на румынско-болгарском операционном направлении.

⁴ Екатериненталь (Кадриорг) — местность в Ревеле, где по указанию Петра I был построен дворец для Екатерины I и разбит парк (1718–1725).

[Петроград]

13–14 окт[ября 1916 г.]

Дорогой, милый Александр Васильевич, отправила сегодня утром Вам письмо, а вечером мне сообщили упорно ходящий по городу слух о гибели «Императрицы Марии».¹ Я не смею верить этому, это был бы такой ужас, такое громадное для всех нас горе. Единственно, что меня утешает, это совершенно темные подробности, которым странно было бы верить. Вероятно, все-таки есть какие-нибудь основания к этому, ну, авария какая-нибудь, подрыв, но не гибель же, в самом деле, лучшего из наших кораблей, не что-нибудь такое совсем непоправимое. С этим кораблем, которого я никогда не видела, я сроднилась душой за то время, что Вы в Черном море, больше, может быть, чем с любым из наших, близких мне и милых привычных кораблей здесь. Я привыкла представлять его на ходу во время операции, моя постоянная мысль о Вас так часто была с ним связана, что я не могу без ужаса и тоски подумать, что может быть все это правда и его больше нет совсем. Если же все-таки это так, то я понимаю, как это особенно должно быть тяжело для Вас, дорогой Александр Васильевич. В эти, такие черные минуты, которые Вы должны переживать тогда, что я могу, Александр Васильевич, — только писать Вам о своей тоске и тревоге и бесконечной нежности и молиться Господу, чтобы он помог Вам, сохранил Вас и дал Вам силу и возможность отомстить за нашу горькую потерю.

Где-то Вы сейчас, милый, далекий Александр Васильевич. Хоть что-нибудь узнать о Вас — чего бы я не дала за это сейчас. И так у нас на фронтах нехорошо, а тут, в Петрограде, все время слышишь только разговоры о повсеместном предательстве, о том, что при таких обстоятельствах все равно напрасны все жертвы и все усилия наших войск, слухи один другого хуже и ужаснее — прямо места себе не

находишь от всего этого. Да и без всяких слухов довольно и того, что подтверждается официальными донесениями, чтобы не быть в очень розовом состоянии духа. Но слух о «Марии» положительно не укладывается у меня в уме, я хочу себе представить, что это правда, и не могу. Постараюсь завтра узнать от Романова есть ли какие-нибудь основания, сейчас же бросаю писать, т[ак] к[ак] все равно ни о чем больше писать не могу, а об этом говорить никакого смысла не имеет. Если б только завтра оказалось, что это дежурная городская сплетня и больше ничего.

До свидания, Александр Васильевич, да хранит Вас Господь.

Спаси и Сохрани Вас Господь.

Анна Тимирева

14 окт[ября] 1916 г.]

Сейчас получила от Романова Ваше письмо, Александр Васильевич, отнявшее у меня последнюю, очень слабую надежду на то, что гибель «Имп[ератрицы] Марии» только слух. Что мне сказать Вам, какие слова найти, чтобы говорить с Вами о таком громадном горе. Как ни тяжело, как ни горько мне, я понимаю, что мне даже представить трудно Ваше душевное состояние в эти дни.

Дорогой Александр Васильевич, Вы пишете: «Пожалейте меня, мне тяжело». Не знаю, жалость ли у меня в душе, но видит Бог, что если бы я могла взять на себя хоть часть Вашего великого горя, облегчить его любой ценой — я не стала бы долго думать над этим. Сегодня до получения Вашего письма я зашла в пустую церковь и молилась за Вас долго именно этими словами. Если я радовалась каждому Вашему успеху и каждой удаче, то последнее несчастье также большое горе для меня. За всю войну я помню только три события, кот[орые] так были бы ужасны для меня — Сольдау,² оставление Варшавы³ и день, когда был убит мой брат.

Вы говорите о расплате за счастье — это очень тяжелая расплата, не соответст[вует] тому, за что приходится платить. Будем думать, Александр Васильевич милый, что это жертва судьбе надолго вперед и что вслед за этим ужасом и горем будут более светлые дни.

Вы говорите, что жалеете о том, что пережили гибель «Мариин», если бы Вы знали, сколько на Вас надежд, сколько веры в Вас приходится подчас мне видеть — Вы не говорили бы этого даже в такие тяжелые минуты. Милый Александр Васильевич, что бы я дала за то, чтобы повидать Вас, побыть с Вами, может быть, я сумела бы лучше говорить с Вами, чем сейчас писать так трудно — лучше передать мое безграничное участие к Вашему горю. Если это что-нибудь значит для Вас, то знайте, дорогой Александр Васильевич, что в эти мрачные и тяжелые для Вас дни я неотступно думаю о Вас с глубокой нежностью и печалью, молюсь о Вас так горячо, как только могу, и все-таки верю, что за этим испытанием Господь опять пошлет Вам счастье, поможет и сохранит Вас для светлого будущего.

До свидания, милый далекий друг мой Александр Васильевич, еще раз — да хранит Вас Господь.

Анна Тимирева

Р. С. Это письмо я пошлю через Ген[еральный] штаб,⁴ т[ак] к[ак] иначе они идут очень долго. Вы же, Александр Васильевич милый, если соберетесь написать мне, пишите на Шпалерную, 32, кв. Плеске — я здесь живу и вряд ли еще скоро уеду.

А[нна] Т[имирева]

Л. 70–72 об.

Публикации: Русское прошлое : ист.-док. альм. СПб., 1994. Кн. 5. С. 68–70; «Милая обожаемая Анна Васильевна...». М., 1996. С. 288–291.

---

¹ См. примечание 9 к письму № 3.

² Речь идет об окружении и разгроме 13-го и 15-го армейских корпусов 2-й русской армии генерала А. В. Самсонова в ходе Восточно-прусской операции 15–16 августа 1914 г. в районе Сольдау (Зольдау). В окружении оказалось 30 тыс. человек и 200 орудий.

³ 22 июля 1915 г. под угрозой окружения русские войска оставили Варшаву.

⁴ Морской генеральный штаб (МГШ). Основан в 1906 г. Высший оперативно-стратегический орган управления ВМФ. В 1917 г. МГШ состоял из следующих отделений: оперативного (по театрам военных действий), организационно-тактического, военно-статистического, военно-исторического, службы тыла, Временного морского совета по сооружению крепости императора Петра Великого, телеграфного (шифровального). В его подчинении находилось Управление Беломорско-Мурманским районом. После Октябрьской революции МГШ продолжал свою деятельность и был ликвидирован в августе 1921 г.

№ 16

Петроград

20 окт[ября 1916 г.]

Дорогой Александр Васильевич, сегодня получила письмо Ваше от 17-го. С большой печалью я прочитала его, мне тяжело и больно видеть Ваше душевное состояние, даже почерк у Вас совсем изменился. Что мне сказать Вам, милый, бедный друг мой Александр Васильевич. Мне очень горько, что я совершенно бессильна сколько-нибудь помочь Вам, когда Вам так трудно, хоть как-нибудь облегчить Ваше тяжелое горе.

Вы пишете о том, что Ваше несчастье должно возбуждать что-то вроде презрения, почему, я не понимаю. Кроме самого нежного участия, самого глубокого сострадания я ничего не нахожу в своем сердце. Кто это сказал, что женское сострадание не идет сверху вниз? Ведь это правда, Александр Васильевич. Какую же вину передо мной Вы можете чувствовать? Кроме ласки, внимания и радости я никогда ничего не видела от Вас, милый Александр Васильевич; неужели же правда Вы считаете меня настолько бес-

сердечной, чтобы я была в состоянии отвернуться от самого дорогого моего друга только потому, что на его долю выпало большое несчастье? Оттого, что Вы страдаете, Вы не стали ни на йоту менее дороги для меня, Александр Васильевич — напротив, может быть.

Вы говорите, что старались не думать обо мне все это время, но я думаю о Вас по-прежнему, где бы и с кем я ни была. Впрочем, я мало кого вижу, т[ак] к[ак] избегаю бывать где бы то ни было, чтобы не слышать всевозможных нелепых слухов и сплетен, которыми город кишит. Но совершенно уйти от них трудно, т[ак] к[ак] у моей тети¹ все-таки кое-кто бывает и всякий с азартом хочет рассказать свое, ну да Бог с ними. Вечерами сижу дома, днем без конца хожу пешком, куда глаза глядят, одна по дождю и по морозу и думаю, думаю о Вас без конца.

Вы говорите о своем личном горе от потери «Марии», я понимаю, что корабль можно любить как человека, больше может быть даже, что потерять его безмерно тяжело, и не буду говорить Вам никаких ненужных утешений по этому поводу. Но этот, пусть самый дорогой и любимый корабль, у Вас не единственный, и если Вы, утратив его, потеряли большую силу, то тем больше силы понадобится Вам лично, чтобы с меньшими средствами господствовать над морем. На Вас надежды многих, Вы не забывайте этого, Александр Васильевич милый. Я знаю, что все это легко говорить и бесконечно трудно пересилить свое горе и бодро смотреть вперед, но Вы это можете, Александр Васильевич, я верю в это, или совсем не знаю Вас.

Вы пишете, что Вам хотелось когда-нибудь увидеть меня на палубе «Марии»; сколько раз я сама думала об этом, но если этому не суждено было быть, то я все-таки надеюсь встретиться с Вами когда-нибудь — для встречи у нас остался еще весь Божий мир, и где бы это ни было, я увижу Вас с такой же глубокой радостью, как и всегда. И мне хочется думать, что эти ужасные дни пройдут, пройдет первая острая боль утраты, и я снова увижу Вас таким, каким

знаю и привыкла представлять себе. Ведь это будет так, Александр Васильевич милый?

На днях, вероятно, поеду в Гельсингфорс дня на 3–4, но мой адрес по-прежнему Шпалерная, 32, где остается моя база еще недели на 2, вероятно. Мне странно думать о Гельсингфорсе как о чужом уже городе, но я не жалею, в сущности, что уехала оттуда — все равно этой зимой уж не было бы так хорошо, как год назад, а ко всякого рода неудобствам, кот[орых] в Ревеле будет достаточно, я отношусь с полным равнодушием — не все ли равно, в самом деле.

Где-то Вы сейчас, что делаете, что думаете, Александр Васильевич. Я бы хотела думать, что хоть немного отлегло у Вас от сердца. Уж очень поздно, четвертый час, и пора спать давно.

До свидания пока, Александр Васильевич друг мой, да хранит Вас Господь, да пошлет Вам утешение и мир душевный; я же могу только молиться за Вас — и молюсь.

Анна Тимирева

Л. 73–75 об.

Публикации: Русское прошлое : ист.-док. альм. СПб., 1994. Кн. 5. С. 71–72; «Милая обожаемая Анна Васильевна...». М., 1996. С. 291–292.

---

¹ Речь идет о М. И. Плеске. См. примечание 3 к письму № 5.

№ 17

Петроград

23 окт[ября] 1916 г.]

Дорогой Александр Васильевич, сегодня получила Ваше письмо от 18-го и прочла его с большой радостью. Вы пишете мне об очень печальных вещах, Александр Васильевич, но я вижу, что Вам легче, что Вы думаете о будущем, строите планы, и я бесконечно рада этому. Ваше письмо

принес мне матрос утром, я больше всего люблю так получать Ваши письма — тогда у меня на целый день как-то легко и спокойно делается на душе. Вот и сегодня весь день ношу с собой свою радость, и мне так хорошо было, что я решилась на поступок почти героический — отправилась на родственный обед к бабушке 93-х лет, глухой и собирающей у себя целую коллекцию теток и дядей, кот[орые] все обижены на меня за то, что я не показываюсь к ним. Если уж эта комбинация не испортила мне вконец настроение, то это что-нибудь да значит, как Вы думаете?

Конечно, нехорошо, Александр Васильевич, что на Вас находят припадки бешенства, но это очень понятно, кроме того, излишняя кротость никогда не была Вашим специальным недостатком, насколько я помню, по поводу того, как Вы можете «только объяснить», есть целый цикл легенд в Балтийском флоте, да еще легенд, подозрительно похожих на правду.¹

Почерк мой сегодня решительно неприличен; извиняюсь, но дело в том, что мое перо высохло, и мне приходится царапать Вам письмо довольно невероятным инструментом и возмутительной бурдой вместо чернил. От этого оно сильно смахивает на счет из овощной лавочки за углом — не взывайте, Александр Васильевич милый. Я пишу Вам ерунду, может быть, это совсем некстати, но ничего не могу поделать, Вы не можете себе представить, как я рада была Вашему письму.

Здесь пока еще нет зимы, нет снега, и небольшие морозы чередуются с дождем, слякотью и туманом; при последних обстоятельствах Петроград решительно плох для людей, не имеющих собственного автомобиля, т[ак] к[ак] надо быть любителем вроде меня, чтобы мерить шагами бесконечные здешние концы по этой мерзости, — остальные способы передвижения недоступны.

Как-то очень огорчает меня Румыния; когда она выступила, мне почему-то казалось, что тут у нас должен непре-

менно быть большой успех, и поэтому особенно обидна наша неудача.

Вы пишете о том, что говорят в обществе о гибели «Императрицы Марии».² Здесь говорят вещи довольно замечательные по глупости. Вот Вам образцы: 1) злой умысел; во флот был принят офицером австрийский подданный, плавал на «Марии» и устроил там пожар и взрыв; 2) взрыв произошел потому, что корабль стоял не под всеми парами! Последнее для меня непонятно, да и вряд ли кому-нибудь может быть понятно. Вы легко можете себе представить, Александр Васильевич, какие чувства возбуждают у меня подобного рода заявления, — я положительно готова впасть в ярость, что уж просто глупо.

Очень хотелось бы представить себе, где Вы сейчас, Александр Васильевич милый? По всей вероятности, где бы Вы ни были, сейчас Вы спите, т[ак] к[ак] скоро 4 часа, и только я веду такой безобразный образ жизни и пишу Вам письма до этого часа. Раньше письмо казалось не такой мертвой и малоговорящей вещью, но с некоторых пор я сильно изменила это мнение. Все, точка, надо же когда-нибудь кончить, завтра у меня много дел, т[ак] к[ак] послезавтра хочу ехать в Гельсингфорс, откуда думаю вернуться к 1-му ноября. К этому времени должен прийти в Кронштадт Сергей Николаевич, и мне надо быть здесь.

Ну, до свидания пока, Александр Васильевич дорогой, я написала Вам очень глупое и бессодержательное письмо, но всегда бывает со мной, что я начинаю болтать пустяки, если чему-нибудь сильно рада, а сегодняшнее Ваше письмо такая мне радость. У меня вся душа изболела за Вас в эти ужасные дни, милый Александр Васильевич. Да хранит Вас Господь и да пошлет Вам счастья и удачи.

Анна Тимирева

---

* В тексте ошибка. Вероятно, следует читать «мне».

Очень извиняюсь за кляксы — это гадость, но переписывать письмо положительно невозможно. До свидания еще раз, Александр Васильевич.

Анна Т[имирева]

Л. 76–78 об.

---

¹ В отношениях с подчиненными А. В. Колчак не проявлял выдержки и терпимости, что огорчало его друзей, пытавшихся крайне тактично охладить «горячность» и «вспыльчивость» адмирала. См. письмо В. В. Романова А. В. Колчаку от 10 ноября 1916 г. (РГАВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 173–173а).

² А. В. Колчака, по всей видимости, заботило отношение общественного мнения к себе в связи с гибелью «Императрицы Марии», так как этот же вопрос он задавал и В. В. Романову (РГАВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 173).

№ 18

Гельсингфорс

31 окт[ября 1916 г.]

Дорогой Александр Васильевич, так давно не говорила с Вами — все ждала, не перешлют ли мне из Петрограда Вашего письма — но его нет, а мне все-таки грустно так долго не говорить с Вами. Я уж пять дней опять в Гельсингфорсе, живу пока у большого своего друга Е. И. Крашенинниковой,¹ вижу все те же знакомые лица и привычные места, и все-таки город уже чужой и какой-то совсем другой, чем прежде, и это грустно. Может быть, это потому, что я здесь уже не дома, но весьма вероятно, что если бы завтра я получила конверт с красной печатью и штемпелем «Севастополь», Гельсингфорс показался бы мне милым и веселым, а шведы на улицах — необычайно симпатичными.

После последнего Вашего письма ничего не знаю о Вас: о Вас говорят здесь по-прежнему много, но я не люблю этих разговоров, т[ак] к[ак] только меня изводят, и ничего путного все равно из них не узнаешь. Неожиданно для себя

встретила здесь Сергея Николаевича, кот[орый] пришел раньше, чем предполагалось, и пробудет числа до 12 — верно, и я тоже до тех пор останусь здесь.

8-го будет пять лет со дня нашей свадьбы; иногда мне кажется, что это не пять, а сто лет, — столько всего было за эти годы. Недавно Лоло Щетинин мне сказал, что пять лет назад я была много лучше, чем теперь, и он предпочитает представлять меня прежней. Положим, это было сказано под конец обеда, и я не очень высокого мнения о проницательности Лоло, но в данном случае он был глубоко прав, если не очень любезен.

Вы, конечно, давно знаете о нашей радости — 7-ми потонувших после взрыва на минных заграждениях немецких миноносцах.² Этот эпизод носит название «блестящего дебюта принца Генриха» и всем нам доставил громадное удовольствие.³ Только обидно, что остальных не удалось изловить в тумане.

Ваш коллега — Адриан Иванович — свирепствует по-прежнему и наводит дикую панику на окружающих, круг которых сильно поредел — кто сам ушел, кого он ушел, а кто сидит на чемоданах и готов каждую минуту исчезнуть с горизонта. По-видимому, А[дриан] И[ванович] еще страшнее, чем Вы, милый Александр Васильевич, кто бы мог подумать?

Мне хотелось бы знать, были ли Вы на Дунае эти дни? По газетам, в Румынии как будто немного лучше, но даже верить этому боишься. Читала про бомбардировку Констанцы и Мангамии,⁴ но это верно еще то, о чем Вы писали мне в последнем письме. А как скучно долго не иметь от Вас вестей; когда нет писем от Вас, я как-то понемногу начинаю представлять себе не милого, очень дорогого мне Александра Васильевича, а такое фантастическое и легендарное существо, имя которому Колчак, наводящее панику, и от которого можно ожидать самых неожиданных поступков, кроме только того, что оно мне напишет милое и доброе письмо; а мне сейчас так надо такое получить, потому

что я грешу в данное время самым противным на свете грехом — унынием и вообще в упадке.

У меня последние дни куча микроскопических неприятностей, каждая порознь ничего не стоит, но вместе все так скучно. Собственно говоря, с моей стороны совсем нехорошо писать Вам о таком вздоре, Александр Васильевич милый, и, конечно, мои «невзгоды» боевого значения не имеют.

На днях я видела Н. К. Подгурского, он, видимо, сильно огорчен уходом из подводного плавания, имеет очень плохой и больной вид, но бодрится, как может, и мил по-прежнему.

Я очень устала за этот месяц жить все время в гостях, не вполне располагать своим временем, не иметь своих вещей, своих книг, т[ак] ч[то] почти мечтаю о Ревеле, где я наконец буду дома — это вещь, Александр Васильевич милый. Но вряд ли это будет раньше льдов, а их нигде и [в] помине нет — тепло, как в сентябре. Я написала Вам очень глупое, скучное и длинное письмо, что поделаться — я и сама сейчас такая.

Пока до свидания, дорогой Александр Васильевич, не забывайте меня и напишите мне очень милое и хорошее письмо, а то так грустно как-то на душе.

Господь сохранит Вас и пошлет Вам много всякого счастья.

Анна Тимирева

Мой адрес — по-прежнему Петроград, Шпалерная, 32.

Л. 79–81 об.

---

¹ Крашенинникова (урожд. Грюнберг) Евгения Ивановна — жена капитана 2-го ранга Петра Ильича Крашенинникова (см. примечание 2 к письму № 12).

² 10–11 ноября 1916 г. при попытке совершить набег в западной части Финского залива для поиска и уничтожения русских кораблей и обстрела Балтийского порта на минах подорвалось и погибло семь германских миноносцев из 11 участвовавших в операции.

³ Генрих-Альберт-Вильгельм Гогенцоллерн (Hohenzollern) (1862–1929) — принц прусский, брат императора Вильгельма II, адмирал германского флота, главнокомандующий морскими силами Балтийского моря.

⁴ Быстрое оставление Констанцы русскими и румынскими войсками привело к тому, что в руки противника попали большие запасы нефтепродуктов (37 цистерн общим объемом 1 млн тонн). Обстановка на фронте исключала возвращение порта, тогда командование флота приняло решение об уничтожении нефтебаков в Констанце путем артиллерийского обстрела с кораблей. 19 октября 1916 г. крейсер «Память Меркурия» в сопровождении трех эскадренных миноносцев обстрелял нефтехранилища, но полностью задача выполнена не была, так как, обнаружив подводную лодку, отряд возвратился на базу. 23 октября крейсер «Память Меркурия» и эскадренный миноносец «Пронзительный» подошли к Констанце. В результате обстрела было сожжено 15 нефтехранилищ из 37. До конца года эскадренные миноносцы еще дважды совершали набеги на Констанцу.

№ 19

Гельсингфорс
Отель «Кемп»¹

4 ноября [1916 г.]

Дорогой Александр Васильевич, вот уж две недели ничего не получаю от Вас и начинаю сильно задумываться над вопросом от чего это происходит: от того ли, что вышла с пересылкой путаница и письмо меня ищет по белу свету, или оно «затерялось на почте», как все вообще ненаписанные письма. Последнее, как Вы любите говорить, «неважно», и мне так грустно думать, что Вы не отвечаете мне и совсем меня забыли. А я жду Ваших писем до глупости, гадаю, получу ли их, на картах, на номерах извозчиков, на фонарных столбах, если бы умела, гадала бы на кофейной гуще, но эта последняя система — исключительно румынская привилегия.

Похоже, что скоро будет зима, — с первого круто повернуло на холод, легкий мороз, и берега порядочно обмерзли. Хоть бы уже поскорей. Сейчас живу в «Кемпе» под самой крышей, в комнате, состоящей преимущественно из окон, — вид довольно нелепый, надо сознаться. 8-го, вероятно, вернусь в Петроград, и так я живу здесь уже полторы

недели и немного соскучилась по своему мальчику, кот[орый] все еще живет на Шпалерной, 32.

Как печально было узнать о смерти Петра Львовича Трухачева, тем более что последнее время его жена писала, что ему как будто лучше. Он хороший и умный был человек, и мне очень его жаль, и Елизавету Александровну тоже, она его прямо обожала. Вероятно, на его место будет Пилкин,² если, по свойственной ему привычке, не откажется от назначения.

Из событий в нашем кружке только одно — у Николая Константиновича Подгурского родился сын, чем он, по-видимому, очень доволен. Сегодня в городе потушили все огни, я было обрадовалась, что прилетит цеппелин — все-таки некоторая сенсация — не тут-то было, только чуть ногу не сломала в темноте, вот и все.

Что-то у Вас делается, где Вы сейчас. Не вижу никого, кто знал бы о Вас хоть что-нибудь, даже Лоло³ ушел — он если и не знает ничего, то запросто может солгать.

Несколько раз видела здесь Киру Владимировну, с которой мы вспоминали Вас и разные забавные эпизоды прошлой зимы. Она очень мила, и мы с ней без скуки проводим иногда время вместе. И потом, я люблю ее видеть, т[ак] к[ак] косвенно она напоминает мне Вас; это последнее обстоятельство явно доказывает беспримерное бескорыстие моего отношения к Вам, как Вы думаете, Александр Васильевич милый.

С моим переездом в Ревель выходит какая-то ерунда. Все так осложняется, что возможно, что я, окончательно запутавшись во всех квартирных комбинациях, останусь просто в Петрограде у своих. Это не очень желательный выход из затруднительного положения, т[ак] к[ак] Сергею Николаевичу уж очень невесело будет одному в Ревеле, хотя я и буду наезжать; но лично для меня было бы хорошо, быть может, вернуться на одну зиму в первобытное состояние и жить в Петрограде. На этот случай у меня столько проектов и планов, что их хватило бы лет на десять.

Вероятно, теперь Вам пришлось перезнакомиться с большей частью севастопольского общества — как оно Вам нравится? Что Софья Федоровна, довольна ли она? Как ее благотворительность? Она была в такой панике при одной мысли, что ей придется ею заниматься. Мне очень скучно бывает без нее и сильно недостает ее общества. наших Ивановых⁴ тоже нет сейчас в Гельсингфорсе, т[ак] ч[то] очень пусто и грустно. Отрада жизни — это кинематограф; действительно чудная вещь, можно сидеть в полутьме молча, слушать скверную музыку и думать о чем угодно — ну хотя бы о Вас.

Сейчас передо мной стоит Ваша фотография, шуршит, дрожит и шевелится, т[ак] к[ак] из окна зверски дует, и имеет такой строгий вид, будто скажет мне: «Знаете, Анна Васильевна, охота Вам писать мне такие, знаете ли, глупости?» А ведь она будет права, милый Александр Васильевич, и я ничего не смогу ей возразить.

Примите во внимание только одно, что за последние дни, не получая от Вас ни строчки, я написала Вам по крайней мере писем сто, да еще каких, листа по три-четыре! К сожалению, по прочтении на другой день они оказывались совершенно неудобопосылаемыми, т[ак] к[ак] сильно напоминали письма готового кандидата к Николаю Чудотворцу:⁵ на почве черной меланхолии. Зачем я буду посылать Вам такие письма, как будто у Вас своих забот и горя недовольно, пусть уж лучше будет вздор.

Очень надеюсь, вернувшись в Петроград, найти хоть несколько слов от Вас, милый Александр Васильевич; если же их не будет и не было, что поделывать, значит, Вам просто надоело писать мне, и мне надо перестать беспокоить Вас своими письмами.

Я остановлюсь пока у Плеске на Шпалерной, если будете писать — пишите туда, мне передадут во всяком случае.

Пока же до свидания, милый Александр Васильевич, да хранит Вас Господь всегда и всюду.

Анна Тимирева

Л. 82–84 об.

---

¹ Отель «Кемп» — Гельсингфорс, ул. Северная Эспланада, д. 29.

² Пилкин Владимир Константинович (1869–1950) — контр-адмирал (с декабря 1916). В 1890 г. окончил Морское училище, в 1908 г. — Военно-морской отдел Николаевской морской академии. Участник обороны Порт-Артура и сражения в Желтом море 28 июля 1904 г. Командовал учебным судном «Петр Великий» (1912), линкорами «Цесаревич» (1913) и «Петропавловск» (1914–1916), 1-й бригадой крейсеров Балтийского моря (1916–1917). Во время Гражданской войны морской министр Северо-Западного правительства. В эмиграции. Умер во Франции в Ницце.

³ Речь идет об Алексее Алексеевиче Щетинине. Подробнее см. примечание 3 к письму № 7.

⁴ Вероятно, речь идет о Леониде Леонтьевиче и Марии Семеновне Ивановых, находившихся в дружеских отношениях с Тимиревыми.

⁵ См. примечание 8 к письму № 12.

№ 20

Петроград
Шпалерная, 32

9 ноября [1916 г.]

Дорогой Александр Васильевич, вчера я вернулась из Гельсингфорса и сегодня получила наконец после долгого ожидания письмо от Вас, глубоко огорчившее меня. Оно жестко, холодно и просто враждебно по отношению ко мне — но все это ничего, у меня нет ни горечи, ни обиды, мне только бесконечно больно видеть Вас в таком состоянии полной безнадежности. Вашей виновности, о которой Вы говорите мне не первый раз, я не признаю. Если Вы ответственны за все, что происходит под Вашим командованием, это еще не значит, что во всех несчастьях лично Вы виноваты, тем более в тех, где помочь Вы фактически не имели возможности. Вы пишете, что сидите один, никуда не съезжая, даже домой; это ясно и без Ваших слов, такая упорная мысль о своей виновности решительно во всем — явный результат долгого одиночества и черных мыслей. Что Вам в том душевном состоянии, которое Вы переживаете, не хочется никуда показываться, я прекрасно пони-

маю, но все-таки в этой системе хорошего очень мало. Вы пишете, что сознательно отказываетесь от моего отношения к Вам и моих писем; я на это скажу, что только от моих писем Вы можете отказаться, если Вам тяжело и неприятно их получать и *Вы действительно хотите забыть меня совсем** — скажите слово, и я никогда не напомню Вам о себе больше. Но думать о Вас по-прежнему с неизменной нежностью и постоянной тревогой за Вас — этому помешать не в Вашей власти. Вы говорите: «В несчастье я считаю лучше остаться одним». Александр Васильевич милый, неужели правда мое внимание и ласка так неприятны Вам, что Вы хотите совсем оттолкнуть меня. Я так далека от Вас, и мне абсолютно ничего от Вас не надо — неужели все-таки я Вам в тягость?

Меня мучит мысль, что я могла чем-нибудь огорчить Вас в последних письмах, что Вы говорите со мной так враждебно; но Вы же знаете, Александр Васильевич, что ни за что на свете я не хотела бы сделать Вам больно, если же Вам было что-нибудь неприятно в них — простите мне невольную вину. Возражать Вам на тему о том, чего Вы достойны и чего нет — я не буду; скажу только, что Вы всегда высоко стояли в моих мыслях, и я не знаю за Вами поступка, который ронял бы Вас в моих глазах. Несчастье есть несчастье, если его невозможно предотвратить, а не вина и не «позорное деяние», как Вы говорите. И я совсем не судья Вам, а только очень большой и верный друг, и право же, Александр Васильевич милый, совсем не заслужила, чтобы Вы так холодно отстраняли меня от себя. Это совсем не упрек, ведь я знаю, как трудно, как тяжело Вам теперь, Вы могли бы говорить мне все что угодно — я не в состоянии поставить Вам в вину ничего. Желаете Вы этого или нет, мое отношение к Вам остается неизменным. До свидания, друг мой, дорогой Александр Васильевич. Пусть Господь

---

* Выделенные слова подчеркнуты А. В. Тимиревой черными чернилами.

сохранит Вас и пошлет Вам мир душевный. Я же помню и молюсь за Вас как всегда.

Анна Тимирева

Это письмо я постараюсь отправить завтра через В. Романова и Г[енеральный] штаб, т[ак] к[ак] хочу, чтобы Вы получили его возможно скорее, и надеюсь, что Вы все-таки ответите мне на него хоть парой слов. Еще раз — храни Вас Бог, милый Александр Васильевич.

Анна Т[имирева]

Л. 85–86 об.

№ 21

Петроград
7[-я] Рождественская, 9

15–16 ноября [1916 г.]

Дорогой Александр Васильевич, только недавно ушел от нас Романов, после часа разговора хлопнувший себя по лбу и объявивший, что у него есть для меня письмо, которое он чуть не забыл передать. Письмо от Вас, и я так рада.

Сегодня приехал из Кронштадта Сергей Николаевич, почему на то время, что он здесь пробудет, я и переселилась на нашу старую квартиру,¹ где сейчас живет мой очень большой друг княгиня Голицына и где за нами оставлены две комнаты. Скоро два, все уже спят, а я пользуюсь свободной минутой и пишу Вам, при свечке и сидя по-турецки на кровати — этой экзотической позицией и объясняется мой маловероятный почерк — извиняюсь.

Почему Вы пишете, что мое письмо пришло неожиданно для Вас? Потому что Вы не ответили мне раз? Вы совершенно напрасно приписываете мне чувство такого мелкого самолюбия, я слишком дорожу нашей перепиской, чтобы оборвать ее по такому поводу. Я не совсем уясняю себе также, что в моих словах о «беспримерном бескорыстии»

Вы нашли такого, что можно было бы приравнять к конфирмации смертного приговора? Это очень мрачная аналогия и совершенно «не может соответствовать». Если она должна обозначать, что такого рода отношение граничит с полным безразличием, то я не протестую — это слишком очевидно подтверждается всеми моими письмами последнего времени.

16 ноября [1916 г.]

Продолжаю письмо только через сутки — опять уж скоро два. Вчера я написала Вам длинейшее послание на тему о внутренней политике, т[ак] ч[то] его решительно не стоит посылать, ибо что можно писать о творящейся теперь вакханалии. Вся *ligne de conduite** нашего правительства за последнее время производит впечатление в лучшем случае преступного легкомыслия, если не циничного глумления над страной, да что об этом говорить. Вся надежда на Думу, не дай Бог, если ее разгонят — что это будет только. Я мечтаю попасть на ее первое заседание после перерыва — из газет, по всей вероятности, ничего не узнаешь — опять будут сплошные белые столбцы.² Назначение Трепова³ большинством встречено с неудовольствием, по-видимому, это будет продолжатель Штюмера,⁴ только не такой лично непорядочный человек, как вышеупомянутая личность. Никогда еще Распутин не имел такого влияния, как сейчас, о нем только и слышно.⁵ Все вместе — такая возмутительная мерзость, что ставлю большую точку, т[ак] к[ак] иначе начну браниться совсем уж непозволительно. И то я напрасно пишу Вам все это, но трудно же, Александр Васильевич, не писать о том, о чем приходится поневоле так много думать и слышать.

Румыния способна хоть кого привести в отчаяние. Второй день после сообщения о переправе у Зимницы никаких

---

* линия поведения (фр.).

известий нет, очевидно, идет сплошное бегство румын.⁶ Они так «стремительно отступают», что недавно я 10 мин[ут] не могла найти на карте последнего по сообщениям занятых неприятелем пунктов, т[ак] к[ак] решительно не могла себе представить, что они так далеко. Принимая во внимание такие свойства румынских войск и те ничтожные средства, которые были в распоряжении Зайончковского,⁷ я не думаю, чтобы он был очень виноват в Добруджинской истории.⁸ Алексеев⁹ отнесся к операции в Добрудже до странности легкомысленно, совершенно не считаясь с многократными просьбами Зайончковского или дать ему большие полномочия и средства для ведения компании, или сменить его, т[ак] к[ак] при таких обстоятельствах он ничего поделать не может. Ему только что не было отвечено, что у страха глаза велики; проигрыш дела в Добрудже здесь относят к болезни почек ген[ерал]-ад[ъютанта] Алексеева, кот[орая] ему мешала хорошо разобраться во всем — очень утешительно, нечего сказать. О событиях в Добрудже случайно я имею много сведений из источника довольно курьезного свойства: кн[язиня] Голицына, у которой я живу сейчас, на днях встретила со старшим адъютантом Зайончковского, другом своей очень ранней молодости, и он, по старой дружбе, привез прочесть ей черновик доклада Зайончковского Государю¹⁰ — вот Вам военная тайна? Я иногда думаю, как легко должны немецкие агенты узнавать все, что им надо.

Сегодня приехали из Кисловодска мои — мать и три сестры,¹¹ все три черные от загара, веселые и до того бессовестно молодые, что я чувствую себя почти их теткой, если не бабушкой. Несмотря на это ощущение я так им обрадовалась, что мы проболтали и просмеялись весь вечер, как я уж не помню, когда было в последний раз. Я очень рада повидать своих перед тем, как переселяться в Ревель, а то я столько жила в чужих домах последнее время, что вряд ли скоро выберусь оттуда, когда переберусь окончательно.

Вы пишете, что редко бываете дома и предоставляете Софье Федоровне самой разбираться во всех делах. Не знаю, какой Вы финансист, но что касается Софьи Федоровны, то ее способности по этой части очень замечательны, насколько я имела случай в этом убедиться, и ей, верно, очень трудно во всем благотворительном хозяйстве. Кроме того, в таком маленьком городе, как Севастополь, то, что Вы редко бываете дома, по всей вероятности очень отмечается и подвергается обсуждению, для которых, в сущности, не следует давать повода. Такого рода соображения, конечно, не имеют боевого значения, но в Вашем положении ими не следует пренебрегать совершенно.

В конце письма Вы извиняетесь за неразборчивый почерк и невеселое впечатление от Вашего послания. Ваш почерк я имела достаточно времени изучить детально и читаю его без затруднений теперь, чего не могу сказать про первые Ваши письма; по этому поводу я вспомнила, как в самом начале нашего знакомства я в шутку попросила у Вас автограф, и Вы ни за что не хотели мне его дать; почему? Что же касается до невеселого впечатления, то их у меня столько все это время, столько печального видишь и слышишь от людей безразличных и неприятных, что говорить с Вами даже о самых грустных вещах для меня уже радость. Вот когда я не получаю от Вас писем вовсе, как во время Вашего трехнедельного молчания, — то у меня число таких «невеселых минут» разрастается до 24 час[ов] в сутки, и Вы не должны ставить мне в вину этот очень маленький упрек, от которого я, несмотря на все старания, не могла удержаться в письме из Гельсингфорса. Все же надо кончать, и так письмо невероятно длинно, к тому же четвертый час.

Спокойной ночи, Александр Васильевич милый, да хранит Вас Господь всегда и всюду.

Анна Тимирева

Р. С. Вы пишете, милая химера: «Я не целую ручек Ваших», — очень жаль, вот Вам.

Анна Т[имирева]

Мой адрес по-прежнему Шпалерная, 32.

Л. 87–91 об.

---

¹ В Петрограде А. В. Тимирева имела квартиру по адресу 7-я Рождественская ул., д. 9, кв. 24.

² После перерыва Государственная дума возобновила свои заседания 19 ноября 1916 г. Белые столбцы на страницах газет означали цензурные изъятия.

³ Трепов Александр Федорович (1862–1928) — председатель Совета министров с 10 ноября по 27 декабря 1916 г.

⁴ Штюрман Борис Владимирович (1847–1917) — председатель Совета министров с 20 января по 10 ноября 1916 г. Государственная дума обвинила Штюрманера в симпатиях к Германии и потребовала его отставки.

⁵ Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864 или 1865–1916). Из крестьян села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии. Странствовал по монастырям и святым местам. Впервые приехал в Петербург в 1904 или 1905 г. Ректор Петербургской Академии и духовник царской четы Феофан представил Распутина женам великих князей Николая Николаевича младшего и Петра Николаевича Анастасии и Милице, а в 1907 г. ввел его в царский дворец. Фаворит царской семьи (вопрос о степени влияния Распутина на Николая II и Александру Федоровну дискусионен). Убийство Распутина 17 декабря 1916 г. вызвало широкий резонанс в различных общественных кругах, особенно кадрового офицерства, которое считало, что он своими действиями компрометирует русскую государственность во время ожесточенной войны.

⁶ 10 ноября 1916 г. Дунайская армия генерала Макензена форсировала Дунай в районе Систово — Зимница и начала наступление на север. Однако окружить 1-ю Румынскую армию ей не удалось.

⁷ Зайончковский Андрей Медардович (1862–1926) — генерал-лейтенант. В 1883 г. окончил Николаевское инженерное училище, а в 1888 г. — Академию Генерального штаба. В дальнейшем на различных командных должностях в армии и гвардии. В июле 1916 г. назначен командующим 47-м армейским корпусом в Добрудже, предназначавшимся для помощи румынской армии. Одновременно с августа 1916 г. командующий Добруджинской армией (3,5 пехотные дивизии и кавалерийская бригада). После неудачных действий армии смещен с командования. С 22 октября 1916 г. командующий 18-м армейским корпусом. 2 апреля 1917 г. отстранен от командования, а 7 мая уволен в отставку. С 1918 г. в Красной

Армии. С июля 1919 г. по февраль 1920 г. начальник штаба 13-й армии. В 1922–1926 гг. на военно-преподавательской работе, профессор Военной академии.

⁸ По плану германского командования один из ударов по Румынии наносила Дунайская армия генерала Макензена (девять пехотных и две кавалерийские дивизии германо-болгаро-турецких войск в Добрудже). Ей противостояла 19-я румынская дивизия и 47-й корпус русской армии, находившийся в процессе сосредоточения. В результате наступления Дунайской армии 22 августа румыны оставили Базарджик и Туртукай. 25 августа 19-я румынская дивизия самовольно ушла на север, обнажив фланг 47-го корпуса. 26 августа была создана Добруджинская румынская армия под командованием генерала А. М. Зайончковского, но это не спасло ситуацию. 27 августа была оставлена Силистрия, 31 августа Добруджинская армия отошла на заранее укрепленную Кобадинскую позицию (Ралово — Кобадин — Тузла). Получив подкрепление, 6 октября войска Макензена перешли в наступление, которое оказалось неожиданным для румынского и русского командования. В результате трехдневных боев Добруджинская армия была выбита с Кобадинской позиции. 10 октября противник занял Констанцу, а 11 октября — Черноводы и Меджидие. Командир 47-го корпуса генерал Зайончковский потерял управление войсками и связь с главной румынской квартирой и Ставкой русского командования. 13 октября 1916 г. разбитая Добруджинская армия была преобразована в Дунайскую во главе с генералом В. В. Сахаровым.

⁹ Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) — генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1916). В 1914 г. начальник штаба Юго-Западного фронта. В августе 1915 – марте 1917 г. занимал должность начальника штаба Верховного главнокомандующего, фактически руководил действиями русских армий.

¹⁰ Вероятно, речь идет о Всеподданнейшей записке генерала А. М. Зайончковского от 20 октября 1916 г. о боевых действиях в Добрудже в августе – октябре. Записка была подана в Ставке в последних числах октября Николаю II через великого князя Александра Михайловича. Опубликована в журнале «Красный архив» (1933. Т. 3 (58). С. 24–45).

¹¹ Сафонова (урожд. Вышнеградская) Варвара Ивановна (1863–1921) — мать А. В. Тимиревой. В 1882 г. окончила Петербургскую консерваторию по классу пения, концертировала. Оставила концертную деятельность, занявшись воспитанием десятирех детей. Умерла в Кисловодске.

№ 22

Петроград
7-я Рождественская, 9

22 ноября [1916 г.]

Милый Александр Васильевич, сегодня получила письмо от Вас, шедшее целую неделю — спасибо. Романов

здесь, никуда не уехал и, по-видимому, не уедет в ближайшем будущем — это Вам для сведения, если будете писать через Генмор.

Эту неделю я прожила у кн[ягини] Голицыной и завтра опять возвращусь на Шпалерную к Плеске. Два раза была в Гос[ударственной] Думе и совершенно поглощена ею, впечатление огромное и очень двойственное — первое от действительно чудесной и искренней речи Пуришкевича,¹ главным образом, да и многих других, и другое — от стараний, придираясь к не всегда достаточной обоснованности ее, и безусловно, непреднамеренным ошибкам, втоптать в грязь человека, который первый посмел говорить о необходимости прямо просить царя об удалении Распутина и компании. Об этой части речи Пуришкевича никто не упоминал, а она-то и была главной, почему, конечно, в газеты и не попала. По-видимому, вышеназванная личность принадлежит к числу тех, кого затрагивать нельзя и чье имя не может даже упоминаться.

Вообще гадость, сегодня, когда я слушала речь Маркова 2[-го],² мне было так гадко и стыдно, как никогда в жизни; верно, надо иметь навык, чтобы хладнокровно слушать явные подтасовки, плоскую ругань и бессмысленное глумление и тем, перед чем можно только преклоняться. К сожалению, у меня этого навыка нет, и впечатление самое тягостное. И все-таки сейчас в Думу такая вера, такая надежда, что она сумеет положить предел творящемуся безобразию, поможет в деле войны. Конечно, такие типы, как Марков 2[-й], есть, но это же печальное исключение и не в них сила. Верно, я надоела Вам разговорами о Думе, что поделаться, сейчас это совсем меня захватило, раньше я просто ее не замечала как-то, теперь не то. Все-таки — довольно, не правда ли?

Вы пишете, помню ли я, что Вы писали мне о счастье. Я это помню очень хорошо, и Ваши слова совсем не каза-

---

¹ Так в тексте.

лись и не кажутся мне непонятными и странными. Александр Васильевич милый, я только не могу согласиться с Вашей точкой зрения в том случае, когда дело касается лично меня. Для этого надо посмотреть на себя как на некую отвлеченность, но я же живой человек и так смотреть на себя не могу, это ясно.

Ваши письма я храню все, когда мне бывает грустно, я люблю перебирать их, читать те из них, которые я люблю больше других. Но сейчас со мною нет Ваших прежних, радостных и ласковых писем, уезжая из Ревеля я не взяла с собой их, кроме последнего, полученного в Гельсингфорсе, т[ак] к[ак] дорожу ими и боюсь потерять. Кроме этого со мною только то, что Вы писали мне за последний месяц, и я перечитываю эти листки с большой печалью. Да и вообще невесело, Александр Васильевич, война не радует, особенно Румыния; там, по-видимому, дело совсем дрянь, а румыны, мягко выражаясь, оригинальный народ, и никогда не знаешь, чего от них ждать — или слишком хорошо знаешь, это еще хуже.

Сегодня прочла в «Вечернем времени» о налете наших гидро на Кара...³ дальше не помню, т[ак] к[ак] румынские названия — это «что-нибудь отдельное», и запомнить их трудно. Были ли Вы в этой операции?

Вы упоминаете в Вашем письме о тех словах о мести, которые я написала Вам после гибели «Императрицы Марии»; они бессмысленны на первый взгляд, но для меня имеют основание и вот какое: когда у нас бывает какая-нибудь большая потеря, военная неудача, меня особенно огорчает, так возмущает мысль, что для наших врагов — это радость, что то, что составляет наше горе, — для них счастье. И вот с этой точки зрения каждый ущерб, нанесенный врагу, каждое его поражение в любой области — именно месть за собственное несчастье. Это, может быть, глупо, но это так.

Вы еще пишете, и не первый раз, «война перестала благоволить ко мне». Но последнее время она вообще не бла-

говорит «к нам»); но знаете, Александр Васильевич, если Вы говорили мне много раз о том, что за счастье надо платить, то я глубоко верю в обратное, т[о] е[сть], что судьба платит за несчастье — счастьем, и за неудачу — успехом. Они чередуются всегда, но в самые тяжелые минуты у меня почти всегда есть в глубине души уверенность, что «так» продолжаться не может и что чем хуже, тем скорее должно повернуть на лучшее. Для меня это не теоретическое рассуждение, а очень определенное чувство, и я думаю, что в этом права; нет?

Как давно не видела я Вас, Александр Васильевич милый, иногда я с трудом представляю себе Ваше лицо и это так грустно, что недавно я, проходя мимо магазина, увидела открытку — снимок со скульптуры Жукова⁴ — две фантастические птицы и купила ее, т[ак] к[ак]^{*} одна из них сидит и улыбается, совсем как Вы на другой день после какого-нибудь сверхъестественного номера — довольно и чуть-чуть сконфуженно. И, представьте, эта глупая открытка мне больше напоминает Вас, чем фотография. Если у Вас случайно есть какая-нибудь любительская Ваша карточка — пришлите мне, хорошо, Александр Васильевич милый?

Это письмо пошлю через Генмор, почта — учреждение неважное, по моим расчетам, одно мое письмо до Вас не дошло, кроме того, опять пошли цензурные строгости, и я совсем не уверена, что писем, адресованных Вам, безусловно не вскрыют, а это неприятно. Мне очень надоело жить не у себя, это изводит, но когда попаду в Ревель — одному Богу известно.

Кроме всех удовольствий, «Баян» будет стоять в Гельсингфорсе до льдов; при том темпе, каким идет замерзание, понимаете — до Рождества minimum, т[ак] ч[то] мне предстоит веселая перспектива жить одной в чужом городе с месяц — неважно, но я все-таки очень хочу поскорее уехать отсюда. Надо кончать письмо по многим причинам:

---

* Так в тексте.

1) догорает свечка; 2) бумаги больше нет и 3) опять уже три часа, давно пора спать. Поэтому — до свидания, дорогой Александр Васильевич.

Господь да хранит Вас и да пошлет Вам много радости.
Милый Александр Васильевич.

Анна Тимирева

Л. 92–95 об.

---

¹ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — бессарабский помещик, депутат II, III, IV Государственных дум (фракция правых). В 1904–1906 гг. товарищ председателя Союза русского народа. В 1907 г. создал свою черносотенную организацию «Палата Михаила Архангела». Во время Первой мировой войны уполномоченный Красного Креста на фронте. Участвовал в убийстве Г. Е. Распутина. В 1914–1917 гг. возглавлял «Общество Русской Государственной карты после победоносной войны», замешанное в подготовке Корниловского мятежа. Преследовался Временным правительством и Советской властью. Сотрудничал с А. И. Деникиным. Умер в Новороссийске от сыпного тифа.

19 ноября 1916 г. Пуришкевич произнес свою «знаменитую» речь на заседании IV Государственной думы. В ней он обвинил представителей правительства в интригах, коррупции, связях с немцами. В заключение Пуришкевич призвал министров отправиться в Ставку, пасть к ногам государя и просить избавить Россию от Распутина.

² Марков 2-й Николай Евгеньевич (1876–1945) — курский помещик, один из руководителей Союза русского народа (1905) и выделившегося из него Русского народного союза имени Михаила Архангела. Депутат III и IV Государственных дум. После свержения Временного правительства находился на нелегальном положении, возглавляя одну из антибольшевистских организаций Петрограда. В ноябре 1918 г. уехал в Финляндию, где прожил два года, затем в Эстонию, а оттуда в Германию. Там до 1925 г. издавал журнал «Двуглавый орел» и «Вестник Высшего монархического совета». В конце 1925 г. переехал в Париж. В 1938 г. вернулся в Германию, сотрудничал с нацистами. Издавал антисемитский еженедельник «Мировая служба». Умер в Висбадене.

22 ноября 1916 г. Марков 2-й выступил в Думе и за слова «болван, мерзавец» в адрес председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко был исключен на 15 заседаний.

³ 22 ноября 1916 г. газета «Вечернее Время» опубликовала сообщение о налете русских гидропланов на д. Карамурад к северу от Констанцы.

⁴ Жуков Иннокентий Николаевич (1875–1948). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Систематического художественного образования не получил. Занимался в Париже

в мастерской Э.-А. Бурделя (1912–1914). Жил в Петрограде (1914–1917), Чите (1917–1922), затем в Москве. Одним из направлений его творчества являлось создание фигур фантастических животных и птиц.

№ 23

Гельсингфорс

30 ноября [1916 г.]

Дорогой Александр Васильевич, вчера я приехала сюда на несколько дней, чтобы сделать все покупки, а больше потому, что захотелось еще раз посмотреть на милый Гельсингфорс, прежде чем ехать в Ревель на зимовку. Узнала здесь, что окончательно решен вопрос о переводе Леонида Леонтьевича¹ к Вам, и очень за него порадовалась, да и Вам хорошо иметь такого прекрасного капитана и верного человека. Все же мне жаль, что Ивановы уезжают, никого не остается из друзей, это так печально. Вы можете допустить мысль, Александр Васильевич, что вдруг я буду так скучать без Марии Семеновны, что приеду в Севастополь ее навесить; Ваше мнение по этому поводу?

Видела здесь Петра Ильича Крашенинникова — он приходил отдыхать на три дня, т[ак] к[ак] будет плавать до льдов. Но льда и в помине нет, зато сорванных мин сколько угодно повсеместно, т[ак] ч[то] в море неуютно. Совсем тепло, а всем уж надоело плавание, больше всех Кедрову. Он не пропускает ни одного мичмана, чтобы не спросить, не знает ли он, когда же наконец замерзнет? Это мне напоминает популярный рассказ о Вас, ходивший весной среди капитанов, о том, как Вы проклинали лед, который мешал Вам пройти в Рижский залив. Был проект нарисовать картину — Вы сидите на льдине и бьете ее кулаком, чтоб скорее таяла; глупо, но мило. Капитаны со скуки занимаются тем, что изводят Кедрова и с азартом читают Мятлева² и др[угие] стихотворения на злобу дня, их теперь масса и есть неплохие, да не пропущенные цензурой думские речи — то же, что и в Петрограде. Я из любопытства спросила

Петра Ильича, как же они изводят Кедрова? На мой вопрос он ответил категорическим отказом привести цитаты из этих дружеских бесед, т[ак] к[ак] «они со словами». Вы понимаете, Александр Васильевич, что я не настаивала после этого.

Я очень вспоминаю Вас и скучаю эти дни, Александр Васильевич, здесь все те же люди, те же места, где я столько раз видела Вас веселым и спокойным, и много бы я дала сейчас, чтобы вернуть хоть один из этих вечеров, повидать Вас, по-прежнему поговорить с Вами. Я завидую самым настоящим образом Марии Семеновне, она увидит Вас, наверно, будет встречаться с Вами. Вы видите, какие Вы дурные чувства во мне пробуждаете, хорошо ли это?

Вторую неделю нет от Вас писем; это вполне понятно ввиду того, что я уехала из Петрограда. Но мне в таком случае, независимо от чего он происходит, всегда начинает казаться, что Вы забыли меня или за что-то могли на меня рассердиться, нет, не это слово, но что-то подобное. И иногда я самым глупым образом начинаю ясно чувствовать свою вину перед Вами, не знаю только в чем? Мне всегда кажется, Александр Васильевич милый, что Вы должны немного смеяться надо мной, читая все глупости, которые я Вам пишу. И правда — письма такая предательская вещь, я хорошо знаю, что в моих много такого, чего я, вероятно, никогда не сказала бы Вам, и что пишу с какой-то странной легкостью. Много раз я пробовала писать Вам любезные и корректные письма по всем правилам искусства корреспонденции. Но что из этих стараний выходило, Вы очень хорошо знаете — я просто начинаю говорить с Вами о том, что в данную минуту всего мне ближе, чаще всего о Вас же, и письмо становится положительно бесконечным.

В субботу вернусь в Петроград и дня через три уеду в Ревель, где и поселюсь окончательно на Судебной улице, д. № 8; это Вам для сведения, Александр Васильевич милый. Как сложится там моя жизнь, я как-то мало себе представляю; когда я стала однажды красноречиво описывать

ее Сергею Николаевичу и виды «жития», он очень мрачно мне сказал: «Нет, уж лучше не надо, я ведь знаю — зато что потом будет!» Нет, каково обо мне мнение? А ведь он прав, Александр Васильевич, пожалуй. Надо кончать письмо, уж очень поздно — половина пятого и пора спать.

Спокойной ночи, милый Александр Васильевич.

Господь Вас сохранит и пошлет Вам радость. Не забывайте же меня, а я всегда думаю о Вас.

Анна Тимирева

Л. 96–101.

---

¹ Иванов Леонид Леонтьевич (1875–1940) — контр-адмирал (28 июля 1917). В 1895 г. окончил Морской кадетский корпус. Участник Русско-японской войны. В 1914–1915 гг. командовал 4-м и 6-м дивизионами миноносцев Балтийского флота, в 1915–1916 гг. линкором «Севастополь», с 10 ноября 1916 г. бригадой крейсеров Черноморского флота. Во время Гражданской войны командовал Флотилией Северного Ледовитого океана белых. Умер в эмиграции.

² Вероятно, речь идет о Владимире Петровиче Мятлеве (1868–1946). Поэт-памфлетист. В 1906–1917 гг. предводитель дворянства Новоскольского уезда Курской губернии. Эмигрант. Жил во Франции, находился в окружении великого князя Кирилла Владимировича.

№ 24

Петроград
Шпалерная, 32

6 декабря [1916 г.]

Дорогой Александр Васильевич, сегодня вернулась из Гельсингфорса и нашла письмо от Вас, которому очень обрадовалась, — две недели большой срок, не правда ли? Вы пишете мне о Вашем любимом корабле и о той странной связи, которая была у него в Ваших глазах с воспоминанием обо мне. Это странная идея, Александр Васильевич, но мне кажется, что я отчасти ее понимаю — мы столько говорили с Вами на разные темы, столько я думала о Вас

и раньше, а со времени Вашего отъезда особенно, что я свободно слежу за течением Вашей мысли, и оно не кажется мне «нелепым и лишенным здравого смысла», как Вы пишете. Но я не ушла от Вас, Александр Васильевич милый; посмотрите хорошенько кругом, когда будете следующий раз в море, может быть, Вы увидите меня в калошах, резиновом плаще и с зонтиком — одетой по сезону и пришедшей повидаться с Вами на минутку на середину Черного моря — хотите?

Сегодня первый зимний день — тихо, сыро и снег, очень хорошо и непривычно еще. Скажите, Александр Васильевич, Вы скучаете просто по северу, по нашему морю, по любимым миноносцам? У Вас все другое теперь. Мне хочется привести Вам тост за начальника Минной дивизии, сказанный одним капитаном на Георгиевском празднике,¹ он довольно курьезен: «Господа, я ничего не хочу сказать про теперешнего начальника дивизии, но вот старого я действительно любил. Точка».

Вы спрашиваете меня, что я делаю и как живу. За исключением последних дней, в Гельсингфорсе живу очень тихо, вижу только своих и почти нигде не бываю, против обыкновения запоем читаю газеты; но это последнее занятие становится до того противным, что, кажется, брошу его. Все равно, что бы ни говорили в Думе и в Гос[ударственном] Совете (это уж случай, когда начинают камни говорить), вряд ли можно надеяться на что-нибудь путное — пока что единственным результатом всех подобных выступлений является полное отсутствие результатов. В нашей провинции, Гельсингфорсе, много говорили, что надо ждать почему-то 6-го больших событий, вроде объявления Конституции и т[ому] п[одобное]. О святая невинность! Первое, что мне попало на глаза, — это рескрипт на имя этого законченного негодяя Питирима,² первого друга и ставленника Распутина. Ничего не будет удивительного, если на днях сам Григорий получит какое-нибудь официальное назначение и будет вести игру уже совсем открыто, потому что с большим презрением

и враждебностью относиться к голосу страны, чем это делается сейчас — нельзя. Как-то совестно смотреть на все это, Александр Васильевич, и страшно думать, к чему это приведет. Впрочем, что об этом говорить.

Последние три дня в Гельсингфорсе, когда пришел туда «Баян», мы проводили время преимущественно со всякими Ивановыми и по хорошо известной Вам программе — предавались алкоголизму в «Фениии» до поздних часов;³ все то же, только Вас нет, «Фения» стала как-то меньше и будничнее, и вместо того, чтобы говорить с Вами, я болтаю всякую ерунду на темы, доступные рядовому капитану под влиянием нормального количества вина и моего соседства — малоинтересно и очень шаблонно.

Сегодня, вернувшись с вокзала, нашла длинное и чрезвычайно забавное письмо от Алексея Васильевича Стеценко, отчасти по поводу моей квартиры в Ревеле, отчасти просто так. Он описывает мне прелести ревельской жизни, зовет скорее туда ехать и обещает сопровождать меня каждый день в Собрание, чтобы не было скучно. Не могу сказать, чтобы все это было так привлекательно, но я все же еду на днях. Теперь снег, и старый Ревель, верно, хорош, и на Вышгороде бело и тихо — славно.

Может быть, увижу еще здесь Леонида Леонтьевича Иванова, если он поедет, как собирался, 9-го к Вам. Удивительная система всем переселяться в Черное море! Мария Семеновна была очень ко мне мила эти дни и несколько раз звала меня приехать погостить к ней в Севастополь весной; это замечательно умная женщина и видит по крайней мере аршина на три под землей. Не знаю, удастся ли мне воспользоваться ее любезностью, но по крайней мере я могу думать о том, что есть маленькая возможность повидать Вас, Александр Васильевич милый. Вы пишете, «что я скажу Анне Васильевне?» Я думаю, если мы встретимся, Вы скажете: «Здравствуйте, Анна Васильевна, как давно мы с Вами не виделись», — право же, я ничего больше не требую, но мне хочется просто видеть Вас, это ведь понятно?

Как-то давно Вы писали мне, что замечаете, как мы часто в одно время пишем друг другу почти одно и то же — только другими словами; перечитывая Ваше письмо сегодня, я испытывала это же чувство. Вы говорите о том, как всегда ждете теперь в моем письме найти что-нибудь такое, что может быть Вам больно; каждый раз, отправляя Вам письмо, я смертельно боюсь задеть Вас каким-нибудь неосторожным или неуместным словом, слишком понимая, как легко это сделать, когда человеку так тяжело и трудно, как Вам сейчас, и, раскрывая Ваше письмо, всегда боюсь найти в нем подтверждение своей боязни. А я бы хотела давать Вам только одну радость и ласку, что же делать, если в этом я бессильна. Всякое горе и утрата — тем еще тяжелей, что вместе с дорогой потерей теряешь способность радоваться всему, что остается и что имело раньше ценность. Но если и так — все-таки не говорите мне, Александр Васильевич дорогой, что я ушла от Вас, нет, я все та же и так же думаю и помню нежно Вас, милый друг мой, так же молюсь за Вас и прошу Бога, чтобы он послал Вам самое большое и хорошее счастье, какое может быть, и сохранит Вас, дорогой Александр Васильевич. До свидания.

Анна Тимирева

Р. S. Около 10-го переезжаю в Ревель, «Кречет»,⁴ вероятно, будет в Гельсингфорсе; Вы будете писать мне по почте, Александр Васильевич? А то как же Романов будет пересылать письма, если в Ревель не будет курьеров. Что такое напомнили Вам химеры?

Анна

Л. 102–107 об.

---

¹ Георгиевский праздник устраивался ежегодно 26 ноября в честь учреждения в 1769 г. Екатериной II ордена Св. Георгия.

² Питирим, в миру Павел Окнов (1858–1921). В ноябре 1915 г. по настоянию императрицы Александры Федоровны и Г. Е. Распутина назна-

чен митрополитом Петроградским и Ладожским и архиепископом Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. 6 декабря 1916 г. последовал Высочайший рескрипт на имя митрополита Питирима. За заслуги перед церковью, царем и родиной он был пожалован крестом «для предношения в священнослужении» (Правительственный вестник. 1916. 6 (19) дек.).

Арестован 28 февраля 1917 г., под давлением духовенства сложил сан митрополита и был отпущен «на покой» в лавру.

³ Гранд-отель «Фения» находился в Гельсингфорсе на Железнодорожной площади напротив вокзала. В гостинице имелся ресторан с зимним садом.

⁴ «Кречет» — посыльное судно Балтийского флота (бывший финский товарно-пассажирский пароход «Полярис»). Построен в 1889 г. в Англии. 21 мая 1915 г. мобилизован и зачислен в состав Балтийского флота. Использовался в качестве штабного корабля командующего Балтийским флотом. В 1941–1942 гг. входил в состав Тихоокеанского флота. 14 декабря 1942 г. затонул на рейде Гонконга.

№ 25

Петроград
Шпалерная, 32

8–9 декабря [1916 г.]

Милый Александр Васильевич, сегодня получила письмо от Вас и фотографии; мне нравится та, где Вы стоите у борта «Счастливого»¹ с Dumesnil'ем,² очень похоже, и таким я легко Вас представляю, но спасибо за обе. Доживаю здесь последние дни, уеду, вероятно, в воскресенье. Два месяца я живу без дома и мне странно ехать «к себе».

Сегодня была в Гос[ударственной] Думе, завтра тоже пойду. Вероятно долго не придется бывать там, существует очень определенное мнение, что распущенная на праздники Дума опять созвана не будет, и я к этому мнению присоединяюсь. Да и какой смысл она имеет при том отношении к ней, которое подчеркивается на каждом шагу с такой враждой и насмешкой. То, что делается сейчас наверху, хуже всех военных неудач, потому что это их причина в значительной степени. Цитируются слова государыни: «Нас любит армия и народ, все, что говорится, — дело рук „кучки крамольников“, им не будет никаких ус-

тупок, напротив». Это не точные слова, но смысл их именно такой. Но ведь это уже наивность довольно смешная и более чем смелость — обозвать Россию «кучкой крамольников».

Последняя сенсация — форменное наложение опалы и указ выехать в свою вотчину кн[ягине] Васильчиковой,³ кот[орая] посмела написать царице⁴ письмо с почтительной просьбой не вмешиваться в дела политики, т[ак] к[ак] иначе ей же будет худо. Как я хотела бы видеть эту женщину!

Сегодняшнее заседание Думы — верх бездарности и для меня лично имело интерес только лекция о земской единице,⁵ о которой я не имею темного* понятия, да и вообще я все больше убеждаюсь, что почти ни о чем понятия не имею — даже нехорошо. Завтра, верно, будет лучше, будет обсуждаться знаменитая 87-я статья⁶ о проведении временных законов помимо Думы, и я рада, что попаду на это заседание. Извините, Александр Васильевич милый, что вместо письма пишу Вам отчет о думских заседаниях, но ведь, что у кого болит, тот о том и говорит, это так понятно.

На карту Румынского фронта я стараюсь не смотреть, идиотские газетн[ые] рассуждения о доблести румынской армии и о том, что почти полное уничтожение этой страны в сущности неважно и боевого значения не имеет, приводят меня в ярость, а сами факты — почти в отчаяние. Мне не представляется невероятным, что в самом недалеком будущем Румыния будет окончательно ликвидирована и военные действия будут перенесены на нашу территорию.

За последнее время столько у нас неудач, хаоса и несчастья, что кажется, если бы каким-нибудь чудом случилось что-нибудь очень хорошее — даже радоваться мы бы не сумели, как прежде. Как тяжело и страшно жить теперь, Александр Васильевич, откуда ждать помощи и кто способен ее подать стране — Бог знает. Сегодня деп[утат] Чхенкели⁷ в Думе, после неизбежных комплиментов по адресу

---

* В тексте ошибка. Вероятно, следует читать «никакого».

правительства, обратился к Думе с вопросом: «Кто же мы-то, господа? Мы — венизеллисты».⁸ Он порядком глуп, а сказал почти правду, но ведь это [трагично].

Но довольно же обо всем этом. Я хочу сказать Вам несколько слов о том, как я понимаю то, что Вы пишете об «отвлеченности и Вашем образе» (цитата из Вашего письма). Как хорошо знаю я, Александр Васильевич милый, как мало общего между Вашим представлением обо мне и просто «мною»; да это и понятно. Ведь в сущности Вы даже мало меня знаете, во всяком случае, наверно, меньше, чем я Вас, т[ак] к[ак] у меня больше было случаев слышать и говорить о Вас с близкими Вам людьми и просто людьми. И я очень хорошо знаю, что живая я, в сущности, цены для Вас не имею, и знаю это не первый день. Может быть, это и лучше, Александр Васильевич, но все-таки иногда я задаю себе вопрос, как Вы отнеслись бы ко мне, если бы хоть раз взглянули на меня так, как я на себя смотрю. Вот в такие минуты у меня является очень глупое и очень сильное желание сделать так, чтобы Вы увидели меня в настоящем свете, чтобы не чувствовать, что невольно я выдаю себя не за то, что есть на самом деле, ведь тяжело всегда «казаться» Вам такой. Да я и пробовала несколько раз сделать это. Вероятно, если бы мои попытки достигли цели, результат был бы не более утешителен, чем у ребенка, который разрезал куклу, чтобы посмотреть, что у нее внутри, как Вы думаете? Пусть все будет так, как есть в наших отношениях, которые бесконечно мне дороги.

Вечер сегодня я провела у своих в обществе мамы, четырех сестер⁹ и В. Романова, кот[орый] принес мне к Сафоновым Ваше письмо и с азартом болтал и забавлялся в компании столь необычной — пять сестер в возрасте от 23 до 14 лет, все черные и все разные. Он все-таки уезжает скоро, что меня огорчает, т[ак] к[ак] кто же будет исполнять обязанности Службы связи? Да и так я люблю его повидать, он хороший и умный друг, хоть и Хлестаков¹⁰ немножко. Кончаю на сегодня — четвертый час уже, а завтра с утра в Думу,

пора и спать. Спите же и Вы, Александр Васильевич милый, и да хранит Вас Господь.

Если бы Вы знали, какое удовольствие мне доставили Ваши фотографии, точно я Вас увидела по-настоящему на минутку.

9 декабря [1916 г.]

Продолжаю письмо, хотя час для этого безобразный — скоро четыре — но мне хочется поговорить с Вами после туго набитого дня. С 12 до 6 часов в Гос[ударственной] Думе, после обеда — в театре с В. Романовым. В воскресенье еду в Ревель, опять буду жить по-прежнему, но [в] эти дни стараюсь «вместить» возможно больше.

Сегодняшнее заседание Думы было очень замечательно, прекрасно говорили Шингарев¹¹ и кн[язь] Мансырев,¹² очень хорошо Маклаков¹³ и Савенко.¹⁴ На меня удручающее впечатление произвело то, что говорил кн[язь] Мансырев о проведенном по 87[-й] статье законопроекте об увеличении числа полиции и главное о том, что в случае надобности кадры ее могут перемещаться из губернии в губернию. Ведь это же просто организация особой армии для борьбы с «врагом внутренним». Но что же это, в самом деле, — одной рукой толкать народ на революцию, а другой приготавливать оружие, чтобы с нею бороться? Вот это обстоятельство вместе с многим другим невольно наводит на мысль, что мы присутствуем при беззастенчивой провокации, а это такая уже гадость, что все чаще и чаще начинаешь думать о Венизелосе¹⁵ с величайшим сочувствием к правильному образу действий этого достойного человека.

Несмотря на декларацию Покровского¹⁶ о том, что мир до полной победы заключен не будет, упорно говорят, что распутинская партия настаивает на сепаратном мире и будет добиваться его, как только распустят Думу. Тому, что это будет, я не верю, да все-таки почти никто не верит. Зато есть ли теперь кто-нибудь, кто думает, что при данных обстоятельствах, если не изменятся условия самым коренным об-

разом, войну можно выиграть? Что-то не встречала я этого убеждения. Наверно, очень бестактно с моей стороны все это писать Вам, Александр Васильевич, но надо только послушать несколько речей правых депутатов, вроде сегоднешней — Замыс[ловского],¹⁷ чтобы быстро встать на противоположную им точку зрения на вещи. Система правых ораторов очень примитивна. Защищая принципиальный вопрос, они вступают в полемику с противником, явно и бесстыдно подтасовывают факты, переходят на личности и в довершение всего всеми силами стараются спровоцировать со стороны Думы такое выступление, после которого она будет немедленно закрыта. Какое уродство все-таки, что члены Думы борются против ее же существования.

Теперь перейдем к очередным делам, вернее, к тому, как я была в театре. Попали мы ко второму акту «Аиды»,¹⁸ лет сто я не слышала музыки, и очень было приятно, хотя состав немножко слабоват. Между прочим, фараон самым бесстыдным образом загримировался под Вас, вернее, под Ваше изображение в той группе, что Вы подарили мне в минуту отъезда, помните, Александр Васильевич? Но Вы представьте себе свою фигуру в желто-красном колпаке, белом с желтым балахоне и сидящей в кресле на сцене Музыкальной Драмы¹⁹ — вот так картина? Он и пел вроде Вас для полноты иллюзии. Вот, а помимо этого я вывела заключение, что оперный Египет — прекрасная страна, по крайней мере, мне кажется, что было бы недурно применить к Сухомлинову²⁰ систему египетского судопроизводства; знаете, хор за сценой? «Радамес, ты предал Отчизну? Оправдайся! Он безмолвно изменил!!!» После этого его срочно прячут в погреб, где он и помирает за недостатком воздуха. Разве не хорошо? Что Вы об этом думаете? А то у нас каждый день в Думе кто-нибудь говорит о том, что *он* предал отчизну, а толку никакого, и никого в погреб на

---

* Выделенное слово подчеркнуто А. В. Тимиревой черными чернилами.

предмет удушения не сажают. Вот в Египте было лучше, это мое твердое убеждение.

Вот еще о чем я хотела сказать Вам, милый Александр Васильевич; последнее время я все чаще и чаще слышу из разных источников рассказы о том, что Вы невозможно нервны и свирепы до крайности, за что Вас очень многие осуждают. Мне очень больно слышать все это, я хорошо знаю, какую поправку надо брать на фантазию рассказчиков, но знаю тоже, что есть богатая почва для таких разговоров, а ее не должно было бы быть. Не думайте, Александр Васильевич дорогой, что то, что я пишу — осуждение с моей стороны, я знаю, что нелегко Вам, и понимаю, что часто резкость с Вашей стороны вызывается тяжелым душевным состоянием Вашим, но ведь этого никто не обязан и не должен даже знать, и всякий Вас осудит. Я Вам писала, что ничего не прошу у Вас — сейчас у меня есть к Вам просьба: когда к Вам придет желание «объяснить» кому-нибудь что-нибудь по системе «топтанья фуражки» и т[ому] п[одобное] — вспомните меня и, ради Бога, не сердитесь на меня за то, что я пишу Вам это, не имея на это никакого права.²¹ Надо кончать — 5 часов, ложусь спать. До свидания же пока, Александр Васильевич милый. Господь Вас сохранит и поможет Вам.

Анна Тимирева

P. S. Я все эти дни читаю в газетах о мелких успехах в Черном море, что меня радует. Что это за «моторные канонерские лодки»?²²

Анна Т[имирева]

Пожалуйста, пишите мне в Ревель почтой, Судебная, 8, А[нне] Т[имиревой]. Сейчас посмотрела на объем письма и пришла в ужас!!!

Л. 108–117 об.

---

¹ «Счастливый» — эскадренный миноносец Черноморского флота. Заложен в 1913 г. в Санкт-Петербурге, собран в Херсоне, вступил в строй в 1915 г. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. В мае 1918 г. захвачен немцами в Севастополе. В ноябре 1918 г. перешел к белым, а в декабре уведен англо-французскими интервентами в порт Измид на Мраморном море. В октябре 1919 г. затонул во время шторма у о. Лемнос в Эгейском море.

² Дюмениль (Dumesnil) Шарль (1868–1946) — вице-адмирал (январь 1923). Принимал участие в Дарданелльской операции. С 1916 г. представитель французского военно-морского командования в России. После заключения в 1919 г. Версальского мира представитель Морской контрольной комиссии в Берлине. Впоследствии командующий морскими силами в Восточном Средиземноморье, морской префект Бреста. Генеральный инспектор морских сил Средиземноморья (1926). В 1939–1940 гг. генеральный инспектор по вопросам туземной рабочей силы в Министерстве труда.

³ Васильчикова (урожд. княжна Мещерская) Софья Николаевна. В ноябре 1916 г. написала резкое письмо императрице Александре Федоровне с просьбой об удалении Г. Е. Распутина. 2 декабря 1916 г. выслана из Петрограда в имение мужа (князя Б. А. Васильчикова) «Вибити» в Новгородской губернии.

⁴ Александра Федоровна (Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса) (1872–1918). Дочь великого герцога Людвига IV Гессенского и дочери английской королевы Виктории. С 1894 г. русская императрица, жена Николая II. Относительно степени ее влияния на государственные дела в годы Первой мировой войны взгляды историков расходятся. Однако все обвинения Александры Федоровны в шпионаже в пользу Германии, которые выдвигала либеральная общественность, были безосновательны. После Февральской революции арестована в Царском Селе. По решению Временного правительства бывшая царская семья переведена в Тобольск, а впоследствии Советской властью в Екатеринбург. По постановлению Уральского областного совета Александра Федоровна, Николай II и их дети расстреляны 16 июля 1918 г.

⁵ На этом заседании проходило обсуждение законопроекта о волостном земском управлении.

⁶ Основные государственные законы были утверждены указом Николая II Сенату 23 апреля 1906 г. и опубликованы 27 апреля в день открытия Государственной думы и включали 223 статьи. По 87-й статье в период между думскими сессиями правительство могло в чрезвычайном порядке издавать законы, которые затем (в срок до двух месяцев) рассматривались Думой. С июля по октябрь 1916 г. по 87-й статье правительство перело 161 закон (июль — 9, август — 18, сентябрь — 37, октябрь — 97).

⁷ Чхенкели Акакий Иванович (1874–1959 или 1931) — землевладелец. Учился в Киевском университете, завершил образование в Берлине и Лон-

доне, юрист, публицист. В социал-демократическом движении с 1898 г. С 1903 г. меньшевик. Участник революции 1905–1907 гг. Депутат IV Государственной думы. В Думе выступал за культурно-национальное самоопределение. В годы Первой мировой войны «оборонец». После Февральской революции 1917 г. комиссар Особого Закавказского комитета, член ВЦИК. После Октябрьской революции вел борьбу с Советской властью на Кавказе. В 1921 г. эмигрировал.

⁸ Здесь А. В. Тимирева допустила ошибку. В стенографическом отчете заседания Думы это место из выступления Чхенкели выглядит так: «<...> Кто вы такие? Вермишелисты. (Смех.) Вот мой ответ. Правительство все вермиштельное предоставляет разрешать вам, ваш портфель полон тысячами мелких, ничтожных, никчемных законопроектов, а все значительное, все важное оно само разрешает в чрезвычайном порядке» (Государственная дума. Четвертый созыв : стеногр. отчет. Сессия пятая. Заседания 1–20. Стб. 918).

⁹ Сестры А. В. Тимиревой:

Сафонова Ольга Васильевна (1899–1942). Училась в гимназии Л. С. Таганцевой, в театральной студии В. Э. Мейерхольда. В 1927 г. окончила Академию художеств. Умерла во время блокады Ленинграда.

Сафонова (Крейн) Мария Васильевна (1897–1989) — пианистка. В 1921 г. эмигрировала. Концертировала в Европе и Америке. Закончив концертную деятельность, занялась живописью.

Сафонова Елена Васильевна (1902–1980). В 1926 г. окончила Академию художеств. Работала в области книжной графики, иллюстрируя детскую и юношескую литературу.

Сафонова Варвара Васильевна (1895–1942). См. примечание 2 к письму № 11.

¹⁰ Иван Александрович Хлестаков — персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

¹¹ Шингарев Андрей Иванович (1869–1918). В 1891 г. окончил естественное отделение физико-математического, а в 1894 г. медицинского факультета Московского университета. Получил всероссийскую известность после издания книги «Вымирающая деревня» (1901). С 1908 г. член ЦК партии кадетов. Депутат II, III и IV Государственных дум. Министр земледелия и финансов во Временном правительстве (март – июль 1917). Арестован 28 ноября 1918 г. и заключен в Трубечкой бастион Петропавловской крепости. Вследствие ухудшения состояния здоровья переведен в Мариинскую больницу. В ночь с 6 на 7 января 1918 г. вместе с министром Временного правительства Ф. Ф. Кокошкиным убит матросами-анархистами. Похоронен на кладбище Александро-Невской Лавры.

¹² Князь Мансырев Серафим Петрович (1866–1928). По образованию юрист. Службу начал в качестве секретаря казенной палаты Лифляндской губернии. Впоследствии был членом Казанской казенной палаты, податным инспектором в Самаркандской области, земским начальником в Уфимской губернии. С 1905 г. в ведомстве Министерства юстиции. Занимал должность судебного следователя 6-го участка Рижского окружного суда, затем перешел в «сословие присяжных поверенных».

В 1912 г. избран в IV Государственную думу от городской курии Риги. В Думе примыкал к правому крылу кадетской фракции. В августе 1915 г. вошел в Прогрессивный блок (думская оппозиция правительству). Принимал активное участие в сессиях и заседаниях Думы. После Октябрьской революции эмигрировал в Эстонию. Был председателем «Русского совета» в Ревеле, некоторое время редактировал газету «Новая Россия». В 1923 г. в Риге написал мемуары «Пятнадцать месяцев в Ревеле».

¹³ Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957). В 1894 г. окончил исторический, а в 1896 г. юридический факультет Московского университета. Занимался адвокатской практикой. В 1906 г. избран в ЦК кадетской партии. Член II, III и IV Государственных дум. Выступления в Думе принесли ему известность как одному из лучших ораторов России. Временным правительством назначен послом России во Франции, но не успел вручить верительных грамот в результате Октябрьской революции. Отказался признать Советскую власть, выступал в качестве представителя Колчака, Деникина, Врангеля. Входил в состав Русского Политического совещания в Париже и в Совет Послов. В 1924 г. возглавил Эмигрантский комитет. С 1932 г. руководил Советом Послов. Умер в Париже.

¹⁴ Савенко Анатолий Иванович (1874 – после 1920). В 1900 г. окончил юридический факультет Киевского университета. Мелкий землевладелец Киевской губернии и домовладелец. Журналист. Сотрудник газет «Новое время», «Киевское слово», «Подольнин», «Киевлянин» и др. Один из организаторов и руководителей Киевского клуба русских националистов (1908). В 1912 г. на 1-м съезде Всероссийского национального союза избран членом Совета. Депутат IV Государственной думы от мелких землевладельцев Киевской губернии. Один из лидеров левого национализма. Выступал за сотрудничество с октябристами и прогрессистами. После Октябрьской революции активный участник белого движения. Один из главных сотрудников деникинского ОСВАГа. В 1919–1920 гг. печатался в газетах «Россия», «Великая Россия» и др. Эмигрант.

¹⁵ Венизелос Элефтериос (1864–1936). Основатель и лидер буржуазно-либеральной партии Греции (1910). Будучи в 1910–1915 гг. премьер-министром, провел ряд реформ в области финансов, администрации, военного дела, землевладения. Стремился к созданию «Великой Греции». Принял участие в создании в 1912 г. Балканского союза. В результате Балканских войн 1912–1913 гг. добился присоединения к Греции о. Крит, Южной Македонии, Западной Фракии и других территорий. Во время Первой мировой войны сторонник Антанты. Из-за разногласий с греческим королем Константином (ориентировался на Германию) ушел в отставку. После отречения Константина в 1917 г. снова стал премьер-министром (1917–1920, 1924, 1928–1932, 1933). В 1935 гг., после поражения антимонархического восстания, бежал из страны. Умер во Франции.

¹⁶ Покровский Николай Николаевич (1865–1930) — тайный советник, член Государственного совета (с 1914), землевладелец Ковенской губернии. 21 января – 30 ноября 1916 г. государственный контролер. С 30 ноября 1916 г. министр иностранных дел. 3 марта 1917 г. передал дела П. Н. Милюкову. Эмигрант.

¹⁷ Замысловский Георгий Георгиевич (1872–1920). Из дворян. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Товарищ прокурора Гродненского окружного суда, и. о. прокурора Виленской судебной палаты, надворный советник. Член Совета Союза русского народа, а с 1908 г. член Русского народного союза имени Михаила Архангела. Депутат III и IV Государственных дум от Виленской губернии, фракция правых. После Октябрьской революции 1917 г. член нелегальной организации Н. Е. Маркова 2-го, затем переехал на Кавказ. Умер от тифа во Владикавказе.

¹⁸ Опера «Аида» итальянского композитора Джузеппе Верди (1813–1901) написана в 1870 г.

¹⁹ Театр Музыкальной драмы — театральный зал Консерватории, Театральная пл., д. 3.

²⁰ Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926). В 1867 г. окончил Николаевское кавалерийское училище, а в 1874 г. Академию Генерального штаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Командовал кавалерийским полком, дивизией. В 1886–1897 гг. начальник Офицерской кавалерийской школы. С 1899 г. в Киевском военном округе занимал должности начальника штаба, помощника командующего (1902) и командующего войсками (1905). Одновременно с 1905 г. киевский, волынский и подольский генерал-губернатор. С декабря 1908 г. начальник Генерального штаба, с 11 марта 1909 г. по 13 июня 1915 г. военный министр. 8 марта 1916 г. уволен со службы, а 29 апреля арестован по обвинению в государственной измене и злоупотреблениях. На суде (август – сентябрь 1917) эти обвинения не подтвердились. Признан виновным в недостаточной подготовке армии к войне и приговорен к бессрочной каторге, замененной тюремным заключением. 1 мая 1918 г. освобожден по амнистии как достигший 70 лет. Эмигрировал в Финляндию, а затем в Германию.

²¹ Ср. примечание 1 к письму № 17.

²² 9 декабря 1916 г. газета «Вечернее время» сообщила о потоплении у Босфора двух турецких моторных канонерских лодок.

№ 26

Ревель

14–15 декабря [1916 г.]

Судебная, 8

Дорогой Александр Васильевич. Сегодня получила Ваше письмо от 4–5 дек[абря]. Его переслал мне В. Романов через Службу связи и Стеценко. Ввиду близкого отъезда Романо-ва это была бы удобная система пересылки писем, но мне не хочется, чтобы маленькое и симпатичное, но в доста-

точной степени ядовитое существо было an courant^{*} нашей переписки. Так что, как ни жаль, придется перейти к услугам почты, стараясь по возможности не впадать в передачу «незаведомо ложных сведений и слухов», как принято говорить теперь. Надо же выдумать такую идиотскую формулу!

12-го я приехала с сыном в Ревель. Первое впечатление от мутного зимнего рассвета, изморози и холодной и неуютной баронской квартиры довольно печальное. А за окном на голом каштане галки чистят о ветки носы, в тумане старый Ревель, и высота Вышгорода кажется «нескладной кучей раковин морских» и в комнатах температура +10°. Неважно, как Вы любите говорить.

Целый день я занята приведением в христианский вид своего жилища, вечером отправляемся в Собрание, где и сидим долго совершенно неизвестно зачем и почему. Оно не нравится мне, а столовая похожа на станцию средней руки с буфетом. Вообще Ревель зимой много хуже, чем летом — темно, скользко, тесно, и мне уже хочется отсюда сбежать — хорошенькое начало, не правда ли. Всего приятнее мне было найти здесь довольно солидную коллекцию Ваших фотографий и писем. Первый день я все перечитывала их, беря наугад одно за другим, стараясь вспомнить, когда и как оно было получено. А кругом целые вороха неубранных платьев, неразобранных чемоданов и картонок — милая декорация «окончательных» переездов. Каждый день вижу Стеценко, видела Б. Муромцева, Кедрова, Крашенинникова — вот, кажется, все, что могу пока сказать о своей жизни здесь.

Я очень обрадовалась Вашему письму сегодня, Александр Васильевич, т[ак] к[ак] не ждала, что оно так скоро меня найдет здесь, хотя оно привело меня в некоторую, я бы сказала, панику. Я говорю о тех страницах, где Вы говорите о том «представлении в моем виде», которое Вас посещало еще так недавно. В хорошем же Вы состоянии,

---

^{*} в курсе (фр.).

Александр Васильевич милый, если с Вами запросто разговаривают какие-то странные существа, да еще беззастенчиво принимая мой вид. Я совсем не подвержена таким вещам, но все же, помню, видела Вас раз совершенно отчетливо и ясно, другой раз у меня было совершенно определенное чувство, что Вы прошли по коридору и смотрите на меня, стоя в открытой двери. Но я очень хорошо помню тоже, что в обоих случаях я была в совершенно невозможном состоянии, и меня не радует, если Вам случается быть в таком же. Но, во всяком случае, я не думаю, чтобы это «представление» могло быть результатом моей упорной мысли о Вас. Если бы я могла повидать Вас хотя бы в роли привидения, вряд ли я стала бы заниматься критикой Ваших ошибок в качестве командующего флотом, тем более смеяться над Вами, предлагать Вам невозможные планы. Если астральное *я* человека во всем похоже на него, то я сомневаюсь в находчивости моего привидения — оно просто смотрело бы на Вас, глупо смеясь от радости видеть знакомое и милое лицо химеры, слышать Ваш голос. Под влиянием Вашего письма я вспомнила первое время нашего знакомства и те рассказы об «элементалах и [нервах]», которые были тогда в таком ходу среди так называемой золотой молодежи,¹ помните, Александр Васильевич? Так вот, если еще когда-нибудь, обернувшись, Вы увидите сидящее на Вашем диване существо, которое приходит со специальным намерением говорить Вам неприятности, прикрываясь моим видом, — уколите его чем-нибудь острым по системе, рекомендуемой Черкасским, и когда оно исчезнет, вспомните хоть раз просто меня, живую и имеющую перед Вашими знакомыми только то преимущество, что Вы исключительно дороги мне и что мне в голову не придет сознательно приводить Вас чем бы то ни было в «состояние, близкое к отчаянию» — это уж наверно.

---

* Выделенное слово подчеркнуто А. В. Тимиревой черными чернилами.

Александр Васильевич милый, чем больше я знаю Вас, тем больше думаю, что Вы самое особенное и единственное в своем роде существо, по крайней мере я другого такого не встречала; может быть потому я так много думаю о Вас и Вы заняли в моей жизни такое странное и такое большое место. Каждый раз, раскрывая Ваше письмо, я не знаю, что найду в нем и о чем Вы будете говорить; перечитывая эти дни Ваши прежние письма, я поразила разнообразием предметов, о которых Вы пишете — от очередных операций до цветов на Вашем столе, от Савонаролы до последних событий в Добрудже и до поклонения звездам.

Милый Александр Васильевич, Вы писали мне как-то давно, что никому не писали так, как пишете мне теперь. Но и мне никогда в голову не приходило часами говорить на бумаге с далеким другом — не зная даже, когда, да и вообще увижу ли его, говорить с полной откровенностью о самом близком и о самых ничтожных мелочах ежедневной жизни, с одним желанием — чтобы не обрывалась между нами эта хрупкая и такая драгоценная для меня духовная связь. Теперь я редко уничтожаю написанные письма, больше веря в то, что Вы простите мне заключающиеся в них ошибки и бестактности и не будете ставить мне их очень сильно в вину. Сомневаюсь, чтобы эта система была очень хороша, но уж так выходит.

При том порядке, каким ходят теперь письма, Вы, вероятно, получите это письмо к Рождеству, так что сразу уж поздравляю Вас с праздниками. А вот Вам и подарок в придачу — мой собственный портрет в микроскопическом виде. Снят он в «Кемпе» в Гельсингфорсе и называется «Кунигунда сидела у окна, дверь тихо растворилась...». Как Вы находите, название подходит?

Передо мной на столе стоит пять Ваших фотографий разных размеров и достоинств, и я смотрю на них и думаю, что действительно с Вас можно писать Савонаролу — сходство очень замечательное, Вы не смейтесь. Не так давно

я читала его биографию в издании, где приведено несколько портретов, — это почти Ваше лицо, так странно.

Надо кончать письмо — третий час. Спите же, дорогой Александр Васильевич, и пусть Вас не тревожат никакие видения. Что же касается того, что мне «не нужно, не важно и не интересно» то, что Вы пишете, то я боюсь, что оно мне гораздо более «нужно, важно и интересно», чем бы следовало.

Да хранит Вас и да поможет Вам Господь, Александр Васильевич милый.

Анна Тимирева

Письмо такое толстое, что положительно приходится проделывать фокусы, чтобы вложить его в конверт — просто беда.

Анна Т[имирева]

15 декабря [1916 г.]

Не успела сегодня отправить Вам письма, чем и пользуюсь, чтобы еще немного поговорить с Вами, Александр Васильевич. Я только что вернулась от А. В. Стеценко, где мы обедали с Сергеем Николаевичем. Весь город погружен в темноту, т[ак] к[ак] ждут в эту ночь цеппелинов, но я в них как-то не верю, вернее в то, что они здесь появятся. С[ергей] Н[иколаевич] пошел от Стеценко прямо на корабль, а я поехала домой одна на санках. Ночь удивительно хороша, небольшой мороз, небо почти ясно, и оттого, что все огни потушены, звезды кажутся особенно яркими и красивыми. В такую ночь Ревель хорош, а Вышгород особенно; здесь так тихо и спокойно, что хоть устраивай санаторию для нервных больных. Я ехала по темным улицам, смотрела на чудесное небо и думала о Вас, пока меня из этого созерцательного состояния не вывел какой-то не в меру предприимчивый тип, ухватив за рукав. По-видимому, здесь царит порядочная простота нравов.

Где Вы сейчас, Александр Васильевич милый, в море или у себя в Севастополе, что делаете, что думаете? Несколько раз мне приходилось ездить на том же автомобиле Службы связи, на котором мы ездили с Вами в «Кемп» на рассвете, — Вы помните? Но я каждый раз, как сажусь в него, так ясно вспоминаю эту поездку, когда все, по уверению С[ергея] Н[иколаевича], совсем уже спали. Впрочем, я как-то не заметила тогда этого последнего обстоятельства, не знаю, как Вы.

На меня сегодня нашло такое яркое воспоминание последних дней, когда мы виделись, а тут еще я зашла в «Золотой Лев»² к одной знакомой, кот[орая] остановилась в том же номере, куда Вы приходили прощаться со мной в день отъезда. И, странно, сейчас я пишу Вам с таким чувством, точно не было последних тяжелых месяцев, точно мы только что простились с Вами.

Милый Александр Васильевич, со дня Вашего отъезда я много раз думала, что это было со стороны судьбы — насмешка или особая с ее стороны милость, что она подарила мне радость всего, что Вы говорили мне в эти дни и много раз писали потом, и одновременно лишила возможности хотя бы изредка видеть Вас. Но все равно.

До свидания, друг мой Александр Васильевич, пусть Господь Вас сохранит и даст Вам много радости и удачи.

Анна Тимирева

Л. 118–123 об.

---

¹ Золотая молодежь — презрительное название бездельничающей, прожигающей жизнь молодежи из обеспеченных слоев общества.

² «Золотой Лев» — гостиница в Ревеле, ул. Новая, д. 40.

Ревель
Судебная, 8

21–22 декабря [1916 г.]

Дорогой Александр Васильевич, неделю тому назад получила Ваше последнее письмо и несколько раз с тех пор начинала писать Вам, но не могла кончить — письма выходят все такие ни к чему — положительно Ревель приводит меня в негодность. Я мерзну дома, мерзну на улице и скучаю безнадежно и жестоко. От узких и тесных улиц внизу на меня нападает тоска, от тишины на Вышгороде и его мертвых улиц смертельная скука. Очень холодно и ночи мутно-лунные, даже и некрасиво. Мерзкий город, а в довершение всего сегодня во всем Вышгороде нет воды, не правда ли приятно? Праздники на носу, а с ними миллион мелких хлопот, и все это так мне надоело. Вообще мечтаю о том, что в начале января уеду в Петроград на неделю к своим. Я очень Вам надоела, милый Александр Васильевич, своими глупыми жалобами? Но, право, здесь так все мертво и глухо.

Единственное, что меня сильно порадовало эти дни — это смерть Распутина; так хочется надеяться, что она даст толчок к повороту на лучшее, хотя бы из тех соображений, что не все проходит безнаказанно и всякому терпению бывает конец. Здесь мы так мало знаем, не знаем даже наверно, кто убил Григория;¹ по газетным намекам похоже, что Сумароков-Эльстон.² Если это он, то действительно молодец. Что только ни говорили про него, а вот оказался в нужную минуту и решительным, и смелым. Это убийство вызывает во мне чувство большого удовлетворения и какой-то жестокой радости, и не думаю, чтобы у меня одной.³ Я так ясно представляю себе, как все было обдуманно заранее, как целую ночь с Распутиным сидели люди, знавшие, что убьют его, что должен был он пережить от первого до последнего выстрела — и так спокойно и холодно обо всем

этом думаю. Вам не кажется, Александр Васильевич, что вся жизнь Распутина, как бы это сказать, так несовременна. Жил он каким-то полулегендарным старцем, имел такое непостижимое влияние на всю внутреннюю русскую жизнь и погиб совсем во вкусе Александра Дюма-отца.⁴ Потому что убийство проведено в необычайно выдержанном стиле: от неизвестного посланца с запечатанным письмом и автомобилем до фразы убийцы: «Не волнуйтесь, господа, я только убил бешеную собаку».⁵ Суда, очевидно, не будет, т[ак] к[ак] осудить нельзя, это ясно.⁶ Сумароков уедет или уже уехал в Кисловодск и будет там жить на даче моей тети, которую они с женой сняли, — как раз напротив дома моих. Дай ему Бог здоровья, хороший человек. Довольно о Распутине, не правда ли?

Что-то Вы, Александр Васильевич милый, и где Вы сейчас? Вспоминаю Вас каждый раз, как читаю сообщения о Румынии, — верно, невесело Вам; я же давно уже ничего хорошего не жду от этого фронта и никакие обстоятельства меня не удивляют больше.⁷

Скоро год кончается; что пожелать мне Вам в Новом году, Александр Васильевич друг мой? Вы сами знаете, что нет такого счастья и удачи, которые бы я не желала Вам. Пусть же Господь пошлет Вам самую светлую радость.

До свидания, милый Александр Васильевич, не забывайте меня, я же помню Вас, как всегда храни Вас Бог.

Анна Васильевна

Не знаю почему, жду непременно Вашего письма завтра.

22 декабря [1916 г.]

Сегодня получила письмо Ваше, как и ожидала почему-то, Александр Васильевич милый; оно шло 12 дней — срок солидный, в Гельсингфорс письма приходили на 5-ый день обыкновенно, это целая неделя разницы.

Вы пишете о том, что Вы думаете по поводу нашей возможной, невозможной вернее, встречи и говорите, что вряд ли я пойму и соглашусь с Вами. Вы ошиблись на этот раз, Александр Васильевич, — то, что Вы говорите, я понимаю очень хорошо по той простой причине, что сама много раз думала и говорила это себе. Разница только в том, что Вы более последовательны, я же не обладаю этим свойством и, соглашаясь с Вами по всем почти пунктам, — в конце добавляю: «Да, все это так, а все-таки...»^{*} Кроме того, Вы сами прекрасно понимаете, что мне приехать «повидать Марию Семеновну» почти невозможно — я просто не располагаю такой свободой действий, и это, конечно, больше мечта, чем план. Но т[ак] к[ак] невозможность — вещь такая относительная, то я и позволяю себе иногда строить предположения на этот счет. Не думайте, только, Александр Васильевич милый, что я жду от встречи с Вами той же светлой радости и легкости, которая была в те последние дни, что мы виделись с Вами, — но разве об одном счастье можно думать и даже, если хотите, мечтать?

Вот теперь по поводу иронии; что поделаться, я ведь большая насмешница бываю иногда, часто не знаю меры в этом отношении, и многие сердятся на меня за это, довольно часто неуместное свойство. Но над Вами я никогда не смеялась, Александр Васильевич милый, да Вы это и сами знаете, насмешка и шутка две большие разницы, как говорят в Одессе.

Получила Ваше письмо среди полного разгрома — полная перетасовка квартиры, сумерки, керосина нет, проводят телефон «так, что гвозди не вбиваются», и я так извещена, что Ваше письмо приходит как раз вовремя, чтобы остановить меня — у меня зреет твердое намерение потребовать чемодан и срочно уехать в Петроград от всей этой прелести. Я сразу становлюсь доброй при виде милого се-

---

* Отточие документа.

рого конверта — у Вас все еще гельсингфорсская бумага, которую я же и выбирала для Вас вместе с Софьей Федоровной в такие далекие теперь времена, когда Вы были в Моонзунде.

Сегодня провела ночь очень идиллично. Занималась фабрикацией и переборкой елочных украшений вместе с Сергеем Николаевичем и Крашенинниковым — незамеченный человек в этом случае. Завтра с утра возня с елкой, но это меня скорее забавляет, я ее люблю и не убираю до тех пор, пока она не осыпется совсем, — так красиво, тем более, что цветов здесь почти нет и плохие, а без них в комнатах скучно.

Я так мерзну и мечтаю о том, чтобы погреться на солнце, что уговорила Сергея Николаевича записаться на участок земли где-нибудь около Ризе по береговой полосе.⁸ На днях получено уведомление, что ход прошения временно приостановлен за недостатком 2-х марок рублевого достоинства. Очевидно, это не совсем безнадежно. Когда кончится война, я буду уезжать туда на темные месяцы, греться и есть мандарины — сюда их не присылают; не правда ли, неплохое желание?

Продолжаю с большим интересом следить за последствиями смерти Распутина — они становятся очень ясны и неутешительны. Она вызвала явно выказываемое озлобление и твердое намерение продолжать в том же духе, несмотря на «первое предупреждение», идти наперекор общественному мнению. Одно назначение Протопопова чего стоит.⁹ По-видимому, надо окончательно оставить глупую привычку думать, что что бы то ни было может «их» заставить сойти с намеченного пути, и ждать только худших выступлений с этой стороны. Последняя версия — участие в убийстве Пуришкевича; насколько это правда, одному Богу известно, но он теперь действительно на положении народного героя, и ему с известной долей вероятия приписывают исполнение того, о чем он говорил в Думе. Вообще же все, что пишут о Распутине, становится пошлым и скуч-

ным, как некролог Франца-Иосифа,¹⁰ — все сказано сто раз, и нечего повторять одно и то же.

Я вижу, что мое письмо начинает становиться действительно похожим на фолиант, как называет мои письма к Вам этот насмешник Романов, пора, пожалуй, и кончать, да и то сказать — уже три часа, а я так и не заметила за беседой с Вами, как прошло время.

Так до свидания же пока, Александр Васильевич милый, я надеюсь, что Новый год будет для Вас радостнее, чем конец этого.

Пусть же Господь хранит Вас всегда и всюду и поможет Вам в трудный час, друг мой Александр Васильевич.

Анна Тимирева

Л. 123–127 об.

---

¹ В убийстве Г. Е. Распутина принимали участие пять человек: В. М. Пуришкевич, князь Ф. Ф. Юсупов, великий князь Дмитрий Павлович, военный врач С. С. Лазаверт и поручик С. М. Сухотин.

² Князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович (1887–1967). Окончил классическую гимназию и Оксфордский университет. В 1914 г. женился на Ирине Александровне Романовой, дочери великого князя Александра Михайловича, внучке Александра III и племяннице Николая II. В 1915–1916 гг. готовился к экзамену на офицерский чин. После Февральской революции эмигрировал.

³ Есть свидетельства, что убийство Г. Е. Распутина вызвало настоящее ликование в Петербурге. Убийство приветствовали «как национальный праздник, как день освобождения <...> Три дня город ликовал, жил исключительно интересами этого дела <...>» (*Савич Н. В.* Воспоминания. СПб. ; Дюссельдорф, 1993. С. 189, 190).

⁴ Дюма (Dumas) Александр (Дюма-отец) (1803–1870) — французский писатель. Автор романов «Три мушкетера», «Королева Марго», «Граф Монте-Кристо» и др.

⁵ В дневнике В. М. Пуришкевича эта фраза звучит так: «Я — убил Гришку Распутина, врага России и царя» (Убийство Распутина (из дневника В. Пуришкевича). М., 1923. С. 75).

⁶ Суд над убийцами Г. Е. Распутина так и не состоялся. Великого князя Дмитрия Павловича отправили в русский экспедиционный корпус в Персии. Ф. Ф. Юсупова выслали в родовое имение отца Ракитное в Курскую губернию под негласный надзор полиции. В. М. Пуришкевич со

своим санитарным поездом, в котором находился и С. С. Лазаверт, отбыл на фронт. О дальнейшей судьбе поручика С. М. Сухотина сведений не имеется.

⁷ В результате четырехмесячных боев к концу декабря 1916 г. румынская армия потерпела поражение и почти вся территория Румынии была занята германскими войсками. Русская Ставка направила на румынский фронт 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий. Румынских войск на фронте оставалось 44 700 штыков и 2100 сабель, они держали участок в 30 верст на 430-верстном фронте.

⁸ Ризе — город на Черноморском побережье. Находился в зоне оккупации русских войск. После окончания войны должен был войти в состав Российской империи.

⁹ Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — действительный статский советник, член III и IV Государственных дум от Симбирской губернии (фракция земцев-октябристов), крупный землевладелец, заводчик и фабрикант. С 16 сентября 1916 г. управляющий МВД. С 20 декабря — министр внутренних дел. Вечером 28 февраля 1917 г. сдался в Таврическом дворце под арест. Расстрелян по приговору ВЧК.

¹⁰ Франц-Иосиф I (Franz Joseph) (1830–1916) — император Австрии и король Венгрии (1848–1916) из династии Габсбургов.

№ 28

Ревель

25–27 декабря [1916 г.]

Судебная, 8

Милый Александр Васильевич, сегодня получила сразу два Ваших письма — вероятно, ради праздника, которым так обрадовалась, что пришла на целый день в хорошее расположение духа. Сегодня и день выдался такой красивый, даже с солнцем, и ночь чудесная, тихо и почти полная луна — Ревель хорош удивительно и похож на сказки Андерсена¹ узкими улицами и плоскими высокими домами, а ночью у него положительно сказочный вид.

На днях сюда приехала большой мой друг Евгения Ивановна Крашенинникова, кот[орой] я очень рада — мы почти два года прожили с ней рядом душа в душу, это прелестный человек. К сожалению, они живут на другом конце города, а средств передвижения, кроме пешего хождения, не существует в природе, т[ак] ч[то] когда мы бываем друг у друга

вечером, то хозяева провожают гостей версты две, чтобы не было скучно идти — любезно, но утомительно.

Постепенно приходится знакомиться кое с кем, но пока меня это не угнетает, тем более что некоторые из новых знакомых мне нравятся — напр[имер], m[ada]me Вердеревская.² Наездами бывает здесь Подгурский, я всегда рада его видеть, он мне так много хорошего напоминает, да и относительно мы с ним хороши.

Вы пишете мне, между прочим, про Веселкина;³ я его знаю очень мало, но единственный раз, когда мы с ним разговаривали, оставил во мне неизгладимое впечатление. Было это на первый или второй год моего замужества, Сергей Николаевич представил его мне, после чего он в виде приветствия сказал мне такую фразу: «Если на клетке слона увидишь надпись — буйвол, не верь глазам своим!»⁴ Я до сих пор думаю, что бы это могло значить? Вы не знаете? Вообще же о Веселкине ходит столько легенд и рассказов, как ни о ком, кажется, одни от него в восторге, другие в ужасе, но безразличного отношения к нему как-то не приходилось встречать, т[ак] ч[то] очевидно у него есть крупные достоинства, мне он скорее понравился.

Вы пишете о прелестном городе Севастополе, об обилии сплетен и подобной мерзости. Охотно Вам верю, т[ак] к[ак] те немногие образцы ее, которые мне случайно доводилось слышать, такого свойства, кот[орых] здесь, право, не встречаешь. Вероятно, южный климат способствует развитию фантазии в неважном направлении.

Понемногу я начинаю свыкаться с Ревелем, единственное, чего я положительно не переношу, — это торговой части города. Это какой-то кошмар, узко, тесно, грязно и мерзко, как на Садовой в Петрограде. Попав туда, я моментально впадаю в ничтожество, забываю, зачем пришла, и спешно спасаюсь к себе на Вышгород.

Собираюсь 5-го уехать в Петроград на неделю, повидать приехавшего на праздники из Москвы брата,⁵ кот[орого] не видела уже 2 года, — это слишком много положительно.

Мне очень хочется застрять там до открытия Думы и быть на первом ее заседании, кот[орое], наверно, будет замечательным. Я почти мечтаю о том, как попаду опять в Белую залу Таврического дворца, в эту совсем особенную атмосферу больших решений и речей. А сейчас то, что неизбежно будет там происходить, должно быть так значительно и интересно.

Где Вы сейчас, Александр Васильевич милый, у себя в Севастополе или ради праздника ушли на Дунай. А у нас все крепко стали на зимовку, мороз, за последние дни намело много снега, бело, чисто и холодно — настоящие Рождественские дни. Я плохо представляю себе, каково в Крыму зимой. Вряд ли все-таки кто-нибудь заморозит Вас так на автомобиле, как мы прошлой зимой на Бренуэ, Вы помните? Меня потом долго мучила совесть, когда я вспоминала Ваше несчастное лицо тогда, действительно, это был темный поступок. Как все это давно было! Время идет с какой-то странной быстротой, год прошел такой пестрый и разнообразный и вот уже полгода, что Вы уехали. Я никогда не встречалась с Вами часто за все время нашего знакомства — почти два года, но шесть месяцев — это большой срок, а сколько еще впереди — одному Богу известно. Уезжая, Вы сказали, что свободно можете не узнать меня в лицо через год — это правда, Александр Васильевич? Я все-таки надеюсь, что Вы просто хотели мне сказать маленькую неприятность. Надо кончать на сегодня — завтра у меня днем на елке дети, а вечером просто люди, т[ак] ч[то] возни будет довольно, а я устала сегодня. Спокойной ночи, Александр Васильевич милый, я совсем засыпаю.

27 дек[абря 1916 г.]

Не успела вчера кончить письма, весь день был народ, а когда разошлись около трех, то я не была в состоянии ничего написать и сейчас пишу, против обыкновения днем, т[ак] к[ак] потом опять не успею.

Мне хочется сказать по поводу того, что Вы пишете о том, как я отношусь к Вашей военной работе. Я думаю, что Вы почти правы, Александр Васильевич милый; как-то так вышло, что с первых дней нашего знакомства я следила за Вашим участием в войне; зная, что оно интересует меня, Сергей Николаевич в бытность свою в штабе всегда рассказывал мне почти о каждой операции, в которой Вы бывали, или сообщал мне с оказией письмом для срочной передачи Софье Федоровне. *Я давно привыкла радоваться каждой удаче Вашей, каждое удачное Ваше дело доставляло мне огромное удовольствие и не только с общей точки зрения.* Встречая Вас исключительно в более чем мирной обстановке, я все-таки никогда не отделяла представления о Вас от войны. Вы совершенно правы во всем, что Вы пишете, только все-таки вряд ли это единственное основание моего, как Вы любите выражаться, «милостивого (!!!) и снисходительного (???)» отношения к Вам, и если бы Вы, помимо признания «некоторых военных достоинств», были как человек неприятны или абсолютно мне безразличны, вряд ли я стала бы ну хотя бы просто писать Вам. Я уже не говорю о том, что и как. Но ведь это же ясно, как дважды два, и не стоит об этом говорить.

Теперь праздники, по традиции полагается веселиться и делать глупости, что я и имею намерение добросовестно выполнить. Состав нашей компании совершенно изменился, как я и предвидела, начинается лейтенантское засилье, все капитаны в Гельсингфорсе. В общем, все равно. По своей привычке вспоминать Вас по поводу всего на свете, вспоминаю Вас и когда делаются планы, как провести время; никто не умеет веселиться так, как Вы, с такой торжественностью, забывая о времени, о пространстве и вообще обо всем на свете, Александр Васильевич милый. Помните тот вечер, когда Вы на все милые вещи, которые я Вам говорила, отвечали мне только дифирамбами m[ada]me Вирениус²⁶ Вы знаете, это было не очень удачно. Простите, дорогой Александр Васильевич, что пишу Вам такой вздор,

я вдруг вспомнила прошлые Святки, всю их нелепую и милую суету и это меня рассмешило.

До свидания, дорогой друг мой Александр Васильевич, Господь Вас сохранит и поможет Вам во всем, что Вы делаете. Я же молюсь за Вас и помню как всегда.

Анна Тимирева

Л. 128–131 об.

---

¹ Андерсен (Andersen) Ханс Кристиан (1805–1875) — датский писатель. Широкую известность получили его «Сказки для детей», «Новые сказки», «Истории».

² Вердеревская (урожд. Плен) Елена Михайловна — дочь действительного статского советника, жена контр-адмирала Д. Н. Вердеревского.

³ Веселкин Михаил Михайлович (1871–1918). Окончил Александровский лицей, поступил юнкером во флот. Перед Первой мировой войной командовал крейсером «Бородино». В 1915 г. контр-адмирал Свиты Его Императорского Величества. Во время Первой мировой войны командовал соединением кораблей (Экспедиция особого назначения) на Дунае, которое поддерживало связь между Россией и Сербией. В конце 1916 г. назначен комендантом Севастопольской крепости. В апреле 1917 г. отчислен от должности, а в августе того же года уволен со службы. Расстрелян в Петрограде во время красного террора.

⁴ В действительности этот афоризм звучит иначе: «Если на клетке слона прочтешь надпись: „Буйвол“ — не верь глазам своим» (*Прутков Козьма*. Полн. собр. соч. М. ; Л., 1965. С. 132).

⁵ К этому времени у А. В. Тимиревой в живых оставалось два брата: Илья Васильевич (1887–1931), виолончелист, и Иван Васильевич (1891–1955), скрипач, Сафоновы. Вероятно, речь идет об Илье Васильевиче, жившем в Москве.

⁶ Вирениус (урожд. Бехман) Мария Петровна. С 1907 г. жена Н. А. Вирениуса.

Вирениус Николай Андреевич (1884–?) — капитан 2-го ранга (6 декабря 1913). С 1915 г. помощник флагманского артиллерийского офицера штаба командующего флотом Балтийского моря.

Ревель
Судебная, 8

1–2 января 1917 г.

Дорогой Александр Васильевич, вчера получила Ваше письмо, которое очень хотела получить до Нового года, немного даже суеверное желание, если хотите. Оно доставило мне большую радость, и Новый год я встретила с хорошим чувством и с мыслью о Вас. У нас было немного народу и встреча была очень скромная, но как-то славно. Пробовали гадать — мне вышло только какое-то чудовище, явно насмехающееся надо мной, из воска — предсказание из средних. Я пробовала писать Вам вчера, но т[ак] к[ак] меня все время отрывали от письма, то оно вышло пестрое, как одеяло из лоскутков, и решительно мне не понравилось по прочтении сегодня — Бог с ним. Я рада, что моя посылка доставила Вам некоторое удовольствие; что же касается до сложного заглавия для такой маленькой фотографии, то это уж такая моя привычка, а Кунигунда — имя почти нарицательное у нас в семье и к кому угодно применимое.

5-го, вероятно, я уеду в Петроград, как уже писала Вам, и остановлюсь у своих на неделю или около того. Если получите вовремя мое письмо, Александр Васильевич милый, — напишите мне по этому адресу — Фурштатская, 37, кв. Сафонова, мне. Уезжаю я отсюда с восторгом; как ни стараюсь привыкать к Ревелю и находить в нем хорошие стороны, все мне не нравится, не лежит душа, как говорит Политовский,¹ не высказывающий обычно никаких иных порицаний по адресу кого или чего бы то ни было.

Святки почти прошли и довольно тихо; я перезнакомилась с довольно большим количеством людей, но очень поверхностно, а веселиться я умею только действительно с друзьями, да и не хочется что-то.

Где Вы, друг мой Александр Васильевич, как хочу я видеть Вас в эту минуту. *Когда мы встречались, мне жаль бы-*

ло всегда прощаться с Вами, жаль, что не повторится уже что-такое хорошее, бывшее в каждой из наших встреч. Я не упрекаю себя за то, что не умела их ценить раньше, — я ждала и любила их и до сих пор помню каждую. Я знаю, что так, как прежде, мы никогда уже не будем встречаться, знаю, что для того чтобы увидеть Вас даже мельком, нужна случайность совсем фантастическая, но я в глубине души верю, что это будет — хотя Вы не хотите этого,* и сама я ничего для этого не буду предпринимать.

Вы пишете о названии химеры, которое я люблю давать Вам иногда. Вероятно, я даю неправильное толкование этому слову, для меня «химера» — не нелепость, а «невозможность», пожалуй. И когда я думаю о Вас, мне кажется, что «милая химера» — имя, которым я могу Вас называть и так подходящее в этом случае. Оно меньше всего относится к Вашей наружности, хотя не далее как час тому назад я, обозленная провокаторским вопросом одного знакомого, какое мое мнение о Вашем лице, говорила, что Вы настоящее чудовище и я не могу смотреть на Вас без страха, — Вы не в претензии, Александр Васильевич милый?

У Вас, верно, тепло теперь, а здесь за окном ветер прямо воеет, сильный снег и, верно, завтра опять будет оттепель, имеющая два недостатка: приводит меня в состояние уныния, а мою прическу в полное ничтожество, это тоже скучно. Наверно, Вы были в море под Новый год и не вернулись сейчас еще в Севастополь. Вы, кажется, очень не любите его, Александр Васильевич? Я плохо себе его представляю; мне кажется, что там солнце, тепло — и Вы, и мне он не представляется таким неприятным.

Вы вспоминаете прошлую зиму, и мне почему-то так ясно припомнилось, как мы сидели с Вами рядом на «Искусном»² (7 ч[асов] утра!) и Вы говорили мне, что относитесь ко мне вроде как к звездам: пока смотришь — хорошо,

---

* Фраза «хотя Вы не хотите этого» обведена А. В. Колчаком несколько раз.

а потом забываешь сейчас же; я отнеслась к Вашим словам с абсолютным доверием тогда, и очень долго они были мерилом наших отношений, даже после Вашего отъезда. Ваша *память*, *Ваши* письма, такие дорогие мне, были для меня как нечаянная радость, — я не ждала их, и мне казалось естественным, что в Вашей жизни я прошла и ушла как тень и ничего больше. Вышло иначе — с тех пор я не верю в абсолютную невозможность чего-нибудь. Я думаю иногда, что наша переписка должна показаться странной, если посмотреть на нее со стороны, такие разные мы с Вами люди, так мало, казалось бы, у нас общего. Но вот почему-то мне хорошо и легко с Вами, как ни с кем, Вам я пишу, от Вас с такой радостью получаю письма, все, что касается Вас, так важно и дорого для меня. Я скажу больше — ничье горе не было мне так больно, не лежало таким тяжелым камнем на душе, как Ваше в те ужасные дни после гибели «Императрицы Марии». Вот Вы говорите о том, что мои письма помогли Вам в то время. Но если бы Вы знали, как я писала их, с каким страхом, что Вы не простите мне потом того, что подошли ко мне с совсем раскрытым сердцем тогда.

Я знаю, как легко это могло случиться, несмотря на всю бережную нежность моего отношения к Вам — это очень человеческое, если и не очень великодушное чувство. Этого не случилось — слава Богу. Я кончаю писать — пятый час, надо спать. Завтра постараюсь найти время, чтобы закончить «фолиант», а пока — спокойной ночи, милый Александр Васильевич, я уже плохо начинаю понимать, что пишу — надо идти спать.

Храни Вас Господь, друг мой далекий.

2 января [1917 г.]

Какой день чудесный сегодня, Александр Васильевич, — стихло, -6° и солнце. Под свежим снегом Ревель похож на игрушечный город, свежепокрашенный и расставленный на подносе, залив совсем темный в белых берегах — пре-

красно. Мне хочется кончить письмо сегодня и сегодня же отправить его Вам — потом трудно будет выбрать время.

Приехала ли Мария Семеновна в Севастополь, видите ли Вы с нею? Я написала ей туда, но она честно сказала мне при прощании на мой вопрос — отвечает ли она на письма? — «Если я Вам долго не отвечу, это не значит, что я о Вас дурного мнения», т[ак] ч[то] я известий от нее не жду.

Напишите мне, что поделявает София Федоровна, я часто вспоминаю ее, получила на днях открытку, но там ничего, кроме жалоб на благотворительность, не было.

Ну а пока до свиданья, Александр Васильевич милый. Я смотрю сейчас на стоящие у меня на столе ландыши — вид у них жалкий, точно они в злейшей чахотке, и думаю — Вам все еще присылают цветы на корабль, несмотря на зиму?

Здесь их мало и они хуже, чем в Гельсингфорсе — здесь, впрочем, все хуже.

Пусть Господь Вас хранит всегда и всюду, Александр Васильевич милый.

Анна Тимирева

Л. 132–135.

---

¹ Политовский Сергей Сигизмундович (1880–1936) — капитан 1-го ранга (28 июня 1917). В 1900 г. окончил Морской кадетский корпус. Участник Цусимского сражения на крейсере «Олег». Впоследствии командовал различными кораблями. В 1915–1917 гг. командир эсминца «Гайдамак».

² «Искусный» — эскадренный миноносец Балтийского флота. Заложен в 1905 г. во Франции, вступил в строй в 1906 г. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. В 1924 г. сдан для разборки на металл.

№ 30

Ревель
Судебная, 8

3–4 января 1917 г.

Дорогой Александр Васильевич, только вчера отправила Вам письмо, но сейчас сижу одна, в доме темно и тихо,

мне хочется поговорить с Вами — придется Вам прочитать еще лишний фолиант — ничего? Я бы очень хотела знать, где Вы, и что сейчас делаете. Помните ровно год назад сумасшедший «вечер» в собрании до 9¹/₂ час[ов] утра? Все это так далеко теперь, а я вот сейчас до странности ясно вижу Вас в одном из первых рядов перед эстрадой в зале Гельсингфорсского собрания, милый Александр Васильевич. Вчера я было собралась пойти в здешнее Собрание, но там оказалась такая духота и такая странная комбинация остатков детской елки и начинавшегося ужина вперемешку с танцами, что после получасового пребывания там я выпила с горя бутылку содовой воды (!) и ушла. Сергей Николаевич, проводив меня до полдороги, отправился на корабль, а я пошла бродить по Вышгороду. Ночь была удивительно хороша, и домой как-то не хотелось. У немецкой церкви я нашла скамейку, где и просидела на морозе добрые полчаса, очень довольная этим, что сбежала от «безумного веселья», следя за движением звезд. По-видимому, моя позиция привела в негодование благонамеренную немецкую собаку, которая долго и безнадежно на меня лаяла, приняв меня, очевидно, или за злоумышленника, или за труп убитой им жертвы. Кажется, в январе звездам не полагается падать; тем не менее, они преисправно сыпались с неба. Вы, конечно, знаете примету, что надо подумать или сказать свое желание, пока звезда катится, и оно непременно сбудется — посмотрим. У меня немного желаний и чрезмерной жадностью я не отличаюсь, но все-таки...

4 янв[аря 1917 г.]

Сегодня получила от Вас письмо, Александр Васильевич дорогой, — спасибо Вам. Я вполне разделяю Ваше негодование по поводу потопления сапог; сапоги — это вещь! Теперь все время от времени делают смотр обуви, ставят заплатки, новые подошвы и с нежностью говорят, что «они

еще совсем-совсем хороши», про башмаки, которые с отращением выбросили бы 2 года тому назад.

Вы привели цитату из сказания о 22-х бездельниках и Будде — Господи, как это мне напомнило начало нашего знакомства, это милое, такое далекое время.

Мне грустно, Александр Васильевич милый, что я огорчила Вас своим письмом, где я говорю о том, что мне приехать в Севастополь почти невозможно. Ваши слова не упрек, я понимаю это, да и в чем упрекать тут? Это было бы и неумно, и жестоко, пожалуй. Если хотите, то приехать я бы могла — только... Вот тут начинается такое количество «только», что опускаются руки. Формально я могу жить, где хочу, и ехать, куда мне вздумается, — в этом Сергей Николаевич меня не стесняет нисколько. Но, применяя ко мне систему предоставления полной свободы, он хорошо знает, что при моем характере это связывает меня больше, чем определенные требования. Ну да что об этом говорить, и так ясно. Я буду ждать какого-нибудь чуда, чтобы увидеть Вас — бывают ведь такие, как Вы думаете, милый Александр Васильевич?

Завтра еду в Петроград, где, вероятно, увижу Марию Семеновну, кот[орая] по слухам все еще там — это приятно. Я очень рада повидать брата и отца, хотя и ненадолго, рада просто уехать отсюда. Праздники прошли как-то скучно, сегодня я в первый раз действительно весело провела время — на командирском балу полудивизиона, куда нас пригласил Крашенинников. Было прекрасно, я даже танцевала, несмотря на дикую давку, — положительно, такого рода демократические развлечения мне больше нравятся, чем тоска в Морском собрании. Помимо всего прочего они имеют то серьезное преимущество, что протекают безалкогольно, а это, право, лучше.

Вы пишете о Кедрове;¹ я знаю его и встречала несколько раз на больших вечерах в Петрограде до войны, но, кроме того, что у него красивый голос, ничего не могу о нем сказать. По поводу того, что он меня знает с детства — воз-

можно, что он бывал у моего отца, но я его не помню настолько. Это ведь правило, что все знающие несколько лет даму, знают ее «с детства» и «вот такой» — если ей не больше тридцати. Но если я встречу с ним случайно, то буду рада, т[ак] к[ак] он недавно Вас видел и говорил с Вами.

Вы пишете, что моя открытка, может быть, говорит больше, чем это кажется с первого взгляда; я понимаю, что Вы хотите сказать, кажется, Вы говорили мне это когда-то, давно уже. Вы неправы — и сами это знаете.

Жизнь в Ревеле производит на меня впечатление какой-то временности, точно я на перепутье, да так оно и есть. В феврале С[ергей] Н[иколаевич] берет отпуск на 3 недели, и мы уедем, вероятно, в деревню к его матери.² Тихвинский уезд, 35 верст от железной дороги, приложения к «Ниве»,³ граммофон, соседи — немцы управляющие, почта раз в неделю — картина.

Моя *belle-mère*^{*} — прелестный человек, большого характера и самостоятельного ума, вероятно, мы были бы большими друзьями, если бы не встречались исключительно на почве родственных отношений, а так... Она считает меня воплощением легкомыслия и преступного кокетства, а я ничего не пытаюсь делать, чтобы опровергнуть это мнение. Мне оно довольно безразлично, но все-таки не прибавляет прелести к предполагаемому путешествию. А впрочем, все это боевого значения не имеет, не правда ли? Я все более прихожу к заключению, что очень немного вообще его имеет, и это хорошо, пожалуй. В конце концов его не имеют даже такие вещи, как расстояние и время. Последние дни я почему-то часто вижу Вас во сне таким, как я видела Вас прошлый год — милым и добрым, каким Вы умеете быть, если захотите.

Одно время у меня часто повторялся тот же сон: какой-то праздник на крытой террасе или что-то в этом роде, много народу — вдруг я вижу Вас, хочу подойти к Вам, заговорить — и замечаю, что Вы нарочно отворачиваетесь

---

* свекровь (фр.).

и делаете вид, что не узнаете меня, и уходите. Я стараюсь догнать Вас, спросить в чем дело — ничего не выходит. Препротивный сон, Александр Васильевич милый, и я рада, что не вижу его больше.

Пора кончать письмо — опять половина четвертого.

До свиданья, дорогой друг мой Александр Васильевич, Господь Вас сохранит и пошлет Вам много радости.

Анна Тимирева

Р. С. Да, Ваше письмо пришло ко мне вскрытое в первый раз — правда, оно было аккуратно заклеено и сделана надпись, что оно вскрыто по ошибке, но все-таки. Ну, еще раз до свиданья, Александр Васильевич милый, я совсем сплю.

Анна Т[имирева]

Л. 136–139.

---

¹ Вероятно, речь идет о Николае Николаевиче Кедрове (1871–1940). Профессор Петербургской консерватории, композитор. Автор «Вселенской литургии» и «Отче наш». Умер во Франции.

² Мать С. Н. Тимирева Екатерина Порфирьевна проживала в это время в имении Бочево Тихвинского уезда Новгородской губернии.

³ «Нива» — еженедельный иллюстрированный журнал для семейного чтения. Выходил с 1870 по 1918 г. в Петербурге, в издательстве А. Ф. Мухоморова. Тираж более 200 000 экз. В качестве приложений к «Ниве» публиковались собрания сочинений русских и зарубежных писателей.

№ 31

Петроград
Фурштатская, 37

8–9 января [1917 г.]

Милый Александр Васильевич, вот уже два дня я здесь, где все так непохоже на мою обычную жизнь — ни люди, ни обстановка. Мне хорошо и легко со своими, а брату, которого я два года не видела, я обрадовалась так, как и сама не

ожидала, да и он мне тоже, кажется. Теперь он уехал, и мы опять в обычном составе — мать и 5 сестер; стиль жизни довольно невероятный, — одна сестра ходит с бубенчиком, другая в черкеске, и это так заразительно, что я, незаметно для себя, вылезла к завтраку в халате и чалме на голове, чтобы не вносить диссонанс в общую картину.

По всем комнатам разбросаны восточные платки и бухарские халаты, золотые и пестрые, передо мной на столе коллекция фарфоровых лошадок и деревянных кукол и игрушек, что создает в соединении с книгами йогов, руководствами по черной магии и художественными произведениями моей сестры на стенах впечатление «экзотическое» и довольно близкое к бедламу. Ничего, мне это нравится, особенно после Ревеля.

Я видела здесь Марию Семеновну в день ее отъезда — 6-го; завтра утром она будет в Севастополе, и Вы, вероятно, встретитесь с ней, если не ушли в море. Мне как-то грустно было прощаться с нею, чему она, кажется, искренне удивилась, т[ак] к[ак] сказала мне: «А я думала, что Вам никогда ничего не жалко!», чем удивила меня, в свою очередь. Хотела бы я обладать свойствами ни о чем не жалеть!

Сегодня я была в полном негодовании — на мое имя на Шпалерную пришла телеграмма, которая потом долго искала меня по городу. Мне сказали, что она была и должна прибыть на Фурштатскую скоро; пока она меня отыскивала, я делала самые дикие предположения о том, что может в ней быть — самого неприятного свойства, как водится, — оказалось в ней три слова: «Шлю привет. Стеценко». Я так обозлилась, как только можно, за такое приветствие ни с того ни с сего по телеграфу.

Как хорошо переменить совсем обстановку на некоторое время — здесь я чувствую себя так, будто я не замужем, мне семнадцать лет, для полноты иллюзии мама читает мне наставления, и вообще *genre-béle** процветает.

---

* прекрасный стиль (фр.).

Сегодня у меня был мой старинный (15-летняя давность) друг, который долго и серьезно говорил мне о своей глубокой испорченности и разочаровании в жизни, а я смотрела на него и думала, что если бы мой сын был побольше ростом, у него был бы вид вроде этого. Но, конечно, я имела довольно деликатности, чтобы не спорить и честно «сочувствовала». Все это имеет свою прелесть и большую даже.

Меня огорчает, что я не дождусь отца, т[ак] к[ак] его приезд оттягивается; мы ждем телеграммы, что он добрался до Бергена из Англии, т[ак] ч[то] в этом отношении не очень спокойно на душе ввиду мин и подлодок.

Дума отложена на месяц;¹ я не буду говорить Вам, что я думаю по этому поводу и по поводу многого другого. Каков-то будет новый военный министр;² про него говорят много хорошего в общем.

Сейчас уже поздно, половина четвертого; я живу в одной комнате с сестрой, но сейчас она мирно засыпает за ширмой, т[ак] ч[то] я достала Вашу фотографию, и она смотрит на меня рядом с коллекцией фарфоровых лошадок — строго и грустно, как всегда. Спокойной ночи, друг мой Александр Васильевич милый.

9 января [1917 г.]

Уже четвертый час, в доме все спят, и мне хочется еще немного поговорить с Вами, Александр Васильевич.

Целый день прошел в скучнейшем из занятий — делании покупок и заказов. Вы знаете, каков Ревель в отношении магазинов. Обыкновенно после такого времяпрепровождения в голове пустота и жизнеощущение неважное.

Я мечтала, что, попав в Петроград, успею побывать всюду, слышать музыку, быть в театре, — очевидно, я никуда не попадаю, кроме дома и магазинов — это прямо фатально.

От отца никаких вестей, что довольно неприятно.

Где-то Вы сейчас, милый Александр Васильевич? Я как-то странно видела Вас во сне сегодня и сон оставил у меня

неприятное чувство — посмейтесь надо мной, я стала суеверна, как старая баба, даже глупо в самом деле.

12-го еду, вероятно, в Ревель обратно, где жду найти письмо от Вас, т[ак] к[ак] вряд ли получу его здесь.

Мне немного жаль, что нет В. Романова, отчасти ввиду доставки писем, а потом просто я люблю повидать его и поговорить с ним — он хороший.

Я кончаю на сегодня, надо спать. Письмо вышло какое-то, Бог его знает — что поделать!

До свиданья, Александр Васильевич милый, Господь Вас сохранит и пошлет Вам много радости.

Я же думаю и помню о Вас, как всегда.

Анна Тимирева

Л. 140–142.

---

¹ В ответ на выраженное недоверие правительству А. Ф. Трепова 16 декабря 1916 г. Государственная дума была распущена на каникулы. 14 февраля 1917 г. она продолжила свои занятия. 25 февраля 1917 г. последовал указ Николая II о перерыве в занятиях Государственной думы.

² Беляев Михаил Алексеевич (1863–1918) — генерал от инфантерии. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Академию Генерального штаба (1893). Участник Русско-японской войны. В 1914–1916 гг. начальник Генерального штаба, одновременно с 1915 г. помощник военного министра. С 3 января по 27 февраля 1917 г. военный министр. 5 февраля 1917 г. вывел Петроградский военный округ из ведения командования Северного фронта в свое подчинение. 1 марта сам явился в Таврический дворец и был арестован. За приверженность канцеляризм у военных получил прозвище «мертвая голова». С 1 марта по июнь 1917 г. находился под стражей в Петропавловской крепости. Расстрелян в 1918 г. во время красного террора.

№ 32

Ревель
Судебная, 8

16–17 янв[аря] 1917 г.]

Милый Александр Васильевич, я в большом затруднении, как мне отвечать Вам: вчера, вернувшись из Петро-

града, я нашла у себя на столе два милых серых конверта, кот[орые] дожидались меня, а сегодня получила третий. Я обрадовалась Вашим письмам, Александр Васильевич, но они такие разные, в них столько всяких вопросов, что просто не знаю, с чего начать. Начать разве в хронологическом порядке?

Ваше первое письмо написано под Новый год в море. Вы говорите о том, как Вам случается проводить время на берегу, и спрашиваете, не буду ли я сердиться на то, что у Вас является желание увидеть кого-нибудь, кто напомнил бы Вам меня; нет, я не сержусь, Александр Васильевич милый, и если с кем-нибудь Вам будет хорошо и весело, я буду только рада, если это не заставит Вас забыть меня. Но ведь этого не будет из-за первой дамы, у ножек которой Вы будете «после третьего Енота»? А остальное не имеет для меня никакого боевого значения — или почти никакого.

Вы все не можете мне забыть моей новогодней открытки и написали по ее поводу целую тираду, которую я отчасти предвидела. Что же мне сказать Вам, милая химера в адмиральской форме? Вы решительно неудобны в роли игрушки и слишком велики для нее по размеру. *«Одной даме» никогда не приходит желания проделывать с химерой какие-нибудь фантастические эволюции*, чтобы позабавиться на ее счет. Мы говорили с Вами как-то на эту тему прошлой зимой в «Фении», если Вы помните, может быть, когда там открыли все окна на море, чтобы нас оттуда выжить.

Потом Вы пишете о том, что напрасно я написала Вам о невозможности нашей встречи. Видит Бог, что я не хотела огорчить Вас, друг мой Александр Васильевич, но я жалею только о том, что написала Вам о возможности своего приезда в Севастополь сгоряча и не подумав, как трудно и сложно его осуществить. *Но не могу же я говорить Вам об осуществлении того, во что сама не верю, да и не хочу (говорить, конечно). Вы можете, если хотите, приписать это*

жестокости или чему угодно — это Ваше уж дело. Все-таки Вы не будете сердиться, милый Александр Васильевич, если я скажу Вам еще одну вещь по этому поводу? Если Вы действительно хотите видеть меня, *то Вы не могли сделать большего «гаффа»*,¹ как ответив на вопрос Марии Семеновны, что знаете наверно, что я не приеду к ней. Единственный повод, по которому я могла бы приехать в Севастополь — с очень малым вероятием — это приглашение Марии Семеновны. На него я могла бы ответить из ста случаев 95 «нет» и все-таки 5 — «да». *Вряд ли оно последует после Ваших слов.* Не принимайте мои слова как упрек — я никогда не считала Вас особенно искусным дипломатом, дорогая химера. Спокойной ночи, кончу потом, Александр Васильевич милый.

17 января [1917 г.]**

Продолжаю свое письмо утром — по вечерам я редко свободна теперь, и мне немного жаль этого — я люблю говорить с Вами, когда все спит и никто мне не мешает. Но это, конечно, все равно.

Вы спрашиваете в Вашем письме, почему Мария Семеновна ничего не говорит Вам обо мне, — вероятно, потому, что хочет посмотреть, спросите ли Вы ее сами. По крайней мере эта версия наиболее для меня понятна — тем более, что так естественно спросить ее обо мне — мы почти всегда проводили время все вместе. Помню, как-то Мария Семеновна долго уверяла меня, что я ужасно хитрая, на что я ей возразила, что во всяком случае настолько, чтобы не хитрить с ней, т[ак] к[ак] по сравнению с ней в этом отноше-

---

* Слова «это Ваше уж дело» обведены А. В. Колчаком толстой красной линией.

** Перед датой 17 января приписка А. В. Колчака красным и простым карандашом: «Мне это понятно, но не вполне. Во всяком случае это создает впечатление, что я был неосторожен. Неужели это то, о чем я думал на „Громком“ и „Екатерине“».

нии я щенок и больше ничего — и остаюсь при этом убеждении до сих пор. Вот.

В Петрограде я прожила 9 дней; дождалась отца, приехавшего 13-го в ночь, нигде не была и все время провела с сестрами — было очень хорошо и я довольна своей поездкой. Впрочем, раз я попробовала пойти в театр, но пьеса совсем зарезала меня своей глупостью. Мы с сестрой сидели красные как раки от неловкости за автора и за актеров, которые должны нести такую дрянь со сцены, а когда зазвонили новогодние колокола и американский пастор стал призывать к добродетельной жизни героиню, то я чуть не спряталась под стул со стоном, чем привела в негодование глубоко растроганных соседей. Это был сплошной ужас. Нет, лучше сидеть дома и читать книгу по черной магии под названием «Черный дракон»² — это вещь. Там даются такие средства для лечения всех болезней, магические палочки, кольца для делания себя невидимым и т[ому] п[одобные] вещи, что мы чуть не умерли от смеха. Да, было еще развлечение — ходить в Александровский рынок³ за старыми тряпками. Это очень увлекательно, могу Вас уверить. Вот и все, что я делала в Петрограде, даже не слышала никаких «незаведомо ложных» слухов, дом Сафоновых — заколдованное место, куда они не проникают, а я нигде не бывала.

Ревель не показался мне неприятным на этот раз, вероятно, потому, что я знаю, что мне не придется долго жить в нем — 6-го Сергей Николаевич берет отпуск на три недели, и мы уезжаем на это время. Что меня радует, так это то, что я, может быть, все-таки попаду в Думу на первое заседание 14-го, остальное менее привлекательно. Больше недели жить в деревне мне не очень улыбается, а где мы проведем остальное время — Бог знает. Наша петроградская квартира сдана на половинных началах моей старой знакомой — Голицыной, а теперь к ней приехал с фронта лечиться муж и мать — странная старуха под прозвищем «Черный монумент». Если еще мы приедем,

то густота населения превзойдет всякое вероятие. Ну, да там видно будет.

А пока здесь все то же и все те же, т[о] е[сть] Крашениниковы, Стеценко и кинематограф. Мороз, светлые дни, иногда даже с солнцем, а по вечерам крошечная тьма, т[ак] к[ак] вышел приказ о соблюдении в городе темноты, приходится закрывать наглухо все окна под страхом штрафа в 3000 руб. На улицах почти нет фонарей, хорошо еще, что пока вывозит молодая луна, а то совсем бы плохо.

Вы пишете, что и у Вас холодно, но это, верно, ненадолго, и за морозами скоро наступит весна. Мне жаль, что Черное море не замерзает; если бы прекратились выходы в море на некоторое время, может быть, Вы приехали бы по делам в Петроград на день-два и я увидела бы Вас — у всякого своя точка зрения на вещи, Александр Васильевич милый.

Да, Вы говорите по поводу того, что я писала Вам о нашем разговоре на «Искусном», как возможны неправильные выводы из Ваших слов. Но, Александр Васильевич, во-первых, мои слова совсем не вывод, а цитата, а во-вторых, — они относятся ко временам доисторическим, когда были, вероятно, чистейшей правдой. Теперь я несколько не утверждаю, что Вы забываете меня, как только перестаете видеть, — в этом случае вот уже больше полугода как Вы должны были бы не вспоминать о моем существовании — чего нет. Но вообще я не думаю, что понимаю Вас не так, как Вы бы хотели, и мне не кажется, что Вы недостаточно ясно высказываете свою мысль.

За все время нашей переписки я ни в чем не могу упрекнуть Вас и не имела случаев применять к Вам «милостивое снисхождение», *кроме разве одного* — может быть, Вы знаете, какого? Но и Вы, *будьте добры*, Александр Васильевич милый, и не принимайте моих слов о том, что я ничего не буду предпринимать для того, чтобы увидеть Вас т[ак], к[ак] Вы приняли. Если судьба пошлет мне случай

и возможность увидеть Вас, я приму его с радостью, *но искать его не буду, т[ак] к[ак] все равно это ни к чему не приведет.* Вы писали мне в первом Вашем письме: «*Я не делаю себе никаких иллюзий, холодно и спокойно смотрю на действительное положение вещей*». Но у меня, вероятно, гораздо меньше иллюзий в данном случае, моя дорогая химера. Простите мне, что напоминаю Вам Ваши же слова. Надо и кончать мое бесконечное письмо. Я и не заметила, говоря с Вами, что уже половина второго и давно пора завтракать.

До свидания же, друг мой милый Александр Васильевич. Да хранит Вас Господь и да пошлет Вам светлой радости.

Анна Тимирева

Р. С. Да, поздравляю Вас с новым орденом.⁴

Под текстом письма карандашная запись, сделанная А. В. Колчаком: «Это очень странное письмо. Оно совершенно не похоже на привычные. Дело, конечно, не в приезде. Я сам никогда в это не верил. Я слишком много придаю, быть может, значения отдельным словам; но в общем у меня создается какое-то безотчетное ощущение, какая-то тревога [...]» — надо ждать следующее письмо. Дай Бог, чтобы оно пришло скорее и сняло бы тяжесть, которая осталась после этого письма.

Это все, может быть, моя милая выдумка. Я устал и невольно выдумываю то, чего, может быть, и нет. Может быть — плох[ие] [нервы] [и] утомление».

Л. 143–147.

---

¹ Здесь русскими буквами написано французское слово «gaffe» — промах, оплошность.

² *Нитибюс*. Черный дракон (Dracoater), или Сборник магических рецептов, талисманов и свойств драгоценных камней: по разным источникам, с рисунками талисманов. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1913.

---

* Выделенные слова подчеркнуты два раза: синим и красным карандашом.

** Два слова не разобраны.

³ В Петрограде было два Александровских рынка: Старый, расположенный между Калашниковским пр. (пр. М. Бакунина), Полтавской и Конной улицами, и Новый, ограниченный Вознесенским пр., набережной р. Фонтанки, Малковым пер. и Садовой ул. Ближе к Фурштатской ул., где останавливалась А. В. Тимирева, находился Старый Александровский рынок.

⁴ 1 января 1917 г. вице-адмирал А. В. Колчак был награжден орденом Св. Анны 1-й степени с мечами.

№ 33

Ревель
Судебная, 8

22–23 января [1917 г.]

Дорогой Александр Васильевич, вчера я получила Ваше письмо, написанное ранним утром после возвращения с Дуная. Оно такое же милое, как всегда, и такое радостное, как давно я от Вас не получала, и доставило мне огромное удовольствие. Знаете, я всегда с утра знаю, когда придет Ваше письмо, помимо всяких расчетов на движение почты — просто потому, что у меня в эти дни отличное настроение.

Вы вспомнили почему-то Alphüddan,¹ майскую светлую ночь, автомобиль... — как хорошо я помню все это, помню даже, почему я улыбалась все время, глядя на Вас. Вы почему-то с необыкновенным вниманием следили за пестрыми огнями уходящих вдаль трамваев и избегали на меня смотреть, и это меня так сместило, потому что было «явно-нарочно». Тогда было хорошо. Вы ушли из Гельсингфорса в эту же ночь, и после нее я видела Вас только в Ревеле перед отъездом Вашим — так давно. С тех пор все так переменялось, даже мой образ жизни мало имеет общего с тем, что был в прошлом году и в котором Вы принимали деятельное участие. Я живу так тихо и смиренно, что сама иногда удивляюсь, а когда пробую выйти из этого состояния, то ничего не выходит, т[ак] к[ак] нет настоящего желания. Последнее время довольно часто вижу Е. А. Трухачеву, которая мне нравится все больше по мере того, как я привыкаю к ее густому шляпинскому басу.

23 января [1917 г.]

Продолжаю письмо только сегодня. Сейчас я вернулась из концерта (симфонический в Ревеле — вдумайтесь в ужас этих слов!), уже около 12-ти, все спит, и я могу говорить с Вами сколько хочу — хоть до утра. За окном очень светлая лунная ночь и мороз около 15°, эта температура держится около недели и порядком-таки надоела.

Вчера мы обедали и провели весь вечер у Крашенинниковых, почему-то стали вспоминать прошлую зиму, перешли на Вас — да так и застряли на этой теме; у Вас не горели уши, Александр Васильевич милый?

Завтра как будто должны приехать из Гельсингфорса на ледоколе Политовский, Селитренников² и рыжий Иванов³ дня на 2, на 3, хотя, судя по этой открытке, которой они извещают Крашенинникова об этом своем намерении, — оно явно принято под влиянием нормального количества вина. Но это ничего — все-таки я очень рада буду видеть их всех — здесь так скучно, что обрадуешься и не трем веселым капитанам.

Да, недавно я видела трогательную картину — Кедрова⁴ в кинематографе в единственном числе — это показатель того, как здесь вообще весело, не только мне. Вы можете себе представить, какой у человека унылый вид, когда он развлекается таким образом.

Впрочем, сегодняшней концерт произвел на меня немногим более отрадное впечатление. Даже удивительно, как из порядочного количества инструментов, при наличии некоторой бездарности, можно мало извлечь звука — не говоря о тонкой художественной передаче исполняемой вещи — это маленький кошмар. Кроме того, холодно и дует по ногам, а дирижер почему-то кажется мне необыкновенно похожим на преподавателя латинского языка в казенной гимназии — ну и картина! Под конец я просто закрыла глаза, чтобы его не видеть, и стала думать о Вас и о том, что я буду писать Вам. Но сейчас у меня как-

то нехорошо и беспокойно на душе, сама не знаю почему, и я не нахожу тех слов, которыми хотела писать Вам, милый Александр Васильевич. Где Вы сейчас, что делается у Вас на море? А у нас все море, пока хватает глаз, покрыто льдом, неподвижно и бело, и на нем никакого шевеления; впрочем нет — должен на днях придти «Рюрик». ⁵ Хороший будет поход — при таких морозах лед крепнет с каждым днем.

Что-то будет с Америкой; я не вполне ясно представляю себе, каковы могут быть ее поступки в случае объявления войны, и оно как-то мало радует меня, не знаю уж почему.

Что Мария Семеновна, все еще живет у Вас или устроилась отдельно уже. Здесь говорят, что Леонид Леонтьевич произведен в контр-адмиралы, но т[ак] к[ак] никто приказа не видел, то никто точно этого и не знает. ⁶ Если это правда, то я очень рада за него, орлы ему к лицу — и Марии Семеновне тоже.

Я очень извиняюсь за совершенно неприличный почерк, но посудите сами, Александр Васильевич милый, каково писать, когда в комнате +11° — нельзя сказать, чтобы было похоже на тропики, рука совсем застыла. Я прочитала еще раз Ваше письмо, такое хорошее и милое, посмотрела свое — и мне как-то стыдно отвечать Вам таким скучным посланием на Ваши дорогие слова. Но что поделать; Вы все-таки не будете очень строги ко мне, дорогая химера, не правда ли?

6-го надо уезжать отсюда; вероятно, я не задержусь в Петрограде, и мы поедем прямо в деревню. Во время моего отсутствия из Ревеля мой адрес будет Фурштатская, 37, сообщаю это Вам для сведения, Александр Васильевич. Впрочем, к тому времени, вероятно, вернется В. Романов и опять можно будет получать и посылать «нецензурные» письма просто через Генмор.

А пока — до свиданья, милый друг мой Александр Васильевич, и спокойной ночи — еще 10 минут и я обращаюсь в ледяную сосульку, если не спрячусь под одеяло.

Пусть Господь хранит Вас и пошлет «всегдашней радости».

Анна Тимирева

Л. 148–151.

---

¹ Alphüddan — в описываемое время северная окраина Гельсингфорса.

² Селитренников Василий Васильевич (1882–?) — капитан 2-го ранга (1915). В 1901 г. окончил Морской кадетский корпус, а в 1912 г. Военно-морской отдел Николаевской морской академии. В 1917 г. командир эскадренного миноносца «Финн». Уволен со службы 30 января 1918 г. Перешел на сторону Советской власти. В 1918 г. в штабе Морских сил р. Невы и Ладожского озера, в 1919 г. начальник Морского отделения штаба 6-й армии Северного фронта. В 1920 г. начальник оперативной части штаба Беломорской флотилии. В 1921 г. начальник штаба Морских сил Северного моря. В 1922 г. начальник Морских сил Дальнего Востока. Впоследствии преподаватель Морской академии.

³ Скорее всего речь идет о Б. П. Иванове, командире эскадренного миноносца «Самсон». Подробнее о нем см. примечание 3 к письму № 8.

⁴ Кедров М. А. — подробнее о нем см. примечание 1 к письму № 7.

⁵ «Рюрик» — броненосный крейсер Балтийского флота. Заложен в 1905 г. в Англии, вступил в строй в 1908 г. Участвовал в Первой мировой войне. В 1923 г. разобран на металл.

⁶ Иванов Л. Л. — подробнее о нем см. примечание 1 к письму № 23.

№ 34

Ревель
Судебная, 8

25–30 января [1917 г.]

Милый Александр Васильевич, сейчас не очень удобное время, чтобы говорить с Вами, — скоро 5 часов утра, — но я так вспоминала Вас весь вечер, что мне хочется хоть немного представить себе, что Вы где-то не так уж бесконечно далеко, немного поговорить с Вами.

Я только что вернулась из Собрания; сегодня в Русском театре был в пользу чего-то спектакль, потом ужин в Собрании, кажется, было очень удачно и весело. Но я слушала пение, ужинала, болтала глупости и танцевала и думала все

время, что, вероятно, я не замечала бы ни фальшивых нот, ни духоты в зале, ни малой изобретательности соседей, если бы где-нибудь недалеко были Вы, милая химера. Сегодня один тип на мое утверждение, что здесь скучно, ответил мне полувопросом: «Нет Колчака?» Это было, конечно, глупо, но всего глупее то, что это очень похоже на правду.

Ясная ночь поразительно красива, полная луна, Ревель — настоящий город из сказки; я так бы и пошла бродить до утра по его узким и кривым прелестным ночью улицам — но такой мороз, что страшно подумать о том, чтобы снова выйти на улицу. Лучше буду писать Вам, Александр Васильевич милый.

Господи, что бы я дала, чтобы повидать Вас сейчас, как-то странно пусто без Вас, меня точно подменили. Прежде все меня веселило, Вы сами знаете, как я любила всякие «номера». Сейчас со мной, верно, просто скучно, я слишком много думаю о «предметах посторонних», чтобы относиться с должным интересом к окружающему — это очень плохо и совсем несообразно со здравым смыслом. Впрочем, и писать письмо химере в 5¹/₂ ч[асов] утра в открытом платье и manches courtes* при +11° в комнате тоже не очень с ним сообразно. Но не все ли равно. Спокойной ночи — нет, доброго утра, дорогой Александр Васильевич, не смейтесь очень над нелепым письмом (половина шестого ведь).

Пусть Господь Вас хранит, друг мой.

29 января [1917 г.]

Только сегодня выбрала время, чтобы продолжать писать Вам, милый Александр Васильевич. Теперь уже два часа, я только что вернулась из гостей (забавный дом — кормят ужином в 10 час[ов] вечера, да еще каким, это после обеда в 7 часов!). Было безра[достно]. Самое интересное

---

* с короткими рукавами (фр.).

был альбом с большим количеством севастопольских и вообще черноморских фотографий. Я долго смотрела на «Георгий Победоносец»,¹ на «Счастливый» — такие знакомые названия, — стараясь представить себе, что Вы живете и бываете на них. Ваших писем нет вторую неделю; я так жду его, что в час, когда должен придти почтальон, дежурю у окна и выхожу ему навстречу — это достойно гимназистки тахітум 5-го класса и очень глупо, т[ак] к[ак] я совсем простужена. Тут на днях погода сыграла весну — сильный теплый ветер, оттепель при солнце — в результате насморк, хрип в горле и т[ому] п[одобная] прелесть.

Последняя сенсация — то, что женился «наш маститый jeune premier»* Адриан Иванович. Женился он на Ольге Васильевне Романовой.² Вы ее знаете, она хорошенькая и, кажется, милая женщина, и дай им Бог всякого благополучия. Но я вспоминаю сад Непенина в июне, как было у него хорошо и просто, и мне чего-то жаль немного — и его тоже немного жаль самого.

Сегодня я пошла пешком в Екатериненталь под вечер, одна, и зашла в сад Морского собрания. На пруду каток, на любимой моей аллее — ледяные горы, и она кажется такой короткой, даже трудно себе представить, что по ней можно ходить часами. Зато сквозь голые ветки — чудесные вечерние звезды на ясном морозном небе, хорошо и тихо.

Сегодня у меня была Е. Д. Подгурская, которая всегда вспоминает Вас, в разговоре со мной, по крайней мере; для того ли, чтобы посмотреть, какое у меня срочно делается глупое лицо, или просто из дружеского расположения к Вам, Александр Васильевич милый, — уж не знаю, да и не все ли равно, в сущности? Но иногда мне просто приятно услышать что-нибудь о Вас — всегда хорошее — от нее.

Ревель преподнес на днях еще одно удовольствие — на некоторое время прекращена продажа плацкарт на поезда, идущие в Петроград, а Вы знаете, что значит бесплацкарт-

---

* первый любовник (фр.).

ное сообщение — в купе 10 человек, трое детей, собака, парусиновые чехлы для подушек, у половины запасены на дорогу бутерброды с сыром, а одна из дам надушена «пробными» духами. Если надо ехать с сыном в возрасте 2-х лет и няней, то это вещь, а мне как раз предстоит путешествие в такой компании, брр...

Вы, кажется, любитель поездок по железной дороге, Александр Васильевич. Господи, какие пустяки пишу я Вам, это ничего? Но, видите ли, Александр Васильевич милый, моя жизнь полна такими потрясающими событиями, как обед или вечерний чай у кого-нибудь из знакомых или у нас, т[ак] ч[то] трудно писать что-либо более интересное. Самое замечательное, что на эти занятия государственной важности уходит уйма времени. Я даже почти ничего не успеваю читать, а чтобы писать Вам, выбираю дни, когда Сергей Николаевич — дежурный командир по бригаде, и я располагаю свободно часами позднего вечера, когда мне никто не мешает, не звонит телефон и не стучат двери — прекрасно. Все же надо и кончать на сегодня, «вечер» уж очень поздний, скоро три часа. Спокойной ночи, Александр Васильевич милый. Завтра очень надеюсь получить от Вас пару строк — так скучно без них. Если же не будет, то pošлю письмо как есть, а то оно так распухнет, что не влезет в конверт — и то мои письма имеют вид довольно невероятный. Неудобно иметь такой аршинный почерк, как мой, не правда ли?

30 января [1917 г.]

Сегодня пришло Ваше письмо, на которое мне очень трудно отвечать Вам, Александр Васильевич. На меня оно производит впечатление какой-то тайной (вернее, довольно явной) горечи, а Ваше обещание быть более осторожным и осмотрительным в выражении своих мыслей несколько не приводит меня в восторг, и я совсем не настаиваю на его выполнении. Я абсолютно верю, что Вы не хотите огорчить

меня, и только потому не сержусь на Вас за то, что Вы пишете в конце письма на тему о «милостивом снисхождении». Это просто-напросто возмутительно и предполагает с моей стороны столько тупого самодовольства и какого-то холодного цинизма, что я не знаю, что и сказать Вам на это. Особенно хороша фраза «это очень удобная форма отношений — ни к чему не обязывает и может даже *доставить удовольствие, как проявление великодушия,*» тому, кто его оказывает». Я предполагаю, что Вы не имели в виду того впечатления, которое производят на меня эти слова — иначе вряд ли бы Вы их написали. Хорошего Вы обо мне мнения, Александр Васильевич, если приписываете мне способность такого копеечного удовлетворения. Повторяю, я не думаю, что Вы написали это нарочно, но никогда не повторяйте этих слов, Александр Васильевич милый, если не хотите сделать мне больно. Больше я ничего не имею сказать по этому поводу, лучше вообще не затрагивать этой темы, как Вы думаете?

Продолжая писать Вам после перерыва, я нахожу, что слишком погорячилась и была более резка, чем следовало бы. Из своих слов беру обратно все, что в них лишнего, а сердиться на Вас я, кажется, совсем не в состоянии, Александр Васильевич дорогой, по крайней мере больше получаса. В Ваших словах о «почтенных стратегических принципах» много иронии, по крайней мере мне это кажется. Вероятно, Вы правы, Александр Васильевич. Я не делаю себе никаких иллюзий, даже относительно того, что очень дорого мне, может быть особенно относительно этого. Знаете, это совсем невесело иногда. Я не ставлю себе этого свойства в заслугу, в моих глазах оно скорее говорит о бедности душевной, и к своему подавляющему благоразумию

---

* Выделенные слова подчеркнуты А. В. Тимиревой черными чернилами одной чертой.

** Выделенные слова подчеркнуты А. В. Тимиревой черными чернилами двумя чертами.

я отношусь с полным презрением, и только. Поэтому не мне говорить Вам о нем, и если я напомнила Вам слова первого Вашего письма, то только потому, что я не хочу никогда и ничем причинить Вам малейшей боли. Но я не умею этого, что поделаться. Дорогой мой друг, я хотела бы писать Вам иначе, быть в тысячу раз лучше, чтобы принять Ваше отношение ко мне не как незаслуженную радость, а Вы говорите мне о каком-то снисхождении, которое «дается холодно и спокойно». Неужели и теперь я пишу непонятно, милый Александр Васильевич? Но надо кончать это письмо. Я сильно задумываюсь над тем, что Вы подумаете, прочтя его. До свидания. Да хранит Вас Господь и да пошлет Вам много счастья.

Анна Васильевна

Под текстом письма помета А. В. Колчака: «П[олучено] 5.И. Я совершенно недостоин этого письма. Я не знаю, как и чем [уплатить] судьбе за него».*

Л. 152–157.

---

¹ «Георгий Победоносец» — линейный корабль Черноморского флота. Заложен в 1891 г. в Севастополе, вступил в строй в 1896 г. 1 мая 1918 г. захвачен в Севастополе германскими войсками, в ноябре 1918 г. — белогвардейцами, а в декабре 1918 г. — англо-французскими интервентами. 14 ноября 1920 г. увенден врангелевцами в Константинополь, 29 декабря 1920 г. интернирован Францией в Бизерте.

² Непенина (в первом браке Романова, урожд. Каневская) Ольга Васильевна (1883–1963) — жена старшего офицера крейсера «Паллада» капитана 2-го ранга А. М. Романова, погибшего 28 сентября 1914 г. 27 января 1917 г. вышла замуж за командующего Балтийским флотом адмирала А. И. Непенина. Имела дочь Людмилу от первого брака. Умерла в Бельгии.

---

* Написано красным карандашом.

** Написано синим карандашом.

Ревель
Судебная, 8

3 февраля [1917 г.]

Дорогой Александр Васильевич, вчера утром меня разбудило Ваше письмо и цветы, которые Вы с таким вниманием мне послали. Спасибо Вам большое за то и за другое, мне так дорого, что Вы подумали о том, чтобы доставить мне удовольствие. Цветы прелестны, большая корзина ландышей, можно подумать, что Вы сами их выбирали — они такие белые.

Я помню, как Вы давно писали мне очень недоброжелательно о бедном «Крабе»: ¹ все-таки он оказался совсем не так уж плох, как это казалось.

Это письмо Lydia [Guter] как-то сразу напомнило мне несколько писем подобного же содержания, только не немецких, но это воспоминания не из веселых и лучше о них не говорить. Что же касается поучительности этого случая в смысле того, какова может быть судьба письма, то я принимаю ее к сведению и руководству.

Мне хочется задать Вам много вопросов касательно Вашей «императорской фамилии», ² но, может быть, это неудобно делать в письме, посылаемом почтой (смотрите выше)? Лучше подожду до Петрограда, где можно воспользоваться услугами В. Романова. Я так рада, что он вернулся благополучно.

Сегодня на ледоколе пришел Непенин; здесь, конечно, много говорят о его свадьбе. Но, право же, картина замечательная: Адриан Иванович с венцом над головой. Бахирев ³ и Плен ⁴ в виде шаферов — Вы можете себе представить, как это забавно? Завтра мы должны обедать у Вердеревских, и я сильно подозреваю, что будут «молодые». Маленький Стец, ⁵ который был лет сто почтительным поклонником m[ada]me Непениной, придрался к случаю, чтобы под предлогом разбитого сердца неумеренно «тяпать», как он

изящно выражается — по-моему, больше из принципа все-таки. Но это жаль, т[ак] к[ак] он забавный собеседник в нормальном состоянии. Впрочем, вчера мы были у него на очень чинном обеде с кариатидами — Пилкин и Пышнов.⁶ Пилкин был умен, Пышнов просто красив, но я позорно сбежала от этого монументального общества в Морское собрание, где нас ждал Вердеревский, чтобы послушать вместе музыку. На беду в этот день там же был обед Минной дивизии — Вы знаете своих питомцев, Александр Васильевич милый, и легко можете себе представить картину зала с накрытыми столами, за которыми ужинают недавно пообедавшие «дикие зипы», как они себя называют. Под этим слегка напоминающем племена Южной Африки названием подразумеваются защитники Ирбенского прохода.⁷ Нечего было и думать о том, чтобы догнать общее настроение, пришлось просто поехать кататься на автомобиле. Мне это так напомнило Гельсингфорс, где все начинается и кончается автомобилем — прекрасный обычай, как Вы находите?

Да, почему Вы так напали на фиалки? А я-то их так люблю! Все-таки надо быть варваром, чтобы сказать, что они пахнут зубным эликсиром, никогда такого не видала: может быть, Вы вместо него употребляете вежеталь? Согласитесь, что у фиалок есть свои достоинства: у них такой тоненький стебелек, что, если очень постараться, то его можно вдеть в ушко Георгиевского креста и даже завязать узлом, чтобы было крепче — выходит недурно, насколько мне помнится. А почему Вас обидело то, что у фиалки пять, а не четыре лепестка, остается для меня положительно загадкой. Я могла бы Вам осветить достоинства этих цветов всесторонне, но, пожалуй, довольно об этом.

Через три дня мы уезжаем, и когда Вы получите это письмо, я буду сидеть на розовом диване в деревенской гостиной и слушать хриплый голос граммофона. Но если брат⁸ Сергея Николаевича достанет мне билет в Думу на 14-е, то я вернусь в Петроград к этому времени, т[ак] ч[то] пробуду в деревне дня 4–5, не больше. Поэтому пишите

мне в Петроград, Александр Васильевич милый, по адресу, который я дала Вам раньше. Да если бы и дольше пришлось там жить, лучше туда не писать. Почему-то мне вспомнилась сцена получения мной Вашего первого письма на Бренуэ. Был теплый, пасмурный июльский вечер, только что пришел «Генерал Кондратенко»,⁹ и мы все — Крашенинниковы, Потоцкие и Тимиревы — сидели на ступеньках крылечка. Знаете, Александр Васильевич милый, если бы упала бомба с неба, это не произвело бы большего эффекта, чем появление Вашего посланного под предводительством Ядвиги, приходившейся ему ростом ровно по пояс. Это было прекомично, но, Господи, как я была рада тогда! Я помню, как долго сидела с Вашим письмом, решительно не в состоянии его прочесть и только думая, что Вы вспомнили и написали мне скорее, чем я ждала и могла ждать этого.

Однако скоро 4^{1/2} часа. Это удивительно, никогда не ложиться так поздно, как в те вечера, когда сидишь совсем одна, как я сегодня. Но я люблю эти часы тишины, когда можно молчать и делать и думать, что хочешь.

Вы пишете, что Мария Семеновна собирается в Гельсингфорс. Во всяком случае я постараюсь повидать ее в Петрограде, если она там будет во время моего пребывания. Мне так интересно, что она расскажет о Вашей сева-стопольской жизни, да я и так буду рада повидать ее, т[ак] к[ак] искренне ее люблю и кроме хорошего, за два года нашего знакомства, от нее ничего не видела. Что же касается Вашей системы восторженных отзывов о дамах вообще, то система не из важных, надо сознаться, и ее никто не любит, да это и понятно — не потому, чтобы каждая дама, с которой Вы говорите, считала себя лучше всех на свете, а потому, что кто же любит, когда, говоря о ней, Вы думаете о ком-нибудь другом. Это надо быть такой глупой, как я, чтобы не ставить Вам этого на вид немедленно, а если и попрекнуть немножко, так примерно через год, или даже больше.

Я написала Вам очень много ерунды сегодня, это ничего? Но так как часы на башне Святого Антония решительно собираются бить пять раз, то я кончаю.

До свиданья, Александр Васильевич милый, я надеюсь, что Вы теперь здоровы, а если нет, то поправляйтесь поскорей и не рисуйте себе картин мрачного характера — совсем непохоже. Пока же спокойной ночи.

Пусть Господь сохранит Вас и пошлет Вам радости, друг мой.

Анна Тимирева

Л. 158–161.

---

¹ «Краб» — подводная лодка Черноморского флота. Заложена в 1910 г. в Николаеве, вступила в строй в 1916 г. Первый в мире подводный минный заградитель. 1 мая 1918 г. захвачена в Севастополе германскими войсками, в ноябре 1918 г. — белогвардейцами. В декабре 1918 г. захвачена англо-французскими интервентами и затоплена ими в районе Севастополя 22–24 апреля 1919 г.

² Здесь речь идет о линейных кораблях Черноморского флота «Император Александр III» и «Императрица Екатерина Великая». Подробнее о них см. примечание 1 к письму № 37 и примечание 3 к письму № 12.

³ Бахирев Михаил Коронатович (1868–1919) — вице-адмирал (6 декабря 1916). В 1888 г. окончил Морское училище. Участник обороны Порт-Артура. В 1914 г. командовал 1-й бригадой крейсеров, в 1915–1917 гг. — 1-й бригадой линкоров Балтийского флота. 12 января 1918 г. уволен в отставку. Работал в Морской исторической комиссии. Участвовал в подготовке восстания против большевиков в Петрограде осенью 1919 г. Арестован ВЧК и расстрелян.

⁴ Плен Павел Михайлович (1875–1918) — капитан 1-го ранга (1914). В 1893 г. окончил Морской кадетский корпус. Участник обороны Порт-Артура. В 1916–1917 гг. командир линкора «Слава». 6 августа 1918 г. арестован Петроградской ЧК. Погиб во время красного террора.

⁵ Очевидно, речь идет об А. В. Стеценко. Подробнее о нем см. примечание 4 к письму № 6.

⁶ Пышнов Александр Михайлович (1873–1953) — капитан 1-го ранга (1913). В 1894 г. окончил Морской кадетский корпус. В 1914–1917 гг. командовал крейсером «Рюрик», а в 1917 г. — 2-й бригадой крейсеров Балтийского флота. В мае 1917 г. переведен в резерв Морского министерства. Во время Гражданской войны служил в центральных учреждениях флота в Петрограде.

⁷ Ирбенский пролив связывает Рижский залив с Балтийским морем.

⁸ Тимирев Константин Николаевич (1871–?). Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Бывший земский начальник. Землевладелец Тихвинского уезда Новгородской губернии. Гласный уездного и губернского земств. Октябрист. Член II, III и IV Государственных дум от Новгородской губернии.

⁹ «Генерал Кондратенко» — эскадренный миноносец Балтийского флота. Заложен в 1905 г. в Гельсингфорсе на добровольные пожертвования, вступил в строй в 1906 г. В 1911–1912 гг. прошел капитальный ремонт. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. В мае 1918 г. сдан на хранение, в 1924 г. разобран на металл.

№ 36

Петроград
7-я Рождественская, 9

9–10 февраля [19]17 г.

Милый Александр Васильевич, только сегодня я добралась до Петрограда после долгих мытарств. Лишний раз я убедилась, как глупо делать планы — вместо того, чтобы 7-го быть уже здесь, мы очутились утром этого дня на ледоколе по пути в Гельсингфорс, т[ак] к[ак] из Ревеля даже уехать по железной дороге не представляется возможным. В общем, вышло очень недурно, хотя мы и шли 14 часов из Ревеля в Гельсингфорс и под конец попали в густейший туман, т[ак] ч[то] долго не могли пристать. Зато я действительно попала «с корабля на бал», т[ак] к[ак] в Морском собрании было что-то вроде маскарада. Маски у меня, к сожалению, не было, но было весело и очень приятно повидать всех, т[ак] ч[то] вернулись мы домой около 7 часов утра. Потом целый день беготня по магазинам, обед с Ивановым,¹ Политовским, Щетининым и Кузьминским² в «Аполло»³ — новая мода в Гельсингфорсе — опять вагон и сегодня утром я торжественно прибыла к своим с сыном, няней и чемоданами — на ломовом извозчике (!). Когда я ехала в такой комбинации по Литейному, мне было ужасно жаль, что я не могу Вас встретить — вид был уж очень замечательный. Сергей Николаевич все-таки уклонился от такого экзотического способа передвижения, а, право, за неимением ниче-

го другого это очень неплохо. Все-таки после этих дней я в полной прострации и едва сижу, хотя всего еще 11¹/₂ часов. Но я почти неделю не говорила с Вами, Александр Васильевич милый, и мне без этого как-то скучно.

Да, последние дни в Ревеле у нас был некоторый альянс с Непениными, мы вместе были у Вердеревских и Трухачевых и шли на ледоколе. Адриан Иванович страшно меня подкупил тем, что сразу стал мне рассказывать что-то про Вас, а т[ак] к[ак] он совсем умный, то это и вышло у него просто и мило; не знаю уж почему, но мне так приятно было слушать о Вас.

Приехав сюда, я узнала, что слух о возвращении Романова из Англии был чистойшей уткой и он все еще там. Мне жаль, что это так, и даже немного заскребли на сердце маленькие кошки — теперь так хорошо путешествовать из Англии.

Я слышала что-то о замене Веселкина кем-то другим; Вы довольны этим, Александр Васильевич? Слышала тоже, что Гвардейский экипаж вызывают в Царское Село,⁴ — но этим Вы вряд ли очень довольны. Надо кончать на сегодня, устала смертельно. Спокойной ночи, Александр Васильевич милый.

10 февраля [1917 г.]

Сегодня надеялась получить Ваше письмо, но его нет. Или Вы не писали мне вовсе, или послали через Генеральный штаб Романову — тогда жди! Но отчего бы ни было, но мне все-таки немного грустно, Александр Васильевич, без Ваших писем, я их так люблю.

Здесь так холодно, что страшно показать нос на улицу без необходимости, т[ак] ч[то] я целый день просидела дома, и только обедать мы поехали к Кюба⁵ с Вашим неизменным поклонником — Муромцевым. Последнее время мы больше подружились с ним; вряд ли я очень уклонюсь от истины, если скажу — потому что он Вас любит, помнит и скучает без Вас. Я такая глупая стала, что этого довольно,

чтобы я была готова почувствовать к человеку почти нежность.

Где Вы сейчас, Александр Васильевич? Мне кажется, что целую вечность Вы не писали мне — а всего-то прошло 6 дней, правда, очень туго набитых, т[ак] ч[то] они могут сойти за 2 недели.

Кажется, что в деревню мы так и не попадем, очень уж плохо сообщение. Вы можете себе представить, что это не приводит меня в отчаяние, тем более, что путешествие на лошадях 50 верст при таком морозе — удовольствие относительное, — вроде известного Вам катанья на автомобиле. Очень возможно, что мне с сыном придется остаться здесь до 1 марта, т[ак] к[ак] до этого времени не будет плацкартного сообщения с Ревелем, а так ехать буквально невозможно. Как надоело все это.

Сегодня в Петрограде нет совсем хлеба, в лавках скандалы, даже у Кюба его дают в ограниченном количестве и сахар по счету, о вине нечего и думать. После Гельсингфорса, где все-таки всего еще довольно, даже дико. Здесь все по-прежнему гадко и как-то страшно.

Обращение к рабочим по поводу предполагаемых демонстраций с их стороны в день открытия Думы, подложное письмо Милюкова, ходящее по рукам рабочих, — все это поразительно похоже на провокацию, притом довольно примитивного характера.⁶ Интересно, что-то будет, но пока очень уныло.

Америка тоже, видимо, скисла, и ждать от нее чего-либо путного не приходится.

Мой отец нездоров и очень слаб, а ему надо дирижировать 22 февраля, что совсем некстати.

Да, как сошел Ваш концерт, милый меломан? Вы остались верны своему вкусу — героическое в музыке. Все же я была порядочно потрясена этим Вашим выступлением; Вы не собираетесь устроить художественную выставку в Севастополе — картины военного содержания или что-нибудь в этом роде?

Я очень вспоминала Вас, когда мы шли на ледоколе из Ревеля, — мне так хотелось раньше сделать этот переход вместе с Вами; но Вас не было, и единственное, что было на Вас похоже, — это погоны на кителе Адриана Ивановича, — но сознайтесь, что это не очень-то много. Хуже всего было то, что замерзли Ваши цветы — мне не хотелось ни оставлять их, ни дарить никому, я срезала их, завернула и положила в чемодан, который поставили на верхней палубе, совсем забыв про то обстоятельство, что мороз градусов так в 15 — результат ясен, мне так было жаль.

До свидания, Александр Васильевич милый. Пишите мне, пожалуйста, на Фурштатскую, 37, если захотите, конечно. А пока спокойной ночи.

Господь сохранит Вас и пошлет Вам много радости. Я же помню Вас, как всегда.

Анна Тимирева

Л. 162–165.

---

¹ Вероятно, речь идет о Б. П. Иванове. Подробнее о нем см. примечание 3 к письму № 8.

² Кузьминский Василий Андреевич — капитан 2-го ранга. В 1914–1915 гг. исполнял должность старшего офицера крейсера «Олег».

³ «Аполло» — дешевая столовая в Гельсингфорсе, ул. Южная Эспланада, д. 10.

⁴ В декабре 1916 г. батальон Гвардейского флотского экипажа был направлен на Черноморский театр военных действий и вошел в состав отдельного отряда обороны устья Дуная и Дунайских гирл, который подчинялся непосредственно командующему Черноморским флотом. В феврале 1917 г. батальон был срочно отозван из Измаила, 15 февраля прибыл в Царское Село и стал дислоцироваться в Александровке.

⁵ «Кюба» — ресторан в Петрограде, Каменноостровский пр., д. 24. Владелец — Е. П. Кюба.

⁶ На 14 февраля 1917 г. было намечено заседание Государственной думы. Перед этим по Петрограду начали распространяться слухи о якобы готовящейся манифестации рабочих в поддержку Думы. В качестве подстрекателя к демонстрации назывался Милюков. В связи с этим 10 февраля 1917 г. газета «Речь» опубликовала его письмо к петроградским рабочим. В нем Милюков высказался против использования своего имени в агитационных целях и просил воздержаться от участия в демон-

страции. Рядом с его письмом было напечатано обращение командующего Петроградским военным округом С. С. Хабалова. Генерал призвал рабочих воздержаться от забастовок и обещал применить силу к тем, кто будет оказывать сопротивление законной власти. Несмотря на эти предупреждения, 14 февраля в Петрограде бастовало 84 тыс. рабочих. Однако к Таврическому дворцу, где заседала Дума, пришло около 500 человек, которые были разогнаны полицией.

№ 37

Петроград
7-я Рождественская, 9

13–14 февраля [19]17 года

Дорогой Александр Васильевич, вчера получила одно Ваше письмо, написанное во время похода, и сегодня второе. Начала отвечать Вам вчера же, но сегодня это письмо показалось мне каким-то, как говорят у нас в семье, «не могущим соответствовать» — лучше начну сначала.

Сегодня я отыскала на карте Приславу и, смотря на маленький кружок на бумаге, необычайно ясно, хотя, вероятно, и неверно, представила себе это место, морозную ночь, Вас, милая химера, и даже Dumesnil'я, которого я имею удовольствие знать по фотографии, где он снят вместе с Вами.

У Вас все еще зима, по-видимому, я не думала, что в Севастополе так долго держатся холода. Ничего, пусть они Вам напоминают север и всех, кто там остался.

Завтра первое заседание Думы; не знаю, попаду ли я на него — а так хочется! От этого дня многого ждут, больше, впрочем, каких-то беспорядков, чем чего-либо путного. Общее впечатление, что их хотят намеренно вызвать. Надо надеяться, что это не будет иметь успеха. Говорят очень много вздора, из которого мало что до меня доходит к счастью, т[ак] к[ак] в обществе моих сестер можно услышать все что угодно, кроме политических сплетен. Все-таки вот Вам образец того, что можно здесь услышать: что Вы скажете о распоряжении армии «фронтом в тыл» на всякий

случай. Оговорка — конечно, не целиком, а наиболее надежными частями. Это такая неизреченная мерзость, что удивляешься тому, кому могла придти в голову такая милая идея.

Может быть завтра я все-таки уеду в деревню с Сергеем Николаевичем, если его брат, который должен вернуться завтра, скажет, что сообщение сколько-нибудь возможно. Так как это будет очень ненадолго, то может быть даже и хорошо посидеть немного в сугробах совсем тихо, хотя здесь я живу так, что тише и трудно. Совсем было бы неплохо, если бы не огорчал меня отец; он совсем слаб, очень переутомил сердце, дирижируя в Москве концертом совсем больной. Сейчас ему запрещено и думать о работе в ближайшее время. Ну, да Бог даст, все будет хорошо. Вас совершенно напрасно беспокоит моя фраза «о фамилии». Она относится к готовности «Александра III»,¹ работам японских инженеров и еще несколькими вопросам, которых сейчас не сумею Вам привести точно.

А теперь перейдем к ботанике. Вы совсем были неправы, милый Александр Васильевич, утверждая, что черных цветов нет; они есть, это особая порода ирисов, черных с белым — не очень красивых, такие бывают курицы-пеструшки. Эти ирисы появились в магазинах лет 6–7 тому назад, имеют вид сделанных из шелка и совсем мне не нравятся. Кроме того, есть, если не ошибаюсь, черные орхидеи, но утверждать этого не буду, т[ак] к[ак] не видела. Да, бывают еще аютины глазки или репсия правильного черного цвета, атласные и очень милые. Вот все, что имеется в моем запасе сведений о черных цветах; надо сознаться, что этот цвет не из удачных для цветов, разве что для платья.

Ваше гастрономическое сравнение ландышей с цветной капустой — сплошной ужас; так можно сравнить и розовые розы с земляничным мороженым, меняющую цвет гортензию с хорошим синяком, а лилии со свертком белой бумаги — но сознайтесь, что это безобразие, Александр Васильевич

милый. Все-таки забавно, что даже сведения о цветоводстве Вы черпаете из истории войн — это называется выдерживать стиль решительно во всем и напоминает мне рассказанный одним капитаном анекдот «О том, как Колчак понимает искусство во всех его проявлениях», анекдот составлен не без остроумия, надо сознаться, и над которым я много смеялась.

Сейчас кончаю, надо спать, уже поздно. Спокойной ночи, Александр Васильевич милый. Который раз собираюсь писать Вам письмо приличного размера, а не целый фолиант, но хронически начинаю болтать всякие пустяки, когда берусь за перо. Да, что Вы подразумеваете под словами «прожевать письмо»? Я думаю, что Масленица — самое для этого занятия подходящее время. Напишите мне, как Вы веселились.

14 февраля [1917 г.]

По-видимому, сегодня вечером я еду в деревню — сейчас звонил по телефону только что вернувшийся оттуда брат Сергея Николаевича, лошади ждут и особой давки в поездах нет. Поэтому и спешу окончить письмо Вам, Александр Васильевич, теперь же, потом надо собирать вещи, делать экстренные покупки и будет некогда.

В Думу я не попадаю сегодня — к величайшему своему прискорбию, как Вы легко можете себе представить. Ну, что поделать, все-таки рассчитываю по возвращении из деревни там побывать.

Вероятно, в отсутствие мы будем дней 5–6, самое большее — неделю, мороз небольшой пока, т[ак] ч[то] ехать будет неплохо. Последний раз я была в деревне уже три года и так от всего отвыкла.

Я не буду дольше писать Вам, милый Александр Васильевич, т[ак] к[ак] трудно говорить с Вами и ловить себя на мысли, какие башмаки и блузы надо уложить и в какой чемодан, — какое уж тут письмо, не правда ли?

До свидания же пока, друг мой Александр Васильевич.
Пусть Господь хранит Вас всегда и всюду.

Анна Тимирева

Л. 166–169.

---

¹ «Император Александр III» (с 16 апреля 1917 — «Воля», с октября 1919 — «Генерал Алексеев») — линейный корабль Черноморского флота. Заложен в 1911 г. в Николаеве, вступил в строй в 1917 г. Перешел на сторону Советской власти. 30 апреля 1918 г. ушел из Севастополя в Новороссийск, 19 июня 1918 г. вернулся в Севастополь, где был захвачен германскими войсками и разоружен. В ноябре 1918 г. передан белым. В декабре 1918 г. захвачен англо-французскими интервентами и уведен в порт Измид на Мраморном море. В октябре 1919 г. вновь вошел в состав русского Черноморского флота. 14 ноября 1920 г. уведен врангелевцами в Константинополь и 29 декабря 1920 г. интернирован Францией в Бизерте (Тунис). В 1936 г. разобран на металл в Бресте (Франция).

№ 38

Петроград
7-я Рождественская, 9

22 февраля [1917 г.]

Дорогой Александр Васильевич, вчера в 6 часов утра я вернулась из деревни в Петроград, думая найти письмо от Вас, — но оно пришло только сегодня, и я так ему рада. В деревне мы пробыли 5 дней, кормили нас на убой, т[ак] ч[то] я целый день еле дышала от сытости, состояние поистине ужасное. Но все-таки было неплохо — тишина удивительная, а снег — одна красота: за всю зиму не было ни одной оттепели. Кажется, еще никогда я не видела такой чистоты и белизны. Мороз по утрам и вечерам 20–25°, но солнце уже сильно греет, на крышах и деревьях сосульки, и верба начинает распушаться. Мы ездили кататься на санках, просто гуляли по снегу, сидели в гостиной с моей belle-mère и болтали всякую всячину, или я читала «Дон-Кихота»¹ — а кругом усадьбы такая глушь, снег и тишина,

что даже трудно себе представить иногда, что за пределом всего этого идет шумная и сложная жизнь; война — все-таки далеко кажется. Возвращались мы через Тихвин; зимой он прелестен, какой-то смешной пряничный городок: кривые покрашенные домики, нарядные, розовые, голубые, зеленые — и все густо посыпаны сахаром-снегом, церкви тоже какие-то точно съедобные — очень занятное впечатление, да и день был к тому же чудесный, настоящий золотой. Т[ак] к[ак] надо было ждать несколько часов до поезда, а на квартире, в которой в таких случаях останавливаются, оказалось +5° (не много, сознайтесь, для закрытого помещения), то мы поехали в Тихвинский монастырь.² По-видимому, место, мало что общего имеющее с Черным морем, однако, не успели мы войти в монастырский двор, как к Сергею Николаевичу обратился с вопросом какой-то послушник: не из Черноморья ли он и не знает ли, как поживает его брат лейтенант Веревошкин? Я тихонько шла рядом с какими-то мыслями, имеющими смутное отношение к Вам, и меня странно удивил этот вопрос из совсем другого, казалось бы, мира.

Сегодня я была в концерте в зале Армии и флота;³ зал ужасен, и я первый раз видела в симфоническом оркестре музыкантов в солдатской форме — оркестр Преображенского полка — это какое-то неприятное впечатление, но я давно не слыхала хорошей музыки, и это было очень приятно. После концерта я зашла к своим, т[ак] к[ак] надеялась почему-то, что там должно быть Ваше письмо — что и оказалось.

Здесь такие туго набитые всякой всячиной дни, что даже дико. Завтра с утра надо в Думу, потом обедать к своим, потом уезжает в Ревель Сергей Николаевич, а вечером надо бы пойти к Плеске — хорошо? И так каждый день. Прибавьте ко всему этому X «необходимых» покупок и примерок и невероятное количество людей, которых надо бы повидать — получается что-то сложное. Сейчас в Петрограде Крашенинников и Политовский, и это не упрощает дела,

т[ак] к[ак] часть времени поневоле проводишь с ними — правда, не без удовольствия.

Вы пишете, что принялись за гаданье, Александр Васильевич милый, это мало меня радует, т[ак] к[ак] я очень хорошо знаю, что этим почтенным делом люди занимаются в состоянии упадка и тревоги. Тогда поневоле начинаешь искать смысла и предсказаний в глубокомысленных терминах, как-то «казенные хлопоты, сердечная забота, расположение дамы (или короля), удивление через свиданье (!), письмо через дорогу (!!), и т[ому] п[одобное]». Все зависит от сообразительности гадальщика и умения комбинировать соответственно с характером гадающего. Это презанятно, я сама иногда это люблю и умею. Хотите, я погадаю Вам как-нибудь? Это не будет так мрачно, надо надеяться, Александр Васильевич милый.

Да, Вы говорите об «уменьи не рисовать себе картин» Адриана Ивановича по поводу его женитьбы,^{*} не могу с этим согласиться: если его женитьба и есть акт благоразумия, то пролог к этому событию поистине похож на добрую художественную выставку, и вся история очень сложная и странная.⁴

Но уже четвертый час, пора кончать, да и бумаги больше нет. Спокойной ночи, Александр Васильевич милый.

Да, как странно Вы пишете мне о снеге, похожем на розы, — и я в деревне почему-то думала это, глядя под вечер на розовый от солнца, нежный снег. Сейчас чудная ночь — полная луна, мороз и ясно — очень красиво.

До свиданья же, Александр Васильевич милый, пусть Господь хранит Вас всегда и всюду и пошлет Вам много радости.

Анна Тимирева

---

^{*} Так в тексте.

Р. С. Около 1-го марта я надеюсь вернуться в Ревель, о чем и сообщаю Вам для сведения и руководства. Ну, до свиданья еще раз.

Анна Т[имирева]

Л. 170–172.

---

¹ «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» — роман испанского писателя Мигеля Сервантеса (1547–1616).

² Тихвинский Большой Богородицкий Успенский мужской 1-го класса монастырь в г. Тихвин Новгородской губернии. Основан в 1560 г. Каменная ограда и башни возведены в XVIII в. В соборе находилась чудотворная икона Тихвинской Божьей Матери.

³ Зал Офицерского собрания армии и флота — Литейный пр., д. 20.

⁴ Подробнее о взаимоотношениях А. И. Непенина со своей будущей женой см. в кн.: *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 146–148, 209–210.

№ 39

Петроград
Фурштатская, 37

27 февраля [1917 г.]

Дорогой Александр Васильевич, вчера получила Ваше милое письмо и до поздней ночи писала Вам ответ, но события идут с такой быстротою, что смешным и нелепым кажется сегодня то, что написано вчера. Что делается трудно себе даже представить, газет нет, ходят слухи один хуже другого.

Толпы бродят по улицам, войска отказываются стрелять в толпу в большинстве случаев, много убитых офицеров. Еще вчера мирная толпа разбила где-то арсенал и теперь вооружена, т[ак] ч[то] идет перестрелка между ней и немногими так называемыми «лояльными» частями, — если не ошибаюсь, Дикой дивизией,¹ которой, в силу своего состава, все равно в кого стрелять. Кое-где войска собираются в строй под предводительством прапорщиков и с музыкой

идут — куда? — крича: «Долой царя и правительство и дайте хлеба или долой войну». Что из этого выйдет, страшно и подумать, но требование вполне резонно, потому что сейчас приходится выбирать между этими положениями.

Тоже слух — говорят, что Дума уже распущена.² Может быть, это было бы и лучше — по крайней мере, хороший и единственный в своем роде момент, чтобы, несмотря на роспуск, собраться и взять власть в свои руки.

«Та» власть показала себя вполне несостоятельной и вряд ли справится с поднявшейся бурей, да и чем она может справиться? Войска против нее. Я глубоко убеждена, что все это подстроено нарочно с тем, чтобы заключить сепаратный мир, да так оно и будет, если не найдется людей, которым поверит народ и армия, способных стать у власти.

Царь, перед самым началом беспорядков, уехал в Действующую армию, попросту удрал позорно.³ Что делается в Царском — одному Богу известно, никто сейчас не видит дальше своей улицы. Вряд ли все-таки там очень спокойно, но тем лучше. Сегодня мой отец звонил к Танееву,⁴ отцу Вырубовой,⁵ т[ак] к[ак] имеет с ним дела, но оказалось, что тот спешно выехал в Царское к дочери, которая внезапно тяжело заболела — я сильно подозреваю, что кто-нибудь ее стукнул — туда ей и дорога, да и ее патронше⁶ тоже, и ей больше всего. Посмотрим, как будет выполнять свою роль Гвардейский экипаж, но роль, признаться, не из завидных.

Как слух — теперь все слухи и только — сюда вызывает-ся Николай Николаевич⁷ с Кавказа и приедет царь, но последнему что-то не верится — неужели он на это решится, непохоже на него. Что-то будет, Александр Васильевич милый, и чем окончится эта вакханалия, и что с войной будет. А это хуже и страшнее всего.

Пока что в Ревеле и Гельсингфорсе кажется спокойно, судя по сведениям из Генмора, но долго это все-таки не может продолжаться и волнение неизбежно перейдет и на флот. Что делается у Вас и что еще будет делаться, друг мой Александр Васильевич. Сейчас не знаешь чего желать и че-

го ждать. Так хочется думать, что все это ужасное время должно быть, чтобы после было лучше, ну пусть даже в бесконечно далеком будущем. Но пока — пока подумаешь, как торжествуют наши враги, зная, что у нас происходит, и такое отчаяние берет. А откуда-то еще доносятся глухие звуки пальбы по улицам, и это нисколько не способствует улучшению настроения.

Когда я попаду теперь в Ревель — совершенно неизвестно; хотя поезда еще ходят пока, но добраться до вокзала — своего рода фокус — на Литейном стрельба, на Невский не пускают, буду уж пока что сидеть у своих, куда я двинусь с маленьким сыном и впадающей от всего в панику няней.

Только что закрыли воду, хорошо еще, что мы заранее налили ванну и все возможные вместилища, а то просто беда. К сестре звонила сейчас подруга, живущая на Литейном, что там все время стреляют по толпе из пулеметов, будь они прокляты. Не правда ли, простое разрешение продовольственного вопроса — нет хлеба, значит, слишком много народа, и надо это поправить, на то и пулеметы есть. Но это такая мерзость и гадость, что не хочу говорить о ней.

Простите меня, дорогой Александр Васильевич, за нелепое, злое и скучное письмо, — что другое могу я писать Вам сейчас, так скверно на душе и тяжело, хотя я даже не беспокоюсь и не волнуюсь тем, что происходит. Чем все это кончится, неясно, но нет названия и достойного наказания тем, кто довел страну до такого ужасного положения.

Не знаю, как послать Вам это письмо, попробую через Генеральный штаб, это довольно трудно, имея в виду то, что поневоле приходится избегать выходить на улицу. Хуже всего будет, если электричество перестанет гореть и забастует телефон — единственное средство сообщения с внешним миром. Очень тяжело не знать ничего, что делается на фронтах, как армия отвечает на здешние события. Надо же и кончить когда-нибудь это письмо.

До свидания, Александр Васильевич милый.

Пусть Господь хранит Вас, мой дорогой друг, и поможет Вам, я же молюсь и думаю о Вас, как всегда. Пишите мне, что делается у Вас, и еще раз — храни Вас Господь.

Анна Тимирева

Р. С. Пожалуй, не добратья до Штаба, все равно, pošлю просто почтой.

Р. С. Только что по телефону сказали, что в Преображенском полку офицеры идут вместе с солдатами. Слава Богу, что так, по крайней мере можно ожидать положительных результатов.

Л. 173–176.

---

¹ «Дикая дивизия» (Кавказская туземная конная дивизия). Сформирована во время Первой мировой войны из кавказских горцев-мусульман, которые в мирное время были освобождены от воинской повинности. Начальник дивизии — князь Д. П. Багратион. Офицерский состав из русских, главным образом гвардейцев и представителей родовитых кавказских фамилий. Дивизию предполагалось использовать для подавления революционных выступлений солдат и рабочих. В февральские дни 1917 г. «Дикой дивизии» в Петрограде не было.

² 25 февраля 1917 г. был издан указ о перерыве занятий Государственной думы.

³ 22 февраля 1917 г. Николай II отбыл из Царского Села в Ставку в Могилев.

⁴ Танеев Александр Сергеевич (1850–1918) — обер-гофмейстер высочайшего двора, с 1901 г. статс-секретарь его величества, с 1906 г. член Государственного совета по назначению. Главноуправляющий Собственной его величества канцелярией (1897–1917).

⁵ Вырубова (урожд. Танеева) Анна Александровна (1884–1964) — дочь А. С. Танеева. С 1903 г. фрейлина императрицы Александры Федоровны, доверенное лицо и друг царской семьи. Являлась связующим звеном между царской семьей и Г. Е. Распутиным. В 1907 г. вышла замуж за старшего лейтенанта А. В. Вырубова, с которым позднее развелась. После Февральской революции была арестована. Содержалась в Петропавловской крепости, допрашивалась в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В сентябре 1917 г. с группой «опасных монархистов» выслана за границу. На станции Рихимяки высажена тол-

пой солдат, доставлена в Гельсингфорс, а затем в Свеаборг. В сентябре 1917 г. по распоряжению председателя Петроградского Совета Л. Д. Троцкого возвращена в Петроград. В сентябре 1919 г. арестована Петроградской ЧК. 7 октября бежала из-под охраны при переводе с Гороховой, 2, в тюрьму на Шпалерную. В 1920 г. нелегально уехала в Финляндию.

⁶ А. В. Тимирева имеет в виду императрицу Александру Федоровну.

⁷ Николай Николаевич младший (1856–1929) — старший сын великого князя Николая Николаевича старшего (1831–1891). С 1901 г. генерал от кавалерии, в 1905–1908 гг. председатель Совета государственной обороны. В 1905–1914 гг. командующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, в 1914–1915 гг. Верховный главнокомандующий. В 1915–1917 гг. наместник на Кавказе, командующий Кавказским фронтом. С 1919 г. в эмиграции во Франции. Частью русских монархистов был выдвинут кандидатом на императорский престол.

№ 41*

Петроград
Фурштатская, 37

28 февраля – 7 марта [1917 г.]

Милый Александр Васильевич, я только вчера отправила Вам длиннейшее письмо, но я так думаю о Вас все это время и с Вами мне хочется говорить о том, что делается сейчас кругом. Где Вы и что с Вами сейчас, друг мой? Что у нас на флоте? — эти мысли не дают мне покоя и минутами приводят в состояние, близкое к отчаянию. Но я совершенно отказываюсь от мысли передать Вам своим письмом хоть часть того, что я переживаю в эти дни, когда страх сменяется надеждой и безнадежность — минутами непередаваемой радости, может быть, счастья.

Что происходит в Петрограде — рассказать очень сложно, да Вы, вероятно, не хуже меня все это знаете. Если не ошибаюсь, то все войска Петроградского округа на стороне революционного народа — это общепринятый термин, солдаты, между ними и матросы, ходят толпами по улицам с оружием, но никаких враждебных действий против населения не предпринимают, толпа имеет очень дружелюб-

---

* Составители сохранили порядок нумерации автографа.

ный вид, с несколькими матросами и солдатами я говорила, они охотно отвечают на все вопросы, между прочим, все говорят, что войска (находившиеся в Царском), кажется, и Гв[ардейский] экипаж, наверно, перешли на сторону остальных. Царь, говорят, сейчас в Царском,¹ но что он намерен делать — Аллах его ведает. Государственная Дума — центр нового правительства — там заседает комитет 12, выбранный вчера,² и [каких-то] рабочих депутатов,³ между которыми начинает проявляться антагонизм, что безмерно печально — там сидят под арестом кн[язь] Голицын,⁴ Питирим, Курлов⁵ и т[ому] п[одобная] компания и часть министров, кроме, кажется, неуловимого Протопопова, про которого ровно миллион слухов; туда свозят припасы, вроде тех, что были отобраны в Жандармском управлении у нас же на Фурштатской. Много муки «крупичатой!!!»,⁶ окорока, колбасы и... водка, словом, чего только там нет, разве порядка, но его требовать сейчас было бы странно. Во многих местах города полиция устраивает засады и обстреливает с крыш и чердаков толпу и солдат из пулеметов, тогда начинается перестрелка и обыски в домах.

Я сегодня чуть не попала в очень грязную историю — зашла к родителям П. И. Крашенинникова, чтобы справиться, не знают ли они чего-либо о том, что с ним и что делается в Гельсингфорсе, где он находится. День был чудесный, на улицах была полная идиллия с красными флагами, ходили солдаты и носились всевозможных форматов и качеств автомобили с красными знаменами и вооруженными людьми — наполовину солдатами, и все носило крайне мирный характер. Однако, пока мы разговаривали на злободневные темы, под окнами раздался залп, — мы бросились смотреть в чем дело и увидели толпу солдат, стреляющих и спешно лежащих на землю. Я питаю глубокое отвращение к кровавым зрелищам и сейчас же отошла от окна — и вовремя, т[ак] к[ак] две пули его сейчас же пробили и засели в стене в двух-трех шагах от меня — до сих пор звенит в ухе и я хуже слышу левым. Я должна

с прискорбием признаться, что автор этого письма большой трус и ему такие вещи совсем не нравятся. Оказалось, в одном из соседних домов была засада полицейских, обыскали весь наш дом, ничего не нашли и удалились, пообещав на всякий случай спалить дом, если окажется, что укрывают полицию — очень утешительно, нечего сказать. Я очень долго просидела там, т[ак] к[ак] не решалась выходить, пока на улице шла перестрелка, хотя другие были храбрее меня, и ушла только с темнотой, когда все стихло, да еще с прислугой — видите, Александр Васильевич милый, какая я трусиха, даже самой стыдно. Но что поделать, я не боюсь ни толпы, ни солдат, т[ак] к[ак] они в прохожих не стреляют, как правило, но боюсь смертельно попасть в какую-нибудь идиотскую переделку, боюсь шальной пули, пущенной совсем не по моему адресу — брр... неприятно. Это Вам маленькая иллюстрация к нашей жизни.

Много офицеров в Государственной Думе, очевидно, ожидающих директив нового Временного правительства, но вообще, надо сознаться, господа офицеры растерялись и частью попрятались, частью убиты и ранены, небольшая часть пошла вместе с солдатами. К сожалению, последняя часть невелика, благодаря чему порядку очень мало, и в будущем грозит полная анархия в армии. Были жестокие расправы и убийства, хотя много такого было сделано не солдатами, а штатскими людьми. Страшно об этом и думать, а когда подумаешь о том, что то же, может быть, вероятно, будет на кораблях, то становится как-то холодно и жутко, что нарочно начинаешь думать о другом.

Мой дорогой, мой милый друг Александр Васильевич, я не знаю, что Вы сейчас делаете, я не ясно сознаю, что надо теперь делать, но пусть Господь Вас хранит, пусть поможет Вам сделать то, что лучше и нужнее всего теперь для нашей несчастной и любимой Родины, пусть он поможет Вам пережить эти страшные дни ломки всей народной жизни и сохранить Вашу дорожку мне жизнь.

Если возможно — пишите мне с оказиями о том, что делается у Вас — Вы знаете, что о Вас я тревожусь не меньше, чем о самых близких и дорогих мне людях. Сейчас многие занимаются тем, что составляют записки о событиях этих дней — но я неспособна на такое литературное занятие и если и пишу что-нибудь, то только письма и, преимущественно, Вам. На сегодня я окончу, а что уж грядущее нам готовит — это мы увидим завтра. Пока же спокойной ночи, если это возможно, дорогой Александр Васильевич.

1 марта [1917 г.]

Продолжаю письмо с утра, чтобы отвести душу в разговоре с Вами, Александр Васильевич милый. Около 9-ти часов к нам пришла одна знакомая дама с сыном — только что выпущены прапорщиком в штатском платье — что было непозволительно глупо со стороны этого очень славного мальчика. Их дом на Литейном был обстрелян пулеметами, т[ак] к[ак] подозревали в нем засаду полиции, все стекла перебиты, пули запросто пробивали стены, т[ак] ч[то] ночь они провели не из спокойных. Через полчаса после их прихода в нашей квартире был обыск, его увели в Гос[ударственную] Думу, где ему, вероятно, будет дано приказание переодеться в военную форму и явиться в Собрание армии и флота для получения инструкций. Обыск был проделан очень корректно, но забрали все, что было из оружия — какие-то кремневые ружья, винтовку допотопного образца и — это вот жаль немного — немецкую винтовку, привезенную с фронта моим покойным братом. Мои сестры остались очень довольны обыском, т[ак] к[ак] солдаты взломали ящик, который стоял заколоченный и в кот[ором] оказался Энциклопедический словарь. В восторге был и мой сын при виде солдат и все теперь рассказывает, что «солдаты принесут ему ружье, и он пойдет на охоту стрелять булочки (!)». Но все это ужасная ерунда, а большое

и главное — это то, что сегодня царь должен в 3 часа приехать в Государственную Думу и там держать речь. Туда уже проследовал конвой, потом прибудет он, принявший, как говорят, сторону народа. Господи, Александр Васильевич, какое это может быть громадное, безмерное счастье. Александра Федоровна — тоже по слухам, конечно, — куда-то испарилась — и Бог с ней. Ведь это возрождение всех надежд, возложенных на войну, ведь солдаты поголовно говорят, что «дайте здесь управиться, потом пойдем немцев бить, только бы не знать, что за спиной измена». Я ничего не буду писать сейчас, пока не будет новых вестей, — дай-то Бог, радостных.

3 часа. Войска с офицерами и в порядке идут по Шпалерной к Гос[ударственной] Думе. Говорят, царь уже там. Только что звонила в Генмор и говорила со знакомым лейтенантом, говорит, что «у нас» все спокойно. Только что ушел от нас брат Сергея Николаевича — депутат, принесший листок «Известий»⁷ и кучу устных преданий. Приезд в Думу государя — утка; он находится в своем поезде и со своим полком где-то между Москвой и Петроградом, и по последним слухам этот поезд арестован.

Меня очень обрадовала телеграмма, посланная Родзянкой командующим флотами.⁸ Хотя Тимирев говорил, что, кажется, Непенин уже ответил о присоединении Балтийского флота,⁹ а про Вас ему ничего не известно,¹⁰ и обещал справиться и позвонить по телефону. Если бы Вы знали Александр Васильевич милый, как я жду этого звонка, хотя меня больше интересует форма ответа, т[ак] к[ак] содержание можно угадать — по крайней мере, я так хочу этому верить. У меня к Вам просьба, Александр Васильевич милый, пришлите мне приказ по флоту по поводу всего вышеизложенного, если можно, конечно, — мне так хочется его прочитать. Царскосельский дворец занят войсками, государыня говорила по телефону с Родзянкой, но что — пока никто не знает.

2 марта [1917 г.]

Целый день прошел, но никаких известий о том, что Вы ответили на телеграмму Родзянки, нет — по крайней мере я ничего не знаю, и это мучительно, знаете ли, Александр Васильевич.

Сегодня я было подошла на улице к толпе, читающей какой-то листок, но, услышав отрывки фраз, где говорилось о каких-то матросах и о вещах, имеющих отношение к флоту, — повернулась и ушла, т[ак] к[ак] на меня вдруг напал безумный страх услышать что-нибудь нехорошее. Это было глупо, сознаюсь, но за эти дни я все-таки не вполне вменяема стала, да и все тоже. Как трудно справиться со всей массой событий, перемен и слухов, иногда перестаешь соображать в чем дело.

Все-таки жизнь постепенно налаживается, офицеры возвращаются к своим частям, в Городской Думе с завтрашнего дня начинаются заседания по продовольствию. Говорят, что царь в Пскове, где подписал отречение в пользу сына;¹¹ наследник очень плох — корь и кровоизлияние в почки. Регент — Михаил.¹² Кирилл Владимирович популярничает всюду, что довольно противно, и я ему не очень доверяю — вернее, его бескорыстию.¹³ Очень все-таки сомнительно, чтобы удалось спокойно, хотя бы в данный момент, восстановить монархию, хотя бы со всевозможными ограничениями, — уж очень забирает власть партия социалистов. Ну, да что будет — одному Богу известно.

Родзянку войска очень чтут и величают «высокопревосходительством». Новый Кабинет министров довольно-таки похож на кунсткамеру и почти единодушно был освистан в Думе, оно и понятно. Милюков — иностранные дела; он такой, по правде, очковтиратель, что не знаешь — может быть это и хорошо. Шингарев — торговля и промышленность — мой любимец по Гос[ударственной] Думе за необычайную ясность и точность мысли; Гучков¹⁴ — министр военный и... морской — воображаю; впрочем, умен, этого

не отнимешь, хоть и с примесью авантюризма, посмотрим. Годнев¹⁵ — государственный контролер, вот это хорошо, т[ак] к[ак] за ним репутация очень честного человека — это вещь. Министр финансов — миллионер сахарозаводчик Терещенко,¹⁶ за которым одно и несомненное достоинство: он так богат, что ему не стоит красть. Оговариваюсь — все это со слов очевидца, побывавшего в Думе, а Вы знаете, милый Александр Васильевич, что за народ эти очевидцы. Так что Вы, если это письмо попадет Вам все-таки в руки когда-нибудь, берите поправку на время, источники сведений и безмятежную ясность души автора во всех направлениях. Да и какое же это письмо — скорей записки о днях 2-ой революции, обращенные к Вам, т[ак] к[ак] я так привыкла с Вами говорить о всем, что меня волнует, заботит и радует. Да, почти анекдот — сочувствие вызвало назначение Керенского министром юстиции,¹⁷ причем Милюков добавил — ну, уж он-то знает, кто прав, кто виноват. Но, право, он не так плох, юрист по образованию и культурный, безусловно умный человек, не чета левым вроде Чхеидзе¹⁸ или Чхенкели — те форменные кавказские ишаки и всегда приводили меня в уныние в Думе трафаретностью мысли и чисто бабьей непоследовательностью в ее изложении.

Я пишу Вам все это, а на сердце у меня такие кошки скребут — что-то завтра будет. От Сергея Николаевича ни звука, что тоже очень меня тревожит, хотя я и стараюсь убеждать себя, что вряд ли где хуже, чем здесь. Впрочем, сегодня почты нет, уже стрельба.

3 марта [1917 г.]

Сегодня опять новые слухи. Отречение подписано в пользу Михаила, тот подписал его в пользу народа, и предполагается республика.¹⁹ Я не знаю, может быть к этой мысли надо привыкнуть, но пока это так дико кажется, да, может быть, и есть на самом деле. Ну что ж — только бы войну кончить хорошо, это самое главное. Сегодня вечером дол-

жен выйти Манифест об отречении, завтра его получим. Теперь, когда царь разом потерял все, когда сын его к тому же умирает, нехорошо говорить о нем дурно, но Бог ему судья, неужели же нельзя было вести себя в эти дни с большим достоинством, не прятаться и не бросать так своей страны в страшную минуту? Да что говорить об этом — и горько, и стыдно.

Говорят, что не сегодня-завтра должны возобновиться работы на оборону. По-видимому, рабочие ничего против этого не имеют.²⁰

На улицах, особенно около Гос[ударственной] Думы, по-прежнему много народу; между прочим, сегодня я видела довольно комическую картину — процессию, состоящую почти исключительно из баб, которые тонкими голосами пели «Марсельезу»²¹ в русской переделке на манер частушки и шли почти правильными рядами. Господи, как это было глупо!

Очень много празднующихся солдат; им приказано отдавать честь только в строю, но они и этого в большинстве случаев не делают, офицеры в полках только с согласия солдат, и развал, в общем, полный. Очень это производит тяжелое впечатление. Сейчас эти войска — самый опасный элемент в Петрограде, а им обещано, что они не будут из него высылаться, — не знаю, до конца войны или только на первое время.²² Первое положительно ужасно.

Банки открыты, кое-какие магазины тоже. Все ходят с красными значками, лентами, цветами и кокардами — даже дети и собаки — надоело это ужасно и сейчас имеет вид самый пошлый, да и просто бессмысленно — другое было дело, когда этим отличались восставшие от других.

Вернулся с фронта Пуришкевич, в него уже стреляли, кто — неизвестно. Стреляли и в Гучкова, и он уже отказался от своего поста.²³ Этого мне не очень жаль, нельзя, все-таки, чтобы военным министром был штатский человек, но кто на его место будет назначен, это интересно. Не знаю отчего, оттого ли, что я смертельно устала за эту неделю, от

вида ли наших «landsturmen-orden»,^{*} бродящих по Петрограду, от такой ли крутой ломки старого строя, оттого ли, что нет никаких вестей ниоткуда — но у меня смутно и тяжело сегодня на душе, моя милая химера, и так ясно представляется необычайная сложность задачи — внести спокойствие и какой-нибудь порядок во взбудораженную всем происходящим и имеющим происходи[ть] страну.

Да, вот что неплохо — теперь, вероятно, офицерам будет разрешено носить штатское платье вне службы, это так удобно; единственное, что меня огорчает в этом направлении, это то, что Вас я никак не могу себе представить в таком виде — Вы будете иметь вид настоящего «злодея из кинематографической драмы в 5000 метров»; но ведь это, пожалуй, не имеет боевого значения, дорогой Александр Васильевич.

Сегодня начала работать почта, теперь я буду так ждать хоть строчки от Вас, а пока не сердитесь на меня, друг мой Александр Васильевич, что я пишу Вам такую ерунду в такие серьезные минуты, когда, я же знаю это, Вам очень нелегко, и до свиданья на сегодня. Я очень боюсь, что Вы придете в панику от размеров моего послания, и заранее за них извиняюсь. Спокойной ночи, citoyen.^{**}

5 марта [1917 г.]

Я вчера не писала Вам, все ждала, не будет ли письма — хоть бы какого-нибудь старого, написанного Вами давно и задержавшегося в дороге — ничего нет. Сегодня с утра телефоны: звонил младший Муромцев,²⁴ сегодня приехавший из Ревеля, что вчера был на «Баяне» у Сергея Николаевича, что он пока цел и что в Ревеле, благодаря большому такту к[онтр]-адм[ирала] Пилкина, пока лучше, чем в Гельсингфорсе; что вчера вечером из-за угла убит Адриан Ива-

---

* толп ополченцев (нем.).

** гражданин (фр.).

нович, убито несколько человек на «Павле»²⁵ и «Андрее Первозванном»,²⁶ — а впрочем, я могу не беспокоиться, т[ак] к[ак] для этого решительно нет никаких оснований. Последнее замечание прямо трогательно, не правда ли. Но, как это ни странно, но я действительно очень спокойна — все равно никому и ничем помочь я не могу, ничего предотвратить я не в состоянии, я даже не возмущаюсь и не чувствую горя — только мне так холодно, что я сижу в пальто и не могу согреться.

Что Вы, что с Вами сейчас, мой дорогой Александр Васильевич, только Господь Вас хранил, если бы Вы знали, как я молюсь и думаю о Вас эти дни. Как тяжело жить — и как противно минутами. За первым взрывом революции, который я понимаю и принимаю, поднимается такая муть, такая бездна пошлости, сведения личных счетов с гарантией безнаказанности, хулиганства, что становится гадко на душе. Война дело другое, там все понятно, просто и ясно, и нет места всей этой гадости, которую сейчас видишь. Я всегда знала, что Вы выходите часто в море, где с Вами каждую минуту может случиться непоправимое, но никогда я за Вас не боялась, но теперь иначе, мне страшно за Вас и как Вы дороги мне, Александр Васильевич.

Сегодня вернулся из Англии В. Романов,²⁷ приезде которого я бесконечно рада, хотя не имела с ним еще никаких сношений, т[ак] к[ак] знаю, что он может мне дать все сведения, и каковы бы они ни были, я предпочитаю узнать их от него, чем от кого-нибудь другого.

Сейчас мне звонили по телефону, что смертельно ранен кап[итан] 2[-го] р[анга] Поливанов,²⁸ с женой которого мы часто виделись в Гельсингфорсе, а сколько еще таких, о которых ничего не знаешь. Стараешься убедить себя, что все это «частные случаи», что без этого не могло обойтись — но когда эти «частные случаи» касаются людей, кот[орых] знаешь и хорошо относишься, то это очень маленькое утешение.

У меня все перед глазами Адриан Иванович с его умным взглядом и милой улыбкой, и мне дико подумать, что

его нет — нет из-за выстрела в спину какого-то типа — хорошо, что хоть не матросы, все не так горько. Да и помимо всего этого, что еще будет, заводы все стоят — больше двух недель уже, те войска, что в Петрограде, мало на что годятся.

Сейчас при существующих отношениях между солдатами и офицерами, весна на носу, и вряд ли немцы будут ждать, пока у нас все придет в норму. Кроме того, в социально-демократическую республику в России я не верю, т[о] е[сть] в возможность ее осуществления, и совершенно убеждена, что ценой новой тяжелой борьбы страна вернется к монархии — а что до этого еще будет.

Право, сегодня я позавидовала одному глупому и старому дяде, который заявил, что «ему скоро умирать надо и решительно все равно, что после него будет». Это такое простое разрешение всех вопросов, в самом деле, я же начинаю находить, что 2 войны и 2 революции — это очень большая порция для человеческой жизни.

7 марта [1917 г.]

Вместо предисловия.

Дорогой Александр Васильевич, сегодня я получила Ваше письмо от 22–23 февраля. Я очень ждала его, оно такое же милое, как и прежде, но почему-то мне стало очень грустно, когда я прочла его. Оно написано почти 2 недели тому назад — и каких 2 недели! Все так перевернулось за это время, что я уже не знаю, осталось ли что-нибудь от того, что было, иногда мне кажется, что Вы должны были совсем меня забыть за массой последних событий, и это вполне естественно; только мне все-таки грустно. Я не знаю, стоит ли посылать Вам ту грудку листков, которые я исписала в последнее время, думая о Вас непрерывно, — они кажутся мне сейчас очень нелепыми, полными противоречий и лишены смысла. Ну, все равно, они похожи на время, когда были написаны, пожалуй, а Вы, Александр Василье-

вич милый, свободно можете не читать их, если Вам некогда или просто лень — Вы ничего ровно не потеряете. Сегодня как раз день, чтобы окончить мое бессвязное и полное ошибок послание — можно считать беспорядок в городе почти ликвидированным — на заводах работают, кое-какие трамваи ходят, открыты магазины и даже (!!!) происходит на улицах солдатское ученье. Последнему я особенно рада — надоели до смерти эти добрые праздношатающиеся республиканцы с красными кокардами и тряпками и обязательно с папиросами в зубах при виде офицера. Они все же замечательно сознательно относятся к событиям — по крайней мере добрая половина — не лучшие солдаты, кричавшие во время обыска у наших знакомых: «Долой самодержавие — да здравствует царь-батюшка!»

По продовольствию пока очень плохо, хвосты невероятные, если так будет продолжаться, то очень скоро в Петрограде будет настоящий голод. Я упорно твержу себе, что Петроград — не Россия и все не так уж плохо, но стать выше условий, в которых находишься, вовсе не так легко.

Надо ехать в Ревель во что бы то ни стало, но у меня бронхит, кашляю и не выхожу из дому уже 3 дня. Все равно, придется на днях отправляться.

Мне грустно, что Славушка хворает, я всегда любила Вашего мальчика и вспоминаю его — он, верно, совсем меня забыл, а то я попросила бы Вас поцеловать его от меня. Скоро у Вас наступят теплые дни, и он, наверно, поправится и окрепнет.

Здесь очень холодно, все морозы не меньше 7–8°, а послезавтра, по традиции, должны прилететь жаворонки. В детстве было очень интересно выковыривать серебряный гривенник из сладкой булки с изюминками вместо глаз — сейчас нет ни булок, ни гривенников, да пожалуй и самое занятие потеряло свою прелесть.

До сих пор я еще ничего не знаю ни о ком из своих гельсингфорсских и ревельских друзей, не знаю, кто жив, кто нет, и как это печально. Я буду ждать письма от Вас, Алек-

сандр Васильевич милый, пишите мне, если Вам не очень будет лень, в Ревель.

Вы высказываете в конце письма предположение, что «может быть, я не забуду Вас совсем» — нет, я не забыла Вас, Александр Васильевич. Да хранит Вас Бог, друг мой.

Анна Тимирева

Пересчитала листы... 7!!! В сущности, бессовестно писать такие письма занятому человеку, и я смиренно прошу Вас простить меня за это.

Л. 180–192.

---

¹ Николай II возвратился в Царское Село только 9 марта 1917 г.

² 27 февраля 1917 г. частным совещанием членов Государственной думы был создан Временный комитет Государственной думы (ВКГД) из 13 человек, который в ночь на 28 февраля взял «в свои руки восстановление государственного порядка». После образования 2 марта Временного правительства деятельность ВКГД свелась к проведению частных совещаний членов Государственной думы, на которых обсуждалась политическая обстановка в стране. В связи с началом выборов в Учредительное собрание 6 октября 1917 г. ВКГД был упразднен.

³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов был образован 27 февраля 1917 г., заседал в Таврическом дворце. Председателем Исполкома был избран лидер меньшевистской фракции Государственной думы Н. С. Чхеидзе. В ночь на 2 марта Петроградский Совет добровольно передал власть буржуазному Временному правительству.

⁴ Голицын Николай Дмитриевич (1850–1925) — князь, действительный тайный советник, сенатор. В 1885–1903 гг. архангельский, калужский, тверской губернатор. С мая 1915 г. председатель Особого комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах. С 24 ноября 1916 г. член Государственного совета по назначению. С 27 декабря 1916 г. по 27 февраля 1917 г. председатель Совета министров царской России. Остался с семьей в Петрограде. Расстрелян по постановлению коллегии ОГПУ.

⁵ Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) — генерал-лейтенант. В 1905–1906 гг. минский губернатор. В 1909–1911 гг. товарищ министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов. После убийства премьер-министра П. А. Столыпина в отставке. С началом Первой мировой войны возвращен на службу, назначен помощником начальника Двинского военного округа и особоуполномоченным Прибалтийского края

на правах генерал-губернатора. 3 августа 1915 г. отчислен в резерв Двинского военного округа. 3 ноября того же года переведен в резерв при Штабе Петроградского военного округа. Осенью 1916 г. исполнял обязанности товарища министра внутренних дел, не занимая эту должность официально. С 3 декабря 1916 г. в отставке. В августе 1918 г. бежал из России.

⁶ Крупчатка — белая пшеничная мука лучшего помола.

⁷ С 28 февраля 1917 г. начала выходить газета «Известия» — орган Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

⁸ Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) — крупный земледелец. В 1877 г. окончил Пажеский корпус. В 1877–1882 гг. служил в Кавалергардском полку, в чине поручика вышел в запас. Занимал различные должности в земских организациях Екатеринославской и Новгородской губерний. Один из основателей «Союза 17 октября». Депутат III и IV Государственных дум от Екатеринославской губернии. С 22 марта 1911 г. председатель III, а с 15 ноября 1912 г. — IV Государственной думы. В дни Февральской революции поддерживал связь с Николаем II, Ставкой, великим князем Михаилом Александровичем, штабами фронтов. 27 февраля возглавил ВКГД. После Октябрьской революции уехал на Дон. В 1920 г. эмигрировал в Югославию.

27 февраля М. В. Родзянко направил телеграммы командующим Балтийским и Черноморским флотами адмиралам А. И. Непенину и А. В. Колчаку, в которых сообщал о событиях в Петрограде — о переходе власти к ВКГД — и просил флот соблюдать спокойствие.

⁹ Командующий Балтийским флотом адмирал А. И. Непенин первым из высших воинских начальников признал власть ВКГД, а 2 марта 1917 г. присоединился к мнению главнокомандующих фронтами об отречении Николая II в пользу наследника.

¹⁰ Командующий Черноморским флотом адмирал А. В. Колчак поддержал образование ВКГД как органа порядка и доведения войны до победного конца. В приказе по флоту 2 марта 1917 г. он призвал всех военнослужащих Черноморского флота «выполнять свой долг перед Государем Императором и Родиной». Вместе с тем ответная телеграмма Колчака на обращение начальника Штаба верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексева от 2 марта к командующим фронтами о необходимости отречения Николая II в пользу сына при регентстве брата Михаила отсутствует.

¹¹ 2 марта 1917 г. в 15 час. 5 мин. Николай II подписал Манифест об отречении в пользу брата — великого князя Михаила Александровича. Однако в проекте манифеста речь шла об отречении в пользу сына Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича.

¹² Михаил Александрович (1878–1918) — великий князь, младший брат Николая II, генерал-майор Свиты его императорского величества, член Государственного совета. В Первую мировую войну начальник Кавказской туземной дивизии, затем 2-го Кавказского корпуса. В 1918 г. выслан из Гатчины в Пермь, где был убит в ночь на 13 июня.

¹³ Кирилл Владимирович (1876–1938) — великий князь. Внук Александра II, старший сын великого князя Владимира Александровича,

двоюродный брат Николая II. Контр-адмирал Свиты его императорского величества (23 февраля 1915). В 1896 г. окончил Морской кадетский корпус, а в 1912 г. Военно-морской отдел Николаевской морской академии. Один из немногих спасшихся во время взрыва крейсера «Петропавловск» 31 марта 1904 г. при выходе из Порт-Артура. В 1905 г. вступил в брак со своей кузиной великой княгиней Викторией Федоровной. Николай II этот брак не утвердил и приказал Кириллу Владимировичу покинуть Россию, лишив его должностей и званий. В 1908 г. Кирилл Владимирович возвращен на службу в прежнем чине капитана 2-го ранга. Находился на строевых и штабных должностях. 16 марта 1915 г. назначен командиром Гвардейского флотского экипажа, в обязанность которого входила охрана царской семьи, казенных зданий, дворцов. 28 февраля 1917 г. вместе с подчиненными ему войсками перешел на сторону ВКГД. Моряки Гвардейского флотского экипажа заняли Николаевский и Царскосельский вокзалы, чтобы не допустить прибытия верных царю войск. 1 марта Кирилл Владимирович вместе с экипажем пришел в Таврический дворец, чтобы выразить радость по поводу свершившейся революции. Он признал Временное правительство, отказался от престола и удельных земель. Сам факт нарушения присяги Кириллом Владимировичем вызвал резкую критику и осуждение у ряда современников. 6 июня 1917 г. Кирилл Владимирович вместе с семьей уехал в Финляндию, где оставался до 1920 г., после чего переехал во Францию. Проживал в Сен-Бриаке в Бретани. В 1922 г. объявил себя местоблюстителем императорского престола, а 31 августа 1924 г. в Кобурге «императором российским» Кириллом I. Однако большинство монархистов и вдовствующая императрица Мария Федоровна его не признали. Кирилл Владимирович выступал за соединение советской и царской власти и восстановление в СССР династии Романовых.

¹⁴ Гучков Александр Иванович (1862–1936) — один из основателей партии октябристов. В 1916–1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета, сторонник дворцового переворота. 2 марта 1917 г. вместе с В. В. Шульгиным принял отречение Николая II от престола. 2 марта – 30 апреля 1917 г. первый военный и морской министр Временного правительства. В мае возглавил Общество экономического возрождения России, стремившегося к установлению буржуазной военной диктатуры. Был причастен к попытке государственного переворота во главе с генералом Л. Г. Корниловым. Участник белого движения. В эмиграции.

¹⁵ Годнев Иван Васильевич (1856–1919) — помещик. В 1878 г. окончил медицинский факультет Казанского университета. После защиты диссертации в 1882 г. получил степень доктора медицины. Приват-доцент Казанского университета (1886). Депутат III и IV Государственных дум. Член партии октябристов. Входил в Прогрессивный блок. 27 февраля 1917 г. стал членом ВКГД, назначен комиссаром над Сенатом. Со 2 марта по 24 июля 1917 г. занимал должность государственного контролера во Временном правительстве. Умер 29 мая 1919 г. в Уфе.

¹⁶ Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) — крупный землевладелец, сахарозаводчик и финансист. Окончил Киевский и Лейпцигский

(Германия) университеты. После 1910 г. масон, входил в «масонскую пятерку» (А. И. Коновалов, Н. В. Некрасов, А. Ф. Керенский, И. Н. Ефремов). Депутат IV Государственной думы. Во время Первой мировой войны участвовал в создании госпиталей Красного Креста, товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета. Со 2 марта 1917 г. министр финансов, а с 5 мая министр иностранных дел. 25 октября арестован в Зимнем дворце и отправлен в Петропавловскую крепость. Весной 1918 г. освобожден. Эмигрировал в Западную Европу.

¹⁷ Керенский Александр Федорович (1881–1970). С 1899 по 1904 г. учился на историко-филологическом, а затем на юридическом факультете Петербургского университета. По его окончании принят в коллегия адвокатов. Приобрел известность, выступая защитником на политических процессах. Депутат IV Государственной думы по списку Трудовой группы, с 1915 г. председатель фракции Трудовой группы. В 1912 г. принят в масонскую ложу «Великий Восток народов России». С 1916 г. генеральный секретарь «Великого Востока». Во время Февральской революции член ВКГД и товарищ председателя Исполкома Петроградского Совета. 2 марта 1917 г. вопреки запрещению Исполкома занял пост министра юстиции во Временном правительстве. В мае – сентябре 1917 г. военный и морской министр, а с 8 июля также и министр-председатель, с 30 августа одновременно Верховный Главнокомандующий. В сентябре возглавил «Директорию», а затем 3-е коалиционное правительство. 25 октября бежал из Петрограда в штаб Северного фронта, чтобы организовать сопротивление большевикам, но потерпел неудачу. Перешел на нелегальное положение, в июне 1918 г. эмигрировал.

¹⁸ Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926). Из дворян. Окончил кутаисскую гимназию. Один из основателей первой социал-демократической организации в Закавказье. С 1903 г. меньшевик. Депутат III и IV Государственных дум от Тифлисской губернии. После Февральской революции член ВКГД (27 февраля – 2 марта 1917), председатель Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (февраль – август), председатель ВЦИК 1-го созыва (с июня 1917). Октябрьскую революцию встретил враждебно. В феврале – мае 1918 г. председатель Закавказского сейма. С марта 1919 г. председатель Учредительного собрания Грузии. После установления в Грузии в 1921 г. Советской власти эмигрировал во Францию. Закончил жизнь самоубийством.

¹⁹ 3 марта в квартире княгини О. П. Путятиной на Миллионной ул., д. 12, великий князь Михаил Александрович подписал акт об отречении от престола. Решение о форме будущего государственного правления должно было принять Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

²⁰ 5 марта 1917 г. Петроградский Совет принял постановление о возобновлении работ на заводах и фабриках города.

²¹ «Марсельеза» — французская революционная песня, государственный гимн Франции. Автор текста и музыки — французский военный инженер К. Ж. Руже де Лиль. Написана во время французской буржуаз-

ной революции в апреле 1792 г. В России получила распространение в 80–90 гг. XIX в.

²² Согласно п. 4 приказа № 2 Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов войска Петроградского гарнизона на фронт не выводились, а оставлялись в городе для предотвращения выступлений вооруженной контрреволюции.

²³ В ночь на 2 марта 1917 г., когда А. И. Гучков объезжал части Петроградского гарнизона, его автомобиль был обстрелян солдатами Измайловского полка. Находившийся с ним князь Вяземский получил смертельные ранения. 3 марта, после подписания акта об отречении великим князем Михаилом Александровичем, Гучков заявил о выходе из правительства, но затем изменил свое решение.

²⁴ Муромцев 2-й Николай Владимирович (1891–?) — лейтенант (6 декабря 1914). В 1911 г. окончил Морской кадетский корпус. 14 июня 1915 г. переведен во 2-ю бригаду крейсеров Балтийского флота, 9 апреля 1916 г. назначен исполняющим должность старшего флаг-офицера штаба начальника 2-й бригады крейсеров Балтийского флота. Уволен со службы 31 января 1918 г.

²⁵ «Император Павел I» — линейный корабль Балтийского флота (с 16 апреля 1917 — «Республика»). Заложен в 1904 г. в Санкт-Петербурге, вступил в строй в 1912 г. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. С сентября 1918 г. находился на долговременном хранении, в ноябре 1923 г. сдан для разборки на металл.

²⁶ «Андрей Первозванный» — линейный корабль Балтийского флота. Заложен в 1905 г. в Санкт-Петербурге, вступил в строй в 1912 г. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. С 1 сентября 1920 г. сдан на долговременное хранение, в декабре 1923 г. разобран на металл.

²⁷ В. В. Романов возвратился в Петроград 4 марта 1917 г.

²⁸ Поливанов 2-й Михаил Митрофанович (1883–1917) — капитан 2-го ранга (6 декабря 1915). В 1902 г. окончил Морской кадетский корпус, а в 1910 г. Минный офицерский класс. Участвовал в обороне Порт-Артура, в сражении в Желтом море 28 июля 1904 г. Старший офицер крейсера «Рюрик» (1913–1915). В 1916–1917 гг. командир эсминцев «Сторожевой» и «Уссуриец». Убит 3 марта 1917 г. матросами в Гельсингфорсе на «Уссурийце». Список офицеров, убитых в Гельсингфорсе и Кронштадте, см. в примечании 2 к письму № 43.

№ 40

Петроград
Фурштатская, 37

11 марта [1917 г.]

Милый Александр Васильевич, 7-го кончила бесконечное письмо Вам и отослала его на квартиру Романова с прось-

бой доставить по адресу — а сегодня узнала, что с тех пор он не был дома и письмо так и лежит. Но я не хочу, чтобы Вы могли подумать, Александр Васильевич милый, будто я Вас забыла — уж очень это далеко от истины. О том, что делалось в Черноморском флоте, я знаю в очень общих чертах — что Вы вывели его к Босфору и, выдержав там до приблизительного выяснения обстоятельств, возвратились в Севастополь с флотом, уже присоединившимся к Временному правительству.¹ Вы поступили так, как можно было ожидать от Колчака, и заставили меня пережить минуты огромной и гордой радости за Вас. Сейчас, судя по газетам, у Вас все спокойно, но газеты врут, как могут, может быть, еще больше, чем раньше, — не говоря об умолчаниях. На душе с каждым днем тяжелее, другой раз берет прямо отчаяние при виде анархии в армии и флоте, с одной стороны, и неизбежного немецкого наступления, с другой, потерявшей всякое чувство меры массы солдат и рабочих и безмозглой, пошлой и бессильной до мозга костей «интеллигенции», до странности не понимающей значения этой войны. Характерны митинговые заявления о том, что война есть зло (открыли Америку, нечего сказать!), и о равенстве народов вообще — немцы тоже люди, а потому — долой войну! О идиоты!

Заводы работают плоховато, некоторые стоят вовсе. Помимо убитых и забракованных на флоте командой офицеров, некоторые уходят сами, заявляя, что при таких обстоятельствах служить не могут, этого я понять не могу, нет, не то чтобы понять, а принять, что ли. Сергей Николаевич старается писать мне бодрые письма даже юмористического характера, но шито белыми нитками, что ему очень трудно. Он очень тронул меня тем, что в почти каждом письме писал мне все, что знал о Вас, зная, что мне это важно, а узнать, в сущности, неоткуда. Как только получу разрешение на выезд — еду в Ревель, сына придется пока оставить здесь, невозможно его везти при теперешних условиях езды, а я не хочу дольше оставлять Сергея Николаевича одного в такое время.

В Кронштадте творится что-то невероятное по зверству и бессмысленной жестокости, матросы — хозяева положения — и какие хозяева! По обыкновению все спешат с восторгом сообщить мне — жене морского офицера — даже самые отвратительные подробности, говорят, захлебываясь, с какой-то непостижимой кровожадностью и бессознательным злорадством. Я совершенно отказываюсь понимать эту жестокость у людей незлых и даже неглупых. Сейчас я, право, завидую людям, офицерам, которым хоть и очень трудно, но которые считают себя искренне правыми и жертвами какой-то нелепой, налетевшей извне случайности. С каждым днем у меня растет определенное и очень тяжелое чувство, что на каждом из нас лежит часть огромной вины за все, что происходит, что все мы виноваты, и я не нахожу в себе даже сил возмущаться. Много раз я вспоминала Ваши слова о компенсации, Александр Васильевич, и только теперь, может быть, поняла всю их горькую правду. О Вас многие думали и тревожились на флоте, Александр Васильевич милый, не я одна; в самые страшные дни здесь, Вы видите — Вас не забыли.

Сегодня значительно теплее, чем последнее время; но сейчас я, несмотря на то, что холод надоел до смерти, — панически боюсь наступающей весны и вместе с ней — немцев. Ведь нельзя же закрывать глаза на то, в каком состоянии армия — политика и то, как бы не допустить случайного обращения на «ты» со стороны офицера, на первом месте, а о том, что враг на носу, забыли и думать. Может быть, крупный успех на фронте будет кстати и заставит всех понять, что надо делать — но цена-то небольшая, да и то, что будет — бабушка надвое сказала. Вероятно, это письмо очень неуместное, и чем писать такое — лучше бы просто помолчать; но я так устаю «бодриться», что, говоря с Вами, решительно не в состоянии не писать того, что таким камнем лежит на сердце. Простите же мне, друг мой Александр Василье-

вич, это послание и не забывайте меня окончательно, я же думаю о Вас, как всегда.

До свидания.

Пусть Господь Вас сохранит и поможет Вам, милый Александр Васильевич.

Анна Васильевна

Л. 177–179.

---

¹ Опасаясь восстания моряков на судах Черноморского флота, 3 марта 1917 г. по приказу адмирала А. В. Колчака 2-я бригада линейных кораблей в составе «Евстафия» и «Иоанна Златоуста» в сопровождении бригады миноносцев вышла в море для проведения практических стрельб. В первые же дни революции флот в море не выходил. Однако некоторые боевые корабли находились в состоянии полной боевой готовности на случай появления неприятеля. Подробнее об этом см. в интервью А. В. Колчака в газете «Новое время» от 22 апреля 1917 г.

№ 42

Ревель
Судебная, 8

15–18 марта [1917 г.]

Дорогой друг мой Александр Васильевич, вернувшись сегодня из Петрограда, я нашла у себя на столе письмо Ваше от 6-го. Другое, полученное ранее, уехало искать меня в Петроград, и я получу его еще дня через 2, вероятно. Что сказать мне Вам, Александр Васильевич милый? И горько, и радостно было мне читать Ваше письмо — Вы все-таки помнили обо мне [в] эти страшные дни.

А последнее время мне все казалось, что последние события совсем стерли меня из Вашей памяти и что с этим уходит из моей жизни какая-то большая ценность — и так пусто. Я рада, что не в Петрограде больше, т[ак] к[ак] от всей души возненавидела этот город; за последнее время там большое количество людей форменно сходит с ума — и я это вполне понимаю. Что бы ни говорили, диктатура

черни — глубоко отвратительное явление. Толпа, очень добродушная в первые дни переворота, с каждым днем приобретает все более зверский вид — тяжело глядеть на эти лица. Здесь мне как будто легче, город маленький и тихо, а я так устала. Помните, я так жалела, что не приходится жить в Гельсингфорсе; сейчас я не могу думать о нем без отвращения после безобразных и нелепых убийств, арестов, издевательств над мертвыми. Весь этот город кажется чем-то мрачным и враждебным, и я не хотела бы его видеть.

Никаких мер против убийцы Адриана Ивановича не предпринимается — считаются с командами; в их руках сила, а они прямо ненавидели Непенина, как выяснилось. Я говорила на эту тему с депутатом Г[осударственной] Думы — братом С[ергея] Н[иколаевича], спрашивала его, неужели делу не будет дан ход, рассказывала, какое удручающее впечатление это производит на офицерский состав и как действует на команды — по-видимому, власть бессильна что-нибудь сделать. А пока разрозненным, потерявшим многих офицеров — и каких — флотом, с Кронштадтом, где царит матросский произвол, в тылу командует... Пойга Максимов,¹ препротивное ничтожество, с моей точки зрения. Кандидатами называют Вас и Вердеревского. Вердеревский отказался (пока, надо думать), а Вы нужны у себя. Я не верю тому, что Вы пишете о своем намерении просить о смене, хотя и тени мысли у меня нет приписывать Вам малодушие, Вы хорошо знаете это. Я знаю, что если можно сделать что-нибудь на Вашем месте, то Вы можете сейчас сделать больше, чем кто-либо — вот и все. С тем же, что война при данных условиях почти безнадежна, я согласна вполне; я не верю в немецкую революцию, единственную нашу надежду.

Остается одно — чудо. Если и этого не будет, у меня остается еще желание: не видеть нашего разгрома и поражения. Но пока не все потеряно, хочется надеяться на что-то хорошее, безумно, вопреки всему — как же жить иначе, Александр Васильевич милый, скажите?

17 марта [1917 г.]

Сегодня вернулась из Петрограда Е. И. Крашенинникова и привезла мне обратно Ваше письмо, милый Александр Васильевич, глубоко тронувшее меня. Как мне дорога Ваша память обо мне, Ваши слова, Ваша далекая нежность в такие дни, какая радость они мне. Спасибо Вам за все, дорогой мой друг Александр Васильевич. Не знаю, получаете ли Вы мои письма по почте — я писала Вам раза два в разгар событий, но теперь письма ходят фантастически.

Сегодня газеты совсем хороши — наконец находится узда на Совет солдатских и рабочих депутатов и с ним начинают разговаривать надлежащим тоном, у меня Ваше письмо, такое милое, а днем — сильная весенняя оттепель с ярким солнцем — все вместе привело меня в прекрасное состояние духа, и так хочется верить, что ничего — мы еще повоюем! Мне стало даже завидно читать о батумских цветах — а здесь ничего, кроме голых прутьев! Впрочем, на столе у меня стоят нарциссы, белые с нежным и сильным запахом. Я их люблю — а Вы? Надо кончать на сегодня, спокойной ночи, Александр Васильевич милый.

18 марта [1917 г.]

Сегодня солнечный день, тает, и с высоты Вышгорода у Ревеля такой же игрушечно-мирный вид, как и всегда. Да, внешне он очень мало изменился, одно неприятно поражает — выкрашенные в красный цвет кокарды на фуражках — точно рана на голове. Кажется, это местное измышление и нигде этого нет. После Петрограда прямо рай. Все же здесь как-то пусто, большинства из постоянных, своих людей нет. Что меня искренне огорчает, это отсутствие Стеценко, его нет и на службу он уже, очевидно, не вернется, да по правде, где же ему служить при новых порядках. Но мне жаль хорошего человека и прекрасного собеседника.

Вы, вероятно, знаете, скончалась бедная жена Адриана Ивановича; у нее была какая-то сердечная болезнь, и она не выдержала потрясения. Очень жаль ее; несчастная семья — и у сестры ее муж убит. Здесь упорно говорят, что застрелился В. Н. Потемкин,² сидевший под арестом; его очень не любили, человек он крутой и жестокий с командой, и обращались с ним после ареста грубо. Но к нему так не подходит представление как о мертвом, что все не верится.

Максимов старается всюду, присягнув даже Совету солдатских и рабочих депутатов — хотя этого и не требуется — просто от излишнего усердия — подлая душа. Я не могу слышать о нем хладнокровно, противно его популярничанье, заискивание у нижних чинов, подчеркивание осуждения и неуважения к памяти Непенина. Вы знаете, когда хоронили Адриана Ивановича, был отдан приказ, чтобы офицеры не присутствовали на похоронах, во избежание беспорядков — и за гробом шли только Бахирев и Беренс. Кажется, Бахирев уходит. Вообще на адмиралов у нас теперь большая бедность, просто никого нет. Что-то у Вас делается? Последнее время читала в газетах о налетах на Тульчу и Деркос, о гибели у Зунгулдака турецкого миноносца — по-видимому, жизнь идет по-старому. Но я хотела бы знать, что делаете, что думаете Вы, моя дорогая химера?

Вы не гадаете больше на картах? В дни революции в Петрограде мы, пять сестер, гадали на все лады, сами себе и друг другу, по целым дням, чем приводили маму в немалое негодование. Когда свои способности истощались, прибегали к помощи старой тети, что продолжалось почти до утреннего кофе — вроде Вас. Я только сильно сомневаюсь, чтобы Вы занимались гаданием у дамы, похожей на старую тетку. Надо поскорее кончать письмо — сегодня идет с «Баяна» унтер-офицер, и можно послать письмо с ним в Генмор Романову, а он перешлет его Вам.

На той неделе или на Страстной собираюсь говеть, что не делала уже лет 5–6.

До свидания, дорогой Александр Васильевич.

Пусть Господь Вам поможет и сохранит Вас, друг мой.

Анна Тимирева

Л. 194–198.

---

¹ Максимов Андрей Семенович (1866–1951) — вице-адмирал (10 апреля 1916). Родился в г. Николайштадт Улеаборгской губернии Великого Княжества Финляндского. В 1887 г. окончил Морское училище. Участник обороны Порт-Артура и сражения в Желтом море 28 июля 1904 г. В 1914–1915 гг. командовал 2-й, а в 1915 г. 1-й бригадой линкоров Балтийского моря. С 19 июля 1915 г. назначен исполняющим должность начальника Минной обороны Балтийского моря. После Февральской революции избран командующим Балтийским флотом (4 марта – 2 июня 1917). 6 сентября 1917 г. назначен начальником Морского штаба Верховного главнокомандующего. В 1918 г. перешел на службу в Красный флот. С 1927 г. в отставке.

В прозвище «Пойка Максимов» (poika — *финск.* парень) нашло отражение полуфинское происхождение адмирала.

² Потемкин Владимир Николаевич (1885–1938). Окончил Морской кадетский корпус в 1903 г. Участвовал в Цусимском сражении на миноносце «Громкий». С 6 декабря 1914 г. старший лейтенант. В 1915 г. старший офицер эскадренного миноносца «Уссуриец». Впоследствии в эмиграции, старшина Парижской кают-компании (1930–1931).

№ 44

Ревель
Судебная, 8

20–21 марта [1917 г.]

Дорогой Александр Васильевич, я недавно отослала Вам письмо, но сейчас мне как-то захотелось снова поговорить с Вами — можно? Тает, тает, слякоть и грязь, и таких луж, как в Ревеле, я, право, нигде не видела — перед домом, где живут Крашенинниковы — целое море, 35 шагов в длину и около 15–20 в ширину, это вещь. При солнце все имеет

вид забавный, но в такой черный, туманный и мерзкий день, как сегодня, *c'est triste a en pleuru*.^{*} Я совершенно не знаю, что мне с собой делать — дома все делается более или менее автоматически, сын мой остался в Петрограде, т[ак] ч[то] я усиленно стараюсь вставать возможно позже (что мне блестяще удастся), читаю историю Французской революции и гадаю — будет мне письмо из дальней дороги или нет. Люди здесь «бодрятся», т[о] е[сть] стараются смотреть на события с юмористической точки зрения, только юмор выходит довольно похоронный. Кроме того, с угрожающей быстротой развивается у большинства творческая фантазия — не город, а какое-то сплошное утководство,¹ да это, положим, везде. К моему удовольствию оказалось фантазией досужего газетчика сообщение о смерти О. В. Непениной, о чем я Вам писала. Если подсчитать, то мне за последние три недели пришлось похоронить таким образом $\frac{3}{4}$ своих добрых знакомых, потом благополучно воскресающих в третий или другой какой-нибудь день. Сюда приехал Развозов² — новый начальник Минной дивизии, восторженно встреченный даже «товарищами». Как-то мало кого здесь видишь, разве на улице; подвернулся на днях меланхолический Гигуша Рюмин,³ крайне подавленный тем, что его сменила команда, не без основания мотивировавшая этот свой поступок тем, что «хотя человек он хороший, но, выходя с ним в море, никогда не знаешь, куда придешь». Иногда заходит Б. Муромцев. Даже кинематограф исчез из обихода — программы уж очень злободневны: «В борьбе обретешь ты право свое», «Под звуки Марсельезы», «Кровоопийцы» — все в этом стиле, а право же, надоело все это донельзя, как красный цвет. Иногда так хочется забыть про все на свете, спрятаться от газет, не читать, не говорить и не слушать о всем, что делается, греться на солнышке и радоваться чему-нибудь большому, простому и хорошему — и не имеющему ни малейшего отношения к политике.

---

^{*} это слезы печали (фр.).

Где Вы сейчас, друг мой, и что делаете? Как давно не виделись мы с Вами — больше восьми месяцев, да еще таких, которые свободно могут сойти за 8 лет, как Вы думаете, Александр Васильевич милый? И сейчас я думаю: Вы все такой же, как прежде, или изменились, и как? И как, и где мы встретимся, если это вообще будет когда-нибудь? Я бы хотела повидать Вас хоть ненадолго; я уже не помню и не вижу Вашего лица, это всегда бывает, когда о ком-нибудь много думаешь, но мне это грустно. Ну, да что поделывать. Уже поздно, скоро 2 ч[аса] и надо ложиться спать. Спите и Вы, милый Александр Васильевич. Мне очень хочется получить от Вас завтра большое, бодрое и милое письмо, — а то я постепенно впадаю в ничтожество, что же тут хорошего!

21 марта [1917 г.]

Сегодня Ваш курьер принес мне два письма, одно от Вас, другое от Марии Семеновны — и тронувшее, и удивившее меня своей искренней нежностью; хороший она человек. Ваше письмо написано во время похода — какое счастье, что Вы имеете возможность выходить в море. Может быть, будь эта возможность у нашего флота, не было бы многого из того, что здесь происходило и о чем говорить так больно и тяжело. Да лучше, пожалуй, и не говорить вовсе и, как говорится в котором-то пункте амнистии, «предать забвению». Помимо воспоминаний, впереди столько тяжелого и страшного — во всех отношениях. Говоря о расплате Балтийского флота, Вы, вероятно, правы, и даже наверно. Но по поводу Ваших слов я могу сказать только одно — Вы умеете быть жестоким, Александр Васильевич, если бы Вы умышленно хотели сделать мне больно, — вряд ли можно было найти слова более пригодные для этого. Но я не обвиняю Вас, мой дорогой друг, зная, что самому Вам нелегко, не легче, чем всем нам. Почему Вы не прислали мне того, что писали в первые дни

переворота? Мне очень жаль это, а то, что Вы говорите о каком-то беспокойстве и неудовольствии, я не могу же принимать серьезно.

Сегодня у нас обедал к[онтр]-ад[мирал] Пилкин, очень он умный человек — каким-то не очень убедительным и привлекательным умом, но все-таки. Завтра должен вернуться из Петрограда Вердеревский, вероятно, привезет много интересного; а потом у этого человека такой запас энергии и бодрости, что это действует на всех заразительно.

Милый Александр Васильевич, напишите мне, что Софья Федоровна; я часто вспоминаю ее, думаю, как ей дались последние недели, но не знаю ровно ничего, и Мария Семеновна тоже не пишет.

Скоро Пасха, где будете Вы ее встречать, дома или уйдете в море по своему обыкновению. Больше всех праздников я люблю этот, самый торжественный и трогательный, да еще и весенний. Большой минус только то, что я так увлекаюсь окраской яиц, что у меня на заутрене не руки, а какая-то радуга, не смывающаяся никакими средствами.

Надо все-таки кончать, уже поздно.

До свидания, Александр Васильевич милый, Вы пишете — не забывайте меня — я не забываю Вас никогда.

Пусть Господь Вас хранит и поможет Вам.

Анна Васильевна

Под текстом письма помета А. В. Колчака синим карандашом: «[Получено] — 5/IV».

Л. 203–208 об.

---

¹ Утка — ложный слух.

² Развозов Александр Владимирович (1879–1920) — контр-адмирал (7 июля 1917). В 1898 г. окончил Морской кадетский корпус. Участник обороны Порт-Артура и сражения в Желтом море 28 июля 1904 г. В 1914–1917 гг. командовал 5-м, 9-м и 2-м дивизионами миноносцев Балтийского флота. 22 марта 1917 г. назначен командующим Минной дивизией. С 7 июля по 5 декабря 1917 г. командующий Балтийским фло-

том. Уволен в отставку 7 декабря 1917 г. С 12 по 20 марта 1918 г. вновь назначен командующим Балтийским флотом, затем арестован, но вскоре освобожден. В сентябре 1919 г. арестован Петроградской ЧК по обвинению в военном заговоре. Умер в тюремной больнице от аппендицита. Похоронен на Смоленском кладбище.

³ Рюмин Георгий Митрофанович (1878–?) — капитан 2-го ранга (6 декабря 1912). В 1897 г. окончил Морской кадетский корпус. Участвовал в Цусимском сражении на эскадренном броненосце «Орел», был ранен и контужен. Командовал эсминцем «Боевой» (1909–1914), транспортом «Рига» (1914–1916), эсминцем «Забайкалец» (1916–1917). Зачислен в резерв чинов Морского министерства (с 4 апреля 1917). Член Комиссии по эвакуации Петроградского района (1918).

№ 43*

Ревель
Судебная, 8

24 марта [1917 г.]

Христос Воскресе! Дорогой Александр Васильевич. Я бы похристосовалась с Вами по установленной традиции, но Вы так бесконечно далеко. Разве мысленно, Александр Васильевич милый? Посылаю Вам самое маленькое яичко, которое удалось найти для посылки в письме.

Вчера я получила Ваше письмо от 17-го, посланное по почте в Петрограде и привезенное мне сюда с оказией. Меня не удивляет, что до Севастополя доходят чудовищные слухи, — и мы-то ничего толком не знаем, и с одного берега Финского залива на другой передаются сведения чисто легендарные. Каковы же они должны быть, дойдя до Крыма, — могу себе представить.

Слава Богу, Сергей Николаевич пока жив и благополучен и даже не имел сколько-нибудь серьезных столкновений с командой — у него (тоже пока) ни один офицер с корабля не списан, что по нынешним временам редкость. Что будет дальше — посмотрим.

---

* На первой странице письма помета А. В. Колчака синим карандашом: «1-IV».

Что же касается Лодыженского,¹ то с ним «совсем наоборот» плохим слухам: он проявил большие ораторские способности, очень популярен и командует «Андреем Первозванным» по выбору команды. Было даже напечатано подписанное им воззвание — устроить сбор на постройку миноносца под названием «Свобода». Вот все, что могу сообщить Вам о нем.

Я достала список убитых офицеров, вот он: Гельсингфорс — Непенин, Небольсин, ген[ерал] Протопопов, Поливанов, Рыбкин, Репнинский, Варзар, Яновский, Майдель (младший), Бубнов, Ланге, Михайлов (лейтенант), Битенбиндер, Воробьев, Шиманский, Якобсон, и[нженер]-мех[аник] Герасимов, Пашкевич, Нейберг, Плешков, Вуич. Кронштадт — Вирен, Бутаков, Стронский, Пекарский, Васильев, Степанов, Повалишин и еще человек 5, не знаю кто. Петроград — командир «Авроры» Никольский, командир 2-го балтийского экипажа Гирс. Как будто больше никого.² Я пишу Вам это, т[ак] к[ак] возможно, что Вы еще не получили точных сведений, чтобы Вы не верили ходящим по свету легендам.

Сегодня на ледоколе уехало все семейство Подгурских с сундуками, сыном и кастрюлями в Николайштадт.³ Сам Подгурский за ним приехал. Я зашла к ним проститься и застала забитые ящики, на полу сено, стружки и окурки, Елену Дмитриевну в переднике, а его в голубой мягкой рубашке, рыжем жилете и затасканной адмиральской тужурке, растрепанного и небритого — вид самый пролетарский. Они милые люди, но я вряд ли буду замечать их отсутствие, т[ак] к[ак] особенного allianc'a** у нас не было, и виделись мы редко, несмотря на то, что жили друг от друга ровно в 3-х минутах ходьбы.

Вчера в Вышгородском соборе была панихида по Адриану Ивановичу, о ней как-то мало кто знал, но не было все-таки слишком печальной пустоты, и священник служил

---

¹ Так в тексте.

^{**} союз (фр.).

совсем умный, как выяснилось, когда он сказал слово после службы. В данном случае страшно трудно сказать что-нибудь, никого не осуждая, но он вышел из затруднения так умно, что положительно привел меня в восторг. Слушая вчера слова панихиды, удивительные по простоте и глубине, я как-то особенно ярко представила себе крикливую фальшь гражданских похорон борцов за свободу с красными флагами, красными гробами и салютами — кому это нужно. Кроме того, от холода ли или чего другого, но у нас все манифестации имеют вид грубый и унылый, все идет точно нехотя, без увлечения, т[ак] ч[то] задаешься вопросом, глядя на «грандиозную манифестацию», — почему ее участники не остались попросту дома? Но я что-то уж очень уклонилась в сторону похоронных тем — пожалуй и довольно.

Почти со всех крыш снег стаял, и уже продают на улице пучки верб — совсем весна. Прошлый год перед Пасхой я писала Вам первый раз — Вы помните?

До свидания, Александр Васильевич милый.

Господь Вас сохранит и пошлет Вам светлой радости. Еще раз — Христос Воскресе!

Анна Васильевна

Л. 199–202 об.

---

¹ Лодыженский Илья Ильич (1885–?) — старший лейтенант (6 декабря 1914). Окончил Морской кадетский корпус. Старший штурманский офицер на канонерской лодке «Кореец» (1908–1909), крейсере «Паллада» (1909). Преподаватель в школе рулевых и сигнальщиков в Кронштадте (1910). Исполняющий должность флагманского штаб-офицера штаба начальника 1-й Минной дивизии Балтийского моря (1912–1915). С 6 октября 1915 г. командир эскадренного миноносца «Стройный». С 1916 г. командир 9-го дивизиона эскадренных миноносцев Балтийского флота. Во время Гражданской войны в Сибири служил у адмирала А. В. Колчака.

² Офицеры, убитые в Гельсингфорсе:

Непенин А. И. — подробнее см. примечание 3 к письму № 3.

Небольсин Аркадий Константинович (1865–1917). В 1886 г. окончил Морское училище, а в 1892 и 1901 гг. Гидрографический и Военно-

морской отделе Николаевской морской академии. Участвовал в Цусимском сражении (старший офицер крейсера «Аврора»). В 1905–1909 гг. морской агент в США. В 1909–1911 гг. командовал канонерской лодкой «Кореец», а в 1911–1914 гг. линкором «Император Павел I», в 1914–1915 гг. 1-й, а в 1915 г. 2-й бригадой линейных кораблей Балтийского флота. С 29 января 1915 г. контр-адмирал. Убит матросами 3 марта 1917 г. на линкоре «Андрей Первозванный».

Протопопов Вениамин Николаевич (1864–1917). В 1884 г. окончил Морское училище. Командовал кораблями различных классов. С 1909 по 1914 г. помощник командира, а с 1914 г. командир Свеаборгского порта. Убит матросами 3 марта 1917 г. в Свеаборге.

Поливанов М. М. — подробнее см. примечание 28 к письму № 41.

Рыбкин Борис Николаевич (1882–1917) — капитан 2-го ранга (6 декабря 1915). В 1902 г. окончил Морской кадетский корпус. Командир эсминцев «Мощный», «Боевой», старший офицер крейсера «Диана».

Репнинский Антон Николаевич (1886–1917) — лейтенант (6 декабря 1912). В 1909 г. окончил Морской кадетский корпус. Командир миноносца «Ретивый».

Варзар Георгий Федорович (1880–1917) — лейтенант (1906). В 1901 г. принят юнкером во флот. Окончил Морской кадетский корпус. Произведен в мичманы 6 мая 1903 г. На крейсере «Дмитрий Донской» участвовал в Цусимском сражении. Затем служил на миноносцах «Гремящий» и «Прыткий». На 1917 г. числится в списках убитых на эсминце «Эмир Бухарский».

Яновский Василий Александрович (1885–1917) — старший лейтенант (6 декабря 1914). В 1904 г. окончил Морской кадетский корпус. В 1911 г. флагманский штурманский офицер штаба командующего Сибирской флотилией. Исполняющий должность старшего офицера линкора «Император Павел I».

Майдель 2-й Борис Эдуардович (1887–1917), барон — старший лейтенант (6 декабря 1911). В 1908 г. окончил Морской кадетский корпус. В 1913 г. флагманский штаб-офицер штаба командующего Сибирской флотилией, затем в школе рулевых и сигнальщиков.

Бубнов Геннадий Александрович (1889–1917) — лейтенант (6 декабря 1912). В 1909 г. окончил Морской кадетский корпус. Вахтенный начальник линкора «Андрей Первозванный».

Ланге (Лангэ) Владимир Карлович (1885–1917) — лейтенант (25 марта 1912). В 1908 г. окончил Морской кадетский корпус. Штурманский офицер линкора «Император Павел I».

Михайлов Александр Петрович (1890–1917) — лейтенант (25 августа 1916). В 1912 г. окончил Морской кадетский корпус.

Биттенбиндер Георгий Васильевич (1897–1917) — мичман эскадренного миноносца «Гайдамак».

Воробьев Тихон Тихонович (1894–1917) — мичман линкора «Андрей Первозванный».

Шиманский Мечислав Рафаилович (?–1917) — мичман линкора «Император Павел I».

Нейберг (Нейберт) Генрих Львович (1892–1917) — лейтенант. В 1913 г. окончил Морской кадетский корпус. Старший офицер эскадренного миноносца «Финн».

Плешков Андрей Николаевич (1887–1917) — лейтенант (6 декабря 1914), инженер-механик эскадренного миноносца «Уссуриец».

Офицеры, убитые в Кронштадте:

Вирен Роберт Николаевич (1856–1917) — адмирал (март 1915). В 1878 г. окончил Морское училище, а в 1899 г. Николаевскую морскую академию. Участник Русско-японской войны. В 1909–1917 гг. главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта. Убит матросами 1 марта 1917 г.

Бутаков Александр Григорьевич (1861–1917) — контр-адмирал (6 декабря 1913). В 1884 г. окончил Морское училище. С ноября 1913 г. начальник штаба Кронштадтского порта. Убит матросами 1 марта 1917 г.

Стронский Николай Васильевич (1863–1917) — генерал-майор (3 марта 1914). В 1883 г. окончил Морское училище. Участник обороны Порт-Артура. В 1913–1917 гг. командир 1-го Балтийского флотского экипажа. Убит матросами 2 марта 1917 г.

Пекарский Юрий Петрович (1866–1917) — капитан 1-го ранга (6 декабря 1909). В 1886 г. окончил Морское училище. Участник обороны Порт-Артура. С 20 августа 1912 г. помощник начальника Машинной школы Балтийского флота. Убит матросами 1 марта 1917 г.

Степанов Константин Иванович (1866–1917) — капитан 1-го ранга (6 декабря 1911). В 1887 г. окончил Морское училище. С 12 мая 1916 г. начальник Школы юнг в Кронштадте. Убит матросами 2 марта 1917 г.

Повалишин Николай Иванович (1867–1917) — капитан 1-го ранга (6 декабря 1911). В 1887 г. окончил Морское училище. В 1915–1917 гг. командир линкора «Император Александр II». Убит матросами 1 марта 1917 г.

Никольский Михаил Ильич (1877–1917) — капитан 1-го ранга (22 марта 1915). В 1897 г. окончил Морской кадетский корпус, в 1902 г. Артиллерийский класс, в 1910 г. Николаевскую морскую академию. Участник обороны Порт-Артура. В 1916–1917 гг. командир крейсера «Аврора». 28 февраля 1917 г. убит матросами «Авроры» в Петрограде.

Гирс Александр Константинович (1859–1917) — генерал-майор по Адмиралтейству (25 марта 1912). В 1880 г. окончил Морское училище. С 3 января 1911 г. командир 2-го Балтийского флотского экипажа. Убит матросами 1 марта 1917 г. в Петрограде.

Кроме перечисленных А. В. Тимиревой, были также убиты:

Басов Александр Матвеевич (1877–1917) — капитан 2-го ранга (25 марта 1912). В 1897 г. окончил Морской кадетский корпус. Участвовал в обороне Порт-Артура. Убит матросами 1 марта 1917 г. в Кронштадте.

Будкевич Викентий Викентьевич (1878–1917) — старший лейтенант (25 марта 1912). Главный минер Кронштадтского порта. Убит матросами 1 марта 1917 г. в Кронштадте.

Висковатов Борис Дмитриевич (1894–1917) — мичман (30 апреля 1915). Убит матросами 1 марта 1917 г. в Кронштадте.

Ивков Николай Николаевич (1885–1917) — старший лейтенант (6 октября 1916). В 1905 г. окончил Морской кадетский корпус. Командир учебного судна «Африка». Убит матросами 1 марта 1917 г.

Сохачевский Владимир Илларионович (1882–1917) — капитан 2-го ранга (10 апреля 1916). Старший офицер учебного судна «Океан» (1916). Убит матросами в Кронштадте 1 марта 1917 г.

По данным А. Чижова, убитых было 80 человек (Андреевский флаг. 1992. № 3, 4).

³ Николайштадт (Николайстад), ныне Васа (Вааса, Ваза) — город-порт на берегу Ботнического залива.

№ 45*

Ревель
Судебная, 8

30–31 марта [1917 г.]

Дорогой Александр Васильевич, вот уже неделя, как я получила Ваше последнее письмо. Когда время идет так, как сейчас, семь дней — большой срок, и я очень соскучилась по Вашим письмам и жду с большим нетерпением. Последнее время почти каждый день в газетах сообщения о Черном море, я читаю их так, как если бы это были строки Вашего письма, обращенного немножко ко мне лично, пожалуйста, не смейтесь, Александр Васильевич милый, я сама очень хорошо знаю, как это глупо. Мне часто случается пересмотреть газету от доски до доски в надежде найти что-нибудь о Вас или хотя бы просто о Севастополе, что-нибудь имеющее к Вам малейшее отношение, это бывает, когда долго нет писем или просто когда я скучаю без Вас, — это случается иногда, милая химера.

Стоят совсем теплые дни, иногда ночью идет снег, но служит только для разведения грязи, т[ак] к[ак] все равно на зиму не похоже нисколько. Представьте, какая гадость — летнее Морское собрание отдано под Матросский клуб, это меня огорчает до такой степени, что я даже злюсь

---

* На первой странице письма помета А. В. Колчака синим карандашом: «П[олучено] 8 IV».

на себя. Но когда я подумаю, что нельзя будет больше бывать там, нельзя видеть этот милый, старый сад, — право, я почти готова «поехать на соленый водопад», по картинному выражению, принятому у нас в детстве.

Флотская жизнь идет понемножку. Уехал из Ревеля Вердеревский начальником штаба к Максимову, которого он, надо надеяться, скоро съест. Пойга в командах уже носит лестное прозвище «матросского подлизы» и пользуется единодушной, деликатно выражаясь, антипатией среди офицеров всех трех морских республик — Гельсингфорса, Ревеля и Кронштадта. Последняя представляет собою положительную загадку — что она себе думает? Как говорят у Вас в Одессе? Я очень жду Вашего письма завтра — без этого очень скучно, моя дорогая химера, знаете Вы это? А сейчас — спокойной ночи.

31 марта [1917 г.]

Уже 2 часа, но мне хочется поговорить с Вами немножко, Александр Васильевич милый. Сегодня красила яйца и руки во все цвета радуги, а в свободное от этого занятия время сторожила почтальона — писем нет. В виде маленькой компенсации — в «Речи» корреспонденция из Севастополя с большим количеством восклицательных знаков, небольшим гимном в Вашу честь и требованием Дарданелл и Константинополя — что совсем уж трогательно в данный момент.¹ Все равно, мне просто приятно читать о Вас — даже в газетном стиле — это единственное для меня преимущество Вашего положения, мой легендарный друг.

Где будете Вы в Пасхальную ночь? На корабли в этом году дам не пускают, т[ак] ч[то] я пойду куда-нибудь одна к заутрене, что имеет даже свою прелесть — а к разговенью у нас будет несколько человек из постоянных посетителей. М[ада]ме Трухачева любезно предложила мне идти с нею в Собор под охраной 17 подводных англичан,² но я от этого уклонилась и даже с некоторым ужасом.

Вероятно, скоро мне придется съездить в Петроград — надо поговорить со своими насчет того, чтобы они увезли на лето моего мальчика в Кисловодск — везти его сюда не хочется по многим причинам. Но без него в доме грустно и пусто, и маленький разбойник, пожалуй, не узнает меня осенью, — согласитесь, что это обидно.

Сообщение с Петроградом более живописно, чем удобно, наиболее доступные места — на крышах вагона, а в вагон пассажиры влезают преимущественно в окна, кот[орые] поэтому все выбиты, температура внутри соответственная, а на остановках на крыше пассажиры прыгают и пляшут, чтобы отогреться, т[ак] ч[то] грохот и шум замечательный. Изредка зазевавшимся на звезды путникам обрывает головы под каким-нибудь мостом, или они просто слетают сверху под поезд — приятно, нечего сказать. Все равно — ехать надо; на крышу-то я все-таки не полез. Надо спать. Если завтра не будет письма, это порядком испортит мне праздник — что поделать.*

Л. 209–212.

---

¹ В газете «Речь» за 30 марта 1917 г. была опубликована заметка Ал. Каппа «Черноморский флот (Из Севастополя)». Корреспондент в восторженных тонах описывал единение матросов и офицеров флота и заслуги в этом деле адмирала А. В. Колчака. В статье приводились также лозунги, с которыми на митингах и демонстрациях выступали солдаты, матросы и офицеры Севастополя: «Война до конца!», «До победного конца!», «Нам нужны Дарданеллы и Константинополь!», «Да здравствует республика!».

² В составе Балтийского флота во время Первой мировой войны (1914–1917) действовала флотилия британских подводных лодок, состоявшая из семи субмарин. Ее базой стал Ревель. В ходе боевых действий были повреждены германские линкоры «Поммерн», «Мольтке», броненосный крейсер «Принц Адальб-берт», потоплен легкий крейсер «Унди-на» и другие корабли. После заключения Брестского мира в апреле 1918 г. флотилия была взорвана в Гельсингфорсе, а экипажи эвакуированы в Англию. С ноября 1915 г. по апрель 1918 г. ее начальником являлся командор Ф. А. Кроми.

---

* Письмо не закончено. Отсутствуют заключительные прощальные фразы и подпись.

Ревель
Судебная, 8

4–5 апреля [1917 г.]

Дорогой Александр Васильевич, сегодня еще отправила Вам письмо, порядком изведенная Вашим почти двухнедельным молчанием — ничего не может быть лучше, как это симпатичное средство, чтобы вызвать письмо с Вашей стороны — это уж доказано опытом. Не успела я вернуться с почты, как мне принесли толстый пакет от В. Романова и в нем два письма от Вас, которым я сильно обрадовалась.

Вы приводите мне слова Косинского¹ о том, «чем мы будем и когда все будет, как следует быть», откровенно говоря, я мало думаю об этом времени. Когда началась война, мне все казалось, что это временно, а потом после нее и будет «настоящая» жизнь, а пока надо перетерпеть. Но теперь уже давно и задолго до революции этого чувства у меня нет; я знаю, что то, чем мы живем, и есть самая настоящая «наша» жизнь, другой ждать смешно и напрасно. Мне трудно передать это словами, но Вы, моя милая химера, умеете понимать по существу, не обращая внимания на неудачную форму.

Вы спрашиваете, знаю ли я Лодыженского, нет, почти не знаю, раз он был мне представлен, но, к сожалению, в этот момент он был в состоянии порядочного «тяпа» и не оставил о себе чересчур хорошего впечатления. О нем же я знаю, что он очень хорош собой, что он большая слабость Сергея Николаевича, что товарищи его большей частью не любят, считая карьеристом, и что он большой демагог и любит писать воззвания разного рода. О том же, какова его деятельность в Гельсингфорсе сейчас, я не знаю, да и никто ничего не знает. Как правило, каждый корабль

---

* На первой странице письма помета А. В. Колчака синим карандашом: «П[олучено] 11.IV».

управляется «самосильно», не обращая внимания на верховного нашего идиота,² приказы которого о переводах и назначениях запросто оставляются без внимания. Безначалие у него полное, вот, может быть, Вердеревский поможет — он умный, очень гибкий, ловкий и хитрый уж, во всяком случае. И во всяком случае он единственная наша надежда сейчас — помощи ему Бог.

Пока у нас здесь еще лед, но где-то там, где он разошелся, бродят немцы, и это наводит невольно на самые печальные размышления. Вы сами лучше меня знаете, каковы здесь эти несколько недель, когда лед постепенно расходится, — и каковы они при обстоятельствах этого года. Вы хорошо можете себе представить, Александр Васильевич милый, я знаю, Вы любили и, верно, еще любите наш флот — пожелайте же ему, чтобы «если возможно, миновала его эта чаша». А после этого, кажется, только одно можно сказать, продолжая цитату, «но да будет воля не наша, но Твоя».³ На днях должен быть приказ о подчинении флота главнокомандующему Северным фронтом — так, кажется, он называется, — ген[ералу] Рузскому, это и лучше теперь, пожалуй. На Рижском фронте, по слухам, прекрасно действует Радко-Дмитриев⁴ и собирается немцев не пускать; он моя большая слабость в эту войну.

Вы пишете о том, как трудно справляться с командами и офицерством — это, очевидно, везде одинаково. Среди офицеров попадаются прямо феномены, вроде того, например, который в панике хотел ехать в Петроград в самые беспокойные дни, чтобы на месте узнать, правда ли, что «Чхеидзе провозгласил себя королем, а Родзянко ему королевства не уступает». По поводу всего этого можно сказать очень много, но писать решительно невозможно, т[ак] к[ак] тогда перед посылкой письмо придется отдать переплести.

Анекдотов на каждом шагу миллион, но таких живописных, как мучное позорище на погребальной колеснице,

нет, что значит южное воображение! Даже завидно. Третий час, надо спать. Спокойной ночи, друг мой Александр Васильевич.

5 апреля [1917 г.]

Уже второй час, но мне хочется окончить это письмо сегодня, хочется поговорить с Вами, кроме того. Я только что вернулась домой после вечера, проведенного в милом и близком обществе, но на сердце у меня какое-то беспокойство и тоска. Может быть, это от долгого разговора с m[ada]me Трухачевой, рассказавшей мне о своем посещении О. В. Непениной. Сколько горя кругом, Александр Васильевич милый. И потом, я не знаю почему, но смерть Адриана Ивановича как-то особенно больно меня затронула, и всякое напоминание о ней болезненно. В сущности, я совсем мало даже знала его и никакой близости между нами не было, да и не могло быть, конечно.

Слава Богу, праздники кончаются — по крайней мере, на улице будет меньше товарищей-матросов с чудовищными красными бантами, декольте и с сигарами — картина, я Вам скажу. Что ни день, матросские балы, веселятся всюю, да это и хорошо. А с горки уже видна полоса моря, свободная ото льда, и время до начала плавания надо считать днями. Хоть бы забыть обо всем этом на время. Я так хотела бы видеть Вас, Александр Васильевич, говорить с Вами — в письме, сколько не пиши, всего не напишешь. Где Вы, с кем, что у Вас на душе, друг мой Александр Васильевич. Я хочу думать, что Вы довольны, спокойны и уверены в себе так же, как я уверена в Вас, и очень далеки от того состояния, в котором Вы пускаете в ход буддийскую мельницу. Вы писали мне о том, как люди меняются в обстановке больших событий; я очень счастлива тем, что мне не пришлось менять мнения почти ни о ком из тех, кого я знаю, — это, пожалуй, хуже всего. Надо кончать, очень поздно.

До свидания, моя дорогая химера, Господь Вас сохранит и пошлет Вам счастья — я же помню о Вас, как всегда.

Анна Васильевна

Л. 213–218 об.

---

¹ Косинский Алексей Михайлович (1880–1930) — капитан 1-го ранга (28 июня 1917). В 1898 г. окончил Морской кадетский корпус. Участник обороны Порт-Артура. Командуя миноносцем «Статный», прорвался в китайский порт Чифу со знаменами частей гарнизона и документами. Переведен на Балтийский флот. Командовал эскадренными миноносцами и 1-м дивизионом судов Ботнического залива (10 апреля 1917). После Октябрьской революции служил в Военно-Морском флоте Советской России.

² По всей вероятности здесь имеется в виду командующий Балтийским флотом А. С. Максимов.

³ Здесь А. В. Тимирева достаточно вольно излагает следующие слова Нового завета: «<...> если возможно, да минует Меня чаша сия <...> да будет воля Твоя».

⁴ Радко-Дмитриев (Дмитриев) Р. Д. (1859–1918) — болгарский генерал, в 1913 г. полномочный посланник Болгарии в России. В 1914 г. вступил в русскую армию. Командовал 8-м армейским корпусом, 3-й армией, Сибирским корпусом. С 20 марта 1916 по 20 июля 1917 г. командующий 12-й армией Северного фронта.

№ 47

[Ревель
Судебная, 8]

4 апреля [1917 г.]

Почти две недели прошло после последнего Вашего письма, Александр Васильевич милый, и с тех пор — ни звука. Почему это происходит, я не знаю; может быть, Вы писали мне в Петроград, может быть, просто не писали вовсе — что «уже хуже». Но мне грустно без вестей от Вас и Вы кажетесь мне таким далеким, как никогда, кажется, еще.

На первый день Пасхи здесь состоялось обратное переименование «Двины» в «Память Азова»¹ с большой помпой.

Переименования теперь в моде — «Цесаревич»² превратился в «Гражданин», а «Волхов»³ хотели назвать «Революция». По этому поводу Пилкин пускает слух, что Вашу «Императрицу Екатерину» переименовали в «Веру Засулич» — все верят, что самое забавное.

А вчера было открытие Матросского клуба в нашем миллом летнем собрании... Замечательно, что матросы под словом «клуб» понимают не просто собрание, а что-то вроде клуба якобинцев.

Дни теплые, с ветром, совсем весенние, а ночи стоят звездные и ясные — с этой стороны неплохо. Хорошо и то, что последние дни очень хорошо работают здешние заводы — праздновали только 2 дня даже.

Приезжающие из Петрограда «обыватели» привозят панические слухи о предполагающейся резне между солдатами и рабочими, но они носят характер какой-то провокации. За время революции все ведь привыкли объяснять все происходящее тремя словами: эксцесс, психоз и провокация. Каждое неутешительное обстоятельство можно подвести под одну из этих рубрик — и это страшно упрощает дело — Вы не находите?

Судя по газетам, в Севастополе тепло, цветут миндаль и розы, на флоте спокойно — и вообще так хорошо, что я понимаю, что Вы не хотите вспоминать о нашей бедной, холодной и расстроеной Балтике и всех, кто к ней причастен и кто помнит о Вас все так же, как прежде, дорогой Александр Васильевич.

До свидания. Пусть Господь Вас сохранит и пошлет Вам счастья.

Анна Тимирева

Если будете писать — пишите в Ревель, Александр Васильевич милый.

Л. 219–220 об.

---

¹ «Память Азова» — крейсер Балтийского флота (с 12 февраля 1909 по 31 марта 1917 — «Двина»). Заложен в 1886 г., вступил в строй в 1890 г. 20 июля 1906 г. на крейсере произошло революционное выступление матросов, подавленное царским правительством. С 1 октября 1907 г. — учебное судно с зачислением в состав учебно-минного отряда. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Впоследствии плавучая база. 18 августа 1919 г. потоплен в Кронштадтской гавани при атаке английских торпедных катеров. 6 декабря 1919 г. исключен из состава Балтийского флота. В декабре 1923 г. поднят и разобран на металл.

² «Цесаревич» — линейный корабль Балтийского флота. Заложен в 1899 г. в Тулоне (Франция), вступил в строй в 1903 г. До 27 сентября 1907 г. числился эскадренным броненосцем. Участвовал в Русско-японской войне. 28 июля 1904 г. после боя в Желтом море прорвался в Циндао, где был интернирован Китаем до конца войны. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. 31 марта 1917 г. переименован в «Гражданин». С 8 мая 1918 г. находился на долговременном хранении. В 1924 г. разобран на металл.

³ «Волхов» — спасательное судно (с 1922 г. — «Коммуна»). Заложен в 1912 г. в Санкт-Петербурге, вступил в строй в 1915 г. Участвовал в Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войнах. Использовался для подъема затонувших подводных лодок.

№ 48*

Ревель
Судебная, 8

11 апреля [1917 г.]

Дорогой Александр Васильевич, вчера получила Ваше письмо от 1-го апреля и отвечаю Вам в довольно невероятном состоянии духа. Вот уже несколько дней ходят упорнейшие слухи о том, что Вы возвращаетесь сюда, слухи, по видимому имеющие за собой основание. Когда я подумаю о том, что это может быть, право, мне трудно передать, что я испытываю — и страх, и тревога, и, Господи, какая радость...

---

* На первой странице письма помета А. В. Колчака синим карандашом: «Получено в Петрограде 15/IV».

Я могу «спокойно и холодно» думать обо всех «за и против», но, Александр Васильевич милый, когда я подумаю о возможности увидеть Вас — на улице я ловлю себя на том, что начинаю глупейшим образом бежать, читая, не понимаю ни слова и пишу Вам, пропуская слова. Я не думаю, чтобы, если эта перемена состоится, она была бы радостна для Вас. Такая логика даром не дается, с уже налаженного дела переходить на разоренное — нелегко и нелегко отрываться от успевших стать дорогими и любимыми замыслов и планов. Вы только что писали мне — «Балтийский флот стал каким-то чужим для меня» — т[о] е[сть] другими словами — родным стало Черное море. Иначе и быть не может, как же работать для дела, которое остается чужим, а зараз два дела любить нельзя, одно непременно уходит, становится только прошлым. С тех пор как Вы уехали и я стала получать одно за другим Ваши письма — Черноморский флот стал для меня почти такой же реальностью, как наш, корабли которого видны из моих окон. Я следила, как с каждым письмом Вы все больше свыкались с ним, и очень хорошо понимаю все, что есть тяжелого в возможной перемене. Но разве Вы так уже совсем забыли и разлюбили Балтику — не может быть, Александр Васильевич милый, если Вы приедете сюда, Вы увидите сами, что это только так кажется. Когда Вы получите это письмо, во всяком случае вопрос будет уже решен в ту или другую сторону. Каково бы ни было Ваше решение — в обоих случаях Вы будете правы. Я не буду больше говорить об этом предмете, т[ак] к[ак] вижу ясно, что напишу много глупостей, за которые будет потом совестно перед собой. Но знаете, писать о чем-нибудь другом оказывается очень трудно — все равно.

Последние дни у нас были о Керенском* и «бабушке» Брешко-Брешковской,¹ мы компанией ходили их встречать, ждали его выхода у Ратуши, кричали «ура» — Крашенинни-

---

* Так в тексте.

ков даже умудрился петь Эстонский гимн,^{*} идя за флагом с надписью — «Дорога женщине»! Эти демократические занятия сильно оживили монотонное течение нашей жизни. Керенский — вразумительный^{**} человек и говорит с толпой поистине «как власть имеющий»; его тон несколько ошеломил толпу, от такового совсем отвыкшую и удивленную категорическим заявлением, что «вы не смеете мне не верить, когда я говорю, что контрреволюции нет». Притом, говоря X раз, он почти не повторяется, талантливо варьируя на тему «о свободной демократии, войне, дисциплине и враге унешнем и унутреннем». Но все это вздор, и зачем я пишу это Вам, сама не знаю.

У меня сейчас одна только мысль о Вас, где Вы и «что Вы себе думаете»? Вы знаете, что я самым настоящим образом боюсь встречи с Вами. Из этого, впрочем, Вы не должны сделать вывод, что я не хочу Вас видеть, но... Право, я разучилась, кажется, говорить с Вами, так привыкла писать — пожалуй, вместо разговора придется играть в *secrétaire*.^{***} Вы меня простите за все глупости, что я пишу Вам, моя милая химера? Но у меня порядочный сумбур в голове ото всего, и Вы должны это великодушно принять во внимание.

Послезавтра я еду в Петроград повидать сына, прежде чем его увезут в Кисловодск на все лето. Ему, вероятно, будет там лучше, чем где бы то ни было, но мне довольно грустно от этой комбинации. В Петрограде я увижу Романова и попрошу его передать письмо Вам. Надеюсь узнать о Вас что-нибудь окончательно — если Ваш перевод состоялся, — может быть, увидеть Вас в Петрограде, хоть на самое короткое время. Ведь если *да*,^{****} то Вам придется ехать

---

* Так в тексте.

** Так в тексте.

*** писарь (фр.).

**** Выделенное слово подчеркнуто А. В. Тимиревой черными чернилами.

очень скоро, Петрограда все равно не миновать, и хотя у Вас будет миллион дел, но 10 минут для меня, может быть, у Вас найдется, ведь это не так много, не правда ли? Я столько раз хотела себе представить, *как* увижу Вас, мне почему-то всегда казалось, что это будет в Петрограде, т[ак] ч[то] я не могу отогнать эту фантазию. Почему это так — не знаю; ведь именно в этом городе я никогда не видела Вас. Остановлюсь я по обыкновению на Фурштатской, пробуду там несколько дней, и если Вы действительно будете в Петрограде — позвоните по телефону 433-79 и вызовите меня. Если же Вы и не думаете уезжать из Севастополя, то простите мне все предыдущее письмо, не сердитесь не меня и не забывайте меня по-прежнему, мой дорогой друг Александр Васильевич. Мне очень хочется в виде иллюстрации ко всему, что думаю сейчас, привести несколько цитат из Ваших прежних писем — но я лучше воздержусь, т[ак] к[ак] Вы имеете свойство относиться к ним без всякого сочувствия, когда я говорю Ваши же слова от своего лица.

Я кончаю. Возможно, что это письмо — последнее из длинного ряда написанных мной за время Вашего отсутствия. Что дальше будет, я не знаю. Но за ту радость, кот[орой] были для меня Ваши письма — за это время, Ваша память, мысли о Вас — я благодарю Вас, моя дорогая химера, со всей нежностью, на которую я только способна, и прошу Бога, чтобы он послал Вам сил и счастья и сохранил Вас ото всего злого. До свидания — неужели правда?

Анна

Л. 223-226 об.

---

¹ Брешко-Брешковская (урожд. Вериго) Екатерина Константиновна (1844-1934). Из помещичьей семьи. Получила домашнее образование.

* Выделенное слово подчеркнуто А. В. Тимиревой черными чернилами.

В народническом движении с 1873 г. Одна из организаторов партии эсеров. Неоднократно подвергалась репрессиям со стороны царского правительства. Во время Февральской революции освобождена из минусинской ссылки. Для возвращения в центральную Россию ей был предоставлен специальный вагон. 29 марта 1917 г. на вокзале в Петрограде ее встречали министр юстиции А. Ф. Керенский и председатель Петроградского Совета Н. С. Чхеидзе. В эсеровских кругах ее называли «бабушкой русской революции». После возвращения из ссылки совершила поездку по различным городам России, посетила Кронштадт, разъясняя политику Временного правительства. Октябрьскую революцию не приняла, вступила на путь борьбы с Советской властью. С 1919 г. в эмиграции.

9 апреля 1917 г. Е. К. Брешко-Брешковская, А. Ф. Керенский и французский социалист М. Кашен прибыли в Ревель. Брешковская уехала из города 11 апреля, Керенский — на день раньше. Полный отчет об их пребывании в Ревеле см.: Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов. 1917. 11 (24), 12 (25), 13 (26), 14 (27), 15 (28), 16 (29) апр., 18 апр. (1 мая), 20 апр. (3 мая), 21 апр. (4 мая), 22 апр. (5 мая), 27 апр. (10 мая).

№ 49

Ревель
Судебная, 8

24 апреля [1917 г.]

Дорогой Александр Васильевич, вчера я вернулась в Ревель после возмутительного путешествия по железной дороге; он постарался произвести на меня самое лучшее впечатление и встретил форменной пургой — и сейчас еще на крышах снег не стаял, хотя день сегодня солнечный. После прошедшей недели я вернулась сюда с чувством какой-то апатии и равнодушия ко всему, да и физически чувствую себя неважно. После того, как мы простились с Вами, я с большим трудом удержалась от искушения — увидеть Вас еще раз хоть на минуту на вокзале; вместо этого я пошла вечером пройтись одна в таком убийственном настроении, что неожиданно усмотрела себя на одном из угловых митингов в качестве оратора, что совсем в мои намерения не входило — Вы мне поверите. Мои оппоненты были такого свойства, что через пять минут я ушла, оставив прочную позицию подоспевшему единомышленнику и унося вывод,

что уличное ораторство — несложное искусство. После Вашего отъезда¹ в Петрограде было совсем тихо, т[ак] к[ак] были запрещены на 2 дня всяческие манифестации;² срок кончился вчера — интересно, что-то там. Вы уже в Севастополе; я думаю о том, каков был Ваш приезд, что Ваша Черноморская дивизия.³

Вчера миноносцы должны были уходить отсюда в море, но остались из-за погоды, гавань набило льдом. Все уже в новой форме, чем и забавляются по способности.⁴

Выслушав мой краткий доклад о времяпрепровождении в Петрограде, Сергей Николаевич сказал, что он «очень рад, что моя поездка была так удачна почти с первого дня» (!). Я не возражаю на это.

На моем столе стоят еще Ваши розы, я привезла их с собой. Они все распустились, стали огромные и начинают осыпаться, но очень хороши. А рядом — целая галерея Ваших портретов. Я смотрю на них и вижу, что ни один не похож на Вас — все Вам льстят и все гораздо хуже моей дорогой химеры. Но сейчас я и так ясно вижу Вас, Александр Васильевич милый.

Здесь меня ждали 2 Ваших письма, оба из Одессы, и мне было приятно найти сейчас же по приезде привет от Вас, хотя и запоздалый, тем более, что вряд ли я получу от Вас что-нибудь раньше, чем через неделю. Когда я уезжала отсюда, от одной мысли, что, может быть, Вы будете здесь и иногда я буду Вас встречать — Ревель казался мне милым и полным прелести, как незнакомый город; сейчас мне он представляется столь же интересным, как газета недельной давности. Дня через три отсюда уйдут и уедут все, кого я знаю, станет совсем хорошо. Ну, да что поделать.

Камень, который Вы подарили мне, я положила в медальон и ношу, как Вы этого хотели. Когда мне скучно, я люблю смотреть на него — довольно часто.

Тоска, Александр Васильевич милый, такая тоска. Простите мне это упадочное письмо, потом это пройдет, но

сейчас как-то неважно. Не забывают меня, мой дорогой, далекий друг. До свидания.

Господь Вас сохранит и пошлет Вам счастья.

Анна Тимирева

Л. 227–230.

---

¹ 21 апреля 1917 г. А. В. Колчак уехал из Петрограда в Севастополь.

² 20–21 апреля 1917 г. в Петрограде прошли многотысячные вооруженные демонстрации солдат и рабочих в ответ на ноту министра иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюкова странам Антанты, в которой подтверждались обязательства России довести войну до победного конца. В городе имели место также и демонстрации в поддержку ноты Милюкова. В результате столкновения противников и сторонников продолжения войны были убитые и раненые. В связи с этим Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял постановление о запрещении уличных митингов и демонстраций в течение двух дней.

³ Для проведения десантной операции в районе Босфора с декабря 1916 г. на Черноморском флоте началось создание частей морской пехоты. К концу марта 1917 г. формирование Черноморской пехотной дивизии было в основном закончено (начальник — генерал А. А. Свечин, начальник штаба — полковник А. И. Верховский).

⁴ Согласно приказу военного и морского министра А. И. Гучкова по флоту и морскому ведомству об изменении формы одежды для моряков отменялось ношение погон, шарфа, вензельных изображений на оружии, середину кокарды следовало закрасить в красный цвет. Вместо погон вводились нарукавные отличия (галуны). В случае невозможности достать галуны делались нашивки из черной тесьмы (Кронштадтский вестник. 1917. 21 апр.).

№ 50

Ревель
Судебная, 8

7 мая [1917 г.]

Милый Александр Васильевич, я не хотела писать Вам еще раз, пока не получу письма от Вас — по крайней мере посылать его. Потому что я все-таки писала Вам бесконеч-

ное письмо целую неделю, писала, долгими вечерами оставаясь одна, о всем, что творится кругом, что передумала я за эти две недели — больше уже после Вашего отъезда. Я честно хотела потом отправить это письмо-дневник, но оно все росло и под конец перестало влезать в какой бы то ни было конверт, как я ни складывала его — чуть не «лодочкой и петушком». Но, конечно, дело не в этом, а в том, что я, как это ни глупо, *не могу*^{*} его отправить. Вы не должны думать, что в тех бесконечных письмах, которые Вы не получаете, есть что-нибудь, *чего я не могла бы сказать Вам, в отношении Вас у меня нет такой мысли*. В чем тут дело, я сама, право, не знаю — может быть, в том, что при том темпе, каким идет жизнь, написанное день-два назад сегодня кажется не имеющим смысла, изжитым, что ли. О системе бросания в корзину писем Вы отозвались с осуждением в одну из последних наших встреч, и я искренне хотела от нее отказаться — *c'est plus fort que moi*^{**} не могу.

Последние дни я очень скучаю по Вас, Александр Васильевич милый, очень жду письма от Вас, и невольно в голову мне лезут веселые мысли, что Вы забыли меня, что у Вас нет больше желания говорить со мной, как прежде. Мои слова не упрек, Вы это знаете. Господи, ни права, ни даже основания упрекать Вас в чем бы то ни было у меня нет. Чтобы отогнать эти мысли, я беру старые Ваши письма, и у меня становится лучше на душе, когда я их читаю. Александр Васильевич, когда я вижу Вас, Вы можете сказать мне все что угодно, явно невероятную нелепость — я поверю безусловно, прежде чем успею подумать; то же и с письмами Вашими. Но когда нет ни Вас, ни писем, а только мои мысли, мне так отчетливо представляется то огромное расстояние (во всех отношениях), которое лежит между Вами и мной, что падает всякая вера в Вашу память,

---

* Слова «не могу» подчеркнуты А. В. Тимиревой чернилами пунктиром.

** это сильнее меня (фр.).

Ваше безмерно мне дорогое отношение. Вы не сердитесь на меня за эти строки, дорогой мой друг, нет?

Сегодня я безумно обрадовалась, когда утром мне принесли письмо. Но не от Вас, а от А. В. Стеценко. В другое время оно доставило бы мне удовольствие, но тогда я просто рассердилась за разочарование, кот[орое] оно мне принесло.

В Ревеле очень пусто, знакомые, какие были, разъехались, т[ак] ч[то] пришлось слегка расширить круг знакомств в неожиданном направлении — я завела себе 3-х друзей: девочку 14 лет и 2-х мальчиков 15 и 16-ти. Когда от чтения газет, рассуждений о коалиционном министерстве, об утешительных событиях на флоте, Ленине,¹ анархистах, и т[ому] п[одобной] прелести голова окончательно приходит в негодность — я занимаюсь тем, что в этой почтенной компании пускаю бумажные стрелы из окна, и, усевшись на подоконник, мы хорошо исполняем «Марсельезу» и английский гимн, к радости прохожих и немалому ужасу Сергея Николаевича — знаете, это очень освежает. Вот каковы мои радости, — не правда ли, несложно, Александр Васильевич милый?

Зелени еще почти нет, и часто бывает очень прохладно, но ночи все светлей, ясные, с бледными звездами, вечера такие длинные, что хочется неудержимо уйти, уехать куда-нибудь далеко, не знаю. Когда ночь выдается потеплей, я люблю подолгу сидеть на подоконнике, взобравшись с ногами, слушать далекие перекликающиеся гудки и думать свои бесконечные мысли, всегда имеющие какое-то отношение к одной далекой, милой химере. Когда Вас нет, я ведь тоже «запросто разговариваю с Вами» обо всем на свете. *Это какой-то заколдованный круг: писать — многого не напишешь, а когда я Вас вижу, то в душе у меня такая радость, что все мысли уменьшаются, исчезают, прячутся, как мыши в норки.*

Последние дни на флоте много всяких «событий» — С[юз] морск[их] оф[ицеров]² послал делегацию Пойге с вы-

ражением недоверия, теперь ждут их возвращения. В принципе, я могу признавать, что это безобразие, но все мое сочувствие на стороне «инсургентов». ³ Уходит Бахирев, уходит Беренс, ушел Гельмерсен, ⁴ Типольт, ⁵ в отпуску «по болезни» Лоло, ⁶ словом, все расплзается, как гнилая материя. У всех одна мечта — чтобы убрали Максимова. Нехорошо, когда у власти стоит человек, который возбуждает пренебрежительное к себе отношение, — оно распространяется от него косвенно на всех офицеров. В Гельсингфорсе, где сильней его влияние, эта тенденция особенно заметна. Сейчас только что от меня ушел Б. П. Иванов, много рассказывавший о гельсингфорских порядках; как о вещах привычных и почти естественных он говорил о самых изумительных инцидентах. Да что говорить обо всем этом — нехорошо, Александр Васильевич.

На днях и у нас был случай безобразный — сюда привезли Вещицкого, ⁷ арестованного на юге, где он хотел скрыться. Привезли его на «Петр Великий», ⁸ а оттуда повели его на гауптвахту кругом всего города, с метлой на плече, в лаптях и заставив все время отдавать честь. ⁹ Вещицкий, по всему, что приходилось о нем слышать, — большая дрянь, но все-таки какое безобразие! За то Керенский уже влил по телеграфу и Пойге, и Пилкину — зачем допускают такие вещи? Кроме того, Пойга вызван в Петроград; неужели, правда, его по шапке — вот бы хорошо! Керенский правильный человек и сразу взял хороший тон, какого Гучков при всех своих достоинствах взять не сумел. Так хочется верить, что с новым составом правительства дело пойдет лучше, так хочется, что я действительно верю этому. ¹⁰ Что особенно меня радует, так это учреждение Министерства почт и телеграфов: ¹¹ как Вы думаете, будут от этого письма доходить скорее?

Ваши черноморские делегаты положительно мне нравятся — по газетам, ¹² у нас они еще не были, и вряд ли есть сейчас более — как бы сказать? — передовая часть. Зато воззвание «Георгия Победоносца», ¹³ т[о] е[сть], собственно,

Ваш отзыв о Балтийском флоте страшно разобидел команды. Заявление «Севастополя»¹⁴ Вы, очевидно, знаете — мило, не правда ли? А здесь товарищи зашевелились и во что бы то ни стало хотят доказывать свою боеспособность — в добрый час! Большая часть здешних миноносцев и нескольких пришедших из Гельсингфорса послали в согласии с офицерами телеграмму Развозову с просьбой передать командующему армией под Ригой, что они всемерно будут поддерживать возможное наступление и прикрывать правый фланг армии. Это заявление у нас первое по счету и непривычно приятное. На днях должны придти сюда «Андрей» и «Павел»¹⁵ — приятные гости, нечего сказать!

Но довольно обо всем этом. Уже поздно, в доме все тихо, за окном слышны только гудки, да собаки лают по всему Ревелю, и очень холодно. Где Вы сейчас, Александр Васильевич милый? Много бы я дала, чтобы хоть недолго побыть с Вами, даже не поговорить — я невольно вспоминаю Ваши слова об адмирале Того¹⁶ — просто молча быть вместе с Вами, повидать Вас. Но сейчас и думать об этом нечего в близком будущем. Это ничего, буду ждать сколько угодно, если Вы не забудете меня, дорогая химера. А сейчас я кончаю письмо, надо спать. Спокойной ночи, друг мой Александр Васильевич.

Как ни хороши все сообщения из Севастополя, я знаю, что это не даром дается Вам и что Вам нелегко подчас. Пусть же Господь сохранит Вас и поможет Вам, я же думаю о Вас как всегда.

Анна Васильевна

Под текстом письма помета А. В. Колчака зеленым карандашом: «От[вет] 20 мая».

Л. 231–236 об.

---

¹ Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) — лидер РСДРП(б). 3 апреля 1917 г. возвратился из эмиграции в Петроград. После Октябрьской революции возглавлял правительство Советской России.

² Союз офицеров-республиканцев был учрежден на собрании офицеров кораблей и частей в Гельсингфорсе 22 марта 1917 г. Повседневную работу осуществлял совет из 18 человек.

³ Инсургент (от лат. *insurgens, insurgentis* — восстающий) — участник вооруженного восстания против правительства, повстанец.

⁴ Гельмерсен Павел Васильевич (1880–1953) — капитан 1-го ранга (6 декабря 1916). В 1900 г. окончил Морской кадетский корпус. Старший офицер линейного корабля «Цесаревич» (1910–1912). Командовал миноносцами «Рьяный» (1912–1914) и «Охотник» (1914–1916). С 24 ноября 1916 г. начальник 4-го дивизиона эскадренных миноносцев Балтийского флота. 17 июля 1918 г. уволен в отставку. В дальнейшем на преподавательской работе. Умер в Ленинграде.

⁵ Типольт Николай Александрович, барон (1884–1967) — капитан 2-го ранга (6 июля 1915). Окончил Морской кадетский корпус, а в 1913 г. Военно-морской отдел Николаевской морской академии. В 1913–1915 гг. флаг-офицер штаба начальника отряда заградителей Балтийского моря. С 16 декабря 1915 г. помощник флаг-капитана по оперативной части штаба командующего флотом Балтийского моря.

⁶ Имеется в виду Алексей Алексеевич Щетинин. Подробнее о нем см. примечание 3 к письму № 7.

⁷ Вещицкий Эдуард Иванович (1876–?) — капитан 2-го ранга (6 декабря 1914). Окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1900 г. принят юнкером во флот. В 1902 г. произведен в мичманы. Участник обороны Порт-Артура. Переведен на Балтийский флот. В 1906–1910 гг. служил на канонерской лодке «Хивинец». В 1913 г. штаб-офицер при коменданте морской крепости императора Петра Великого. 24 марта 1917 г. отчислен от должности. В резерве чинов Морского министерства. 30 августа 1917 г. уволен со службы.

⁸ «Петр Великий» (до 30 мая 1872 — «Крейсер») — эскадренный броненосец, а с 11 марта 1906 г. учебно-артиллерийский корабль Балтийского флота. Заложен в 1869 г. в Англии, вступил в строй в 1877 г. В годы Первой мировой войны использовался как самоходная плавбаза. Впоследствии блокшив. С 1918 г. на долговременном хранении. В 1959 г. разобран на металл.

⁹ 3 мая 1917 г. капитан 2-го ранга Э. И. Вещицкий, арестованный по предписанию флотского комитета и Военно-морского прокурорского надзора, был доставлен в Ревель и помещен в карцер плавбазы «Петр Великий». 4 мая при переводе арестанта на гарнизонную гауптвахту толпа матросов заставила Вещицкого надеть лапти, на шею ему повесили запасную пару, дали в руки метлу и в таком виде под одобрительные возгласы собравшихся доставили к месту заключения (Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов. 1917. 4 мая).

¹⁰ В результате апрельского политического кризиса 1917 г. и по соглашению между Временным правительством и Исполкомом Петроградского Совета было образовано первое коалиционное правительство с участием шести министров-социалистов (5 мая – 2 июля 1917). А. Ф. Керенский стал военным и морским министром.

¹¹ Министерство почт и телеграфов возглавил меньшевик И. Г. Церетели.

¹² 25 апреля 1917 г. А. В. Колчак выступил на расширенном заседании Севастопольского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов с докладом «Положение нашей вооруженной силы и взаимоотношения с союзниками». После речи Колчака собрание приняло решение о посылке делегации Черноморского флота на Балтийский флот и в действующую армию для агитации за продолжение войны. В ее состав вошли 28 офицеров, 14 кондукторов, 78 матросов, 41 солдат, 23 рабочих и 6 делегатов от Совета. Финансировал делегацию командующий флотом адмирал Колчак. 3 мая делегация прибыла в Москву, а 7 мая — в Петроград. 16 мая из Севастополя выехало еще 100 человек.

¹³ Воззвание команд штаба командующего Черноморского флота и корабля «Георгий Победоносец»: «Положение дел в Петрограде, на фронте (и в Балтийском флоте), судя по докладу адмирала Колчака, признано угрожающим нашей свободе и родине. Необходимо сейчас же, не медля ни одного часа, ни одной минуты, ибо медлить в этот тяжкий момент — величайшее преступление перед родиной, — сплотиться во имя организации порядка и поднятия дисциплины, отбросив все личные и партийные счёты. „Родина в опасности“ — вот знамя, под которым должны соединиться все партии и национальности великой, свободной России. Пока еще не все потеряно, но через несколько недель может наступить катастрофа. Поэтому судовой комитет корабля „Георгий Победоносец“ полагает: 1) всем кораблям и частям Черноморского флота и севастопольского гарнизона присоединиться к нам; 2) отправить телеграмму Временному правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов с просьбой принять, не медля, меры для организации порядка, поднятия дисциплины и обуздания лиц, подобных Ленину, агитирующих против Временного правительства и требующих сепаратного мира; 3) просить Севастопольский военно-исполнительный комитет, Совет депутатов армии и флота рабочих о прекращении вредной деятельности лиц, проповедующих сепаратный мир, и 4) послать представителей в Петроград, в Балтийский флот и на фронт с призывом сплотиться для отражения коварного и грозного врага и для всемерной поддержки союзников в борьбе с Германией» (Кронштадтский вестник. 1917. 30 апр.; 1917. 4 мая — более точный текст).

¹⁴ 4 мая 1917 г. на общем собрании команды линкора «Севастополь» было принято следующее постановление: «1) В настоящий момент наша родина находится в опасности. Единственная сила, могущая спасти страну и вывести ее на светлый путь, есть сознание ответственности каждого из нас без исключения за каждое слово и за каждое действие. Мы признаем выходом из нашего положения — продолжать войну. Мы не имеем никакого права заключать мир при нынешних условиях. Мы также сознаем, что оборонять нашу родину, нашу святую свободу мы можем только при образовании коалиционного министерства, которое, работая совместно с Петроградским Советом солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, пользовалось бы доверием всей страны и обладало

бы всею полнотою власти. 2) Запретить все манифестации без разрешения исполнительных комитетов. 3) Всем партиям, коим дорога наша родина, объединиться и идти общей дорогой на защиту родины от внешнего и внутреннего врага и довести родину до Учредительного собрания. 4) Просить Петроградский Совет солдатских и рабочих депутатов обратиться с более ясным и категорическим воззванием к армии для прекращения братания, так как, если брататься, то нужно брататься на всех фронтах, фронт же наш общий с союзниками. 5) Разъяснить армии, что только энергичное наступление может привести к падению железного кулака Гогенцоллернов, освобождению немецкого пролетариата и скорейшему прекращению братоубийственной войны. 6) Решительно поддерживать заем свободы. 7) Считать врагами родины и свободы тех, кто кричит: „долой войну во что бы то ни стало“ и „долой правительство“, и их лозунги провокационными. 8) Заключение мира возможно только с Германией, отказавшейся от территориальных приобретений и от обогащения за счет России и ее союзников, и только со свободным германским народом. 9) Не заключать мира без согласия союзников. 10) Очистить родину от шпионов и провокаторов. 11) Чтобы предотвратить гражданскую войну, не допустить формирования „Красной гвардии“, так как существование ее выражало бы недоверие к революционной армии и флоту. 12) Просить Балтийский флот присоединиться к этой резолюции» (Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов. 1917. 13 (26) мая).

21 мая 1917 г. общее собрание команд судов морских сил Рижского залива единогласно присоединилось к резолюции «Севастополя» (Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов. 1917. 26 мая (8 июня)).

¹⁵ Имеются в виду линейные корабли «Андрей Первозванный» и «Император Павел I».

¹⁶ Того Хэйхатино (1847–1934) — адмирал флота (1913). Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. командующий 1-й эскадрой и Объединенным флотом Японии. С 1909 г. высший военный советник.

№ 51

Ревель
Судебная, 8

12 мая [1917 г.]

Дорогой Александр Васильевич, пользуюсь случаем отправить Вам пару слов через Генмор — я писала Вам по почте, но не уверена, получаете ли Вы мои письма, т[ак] к[ак] ответа на них нет. Три недели от Вас ни слова; Вы можете мне сказать, что это не такой уж большой срок — да нет, Вы этого не скажете. Каждый день я жду письма от Вас, сторожу звонок почтальона и, как назло, никогда, кажется,

я не получала столько писем: мне пишут родные, приятели, знакомые дамы, гимназические подруги, все — кроме единственного человека, от кого я хочу получать письма, все, кроме Вас. Иногда мне уже начинает казаться, что их никогда не будет больше, что Вы забыли меня, дорогая моя химера. Скажите мне, Александр Васильевич милый, что это, правда? Если бы Вы знали, как горько мне думать это.

Жизнь здесь идет, как всегда; за последнюю неделю застрелились на крейсерах 2 молодых офицера, один на «Баяне» у Сергея Николаевича. Кажется, это начинает входить в моду во флоте.

Дни жаркие, мутные, мне не хочется ни выходить из дому, ни видеть кого-нибудь. Вообще очень хорошо.

Надо кончать — нет времени, да и все равно я ничего хорошего не могу написать сегодня. Где Вы сейчас, Александр Васильевич друг мой? Да хранит Вас Господь всегда и всюду.

До свидания.

Анна Васильевна

Л. 237–238 об.

№ 52

[Ревель
Судебная, 8]

13 мая [1917 г.]

Дорогой Александр Васильевич, только что я получила Ваше письмо после долгого ожидания. Оно ужасно; прочтя его, я сейчас же написала Вам ответ с просьбой лучше не писать совсем, чем из вежливости принуждать себя к писанию такого рода произведений. Но, прочтя свое письмо, я нашла его слишком резким и не вполне справедливым и, как видите, пишу другое. Если бы я только думала, что Вы писали мне в состоянии полного спокойствия и довольства, я просто оставила бы Ваше послание без ответа. Но оно на-

поминает мне другое Ваше письмо, написанное с той же, я бы сказала, жесткостью и враждебностью в очень тяжелые для Вас дни, когда Вы и вообще хотели прекратить нашу переписку. И потому я просто «не числю» его.

Друг мой Александр Васильевич, Вы не должны писать мне таких писем; если, как Вы говорите, у «Вас нет мыслей и приходится выдумывать каждую фразу» — лучше подождите, пока пройдет это милое состояние, Вы знаете, что я письмами не считаюсь и самое большее — ну, пожалуй, Вам немного. Если же правда наша переписка потеряла для Вас совсем прежнюю ценность — скажите мне это прямо, тогда лучше прекратить ее совсем, чем писать, принуждая себя к этому. Какой смысл в этих письмах и какая в них радость? Вы видите, я пишу Вам очень холодно и спокойно, и если мое отношение к этому вопросу не совсем таково, то это значения не имеет. Ответ на это письмо я буду очень ждать. И я так хотела бы думать, что оно найдет Вас не в том ужасном настроении, в каком Вы мне писали. О причинах, вызывающих его, я не говорю — что же говорить, просто скверно. Пока кончаю.

До свидания, Александр Васильевич дорогой, по-прежнему милый друг. Не забывайте меня окончательно.

Пусть Господь Вас сохранит и поможет Вам — я знаю, как Вам трудно.

Анна Васильевна

Л. 239–240 об.

№ 53

Петроград
Фурштатская, 37

17–18 мая [1917 г.]

Дорогой Александр Васильевич, вчера в «Веч[ернем] вр[емени]» я прочла о том, что Вы просите сменить Вас,

и вечером Романов подтвердил газетное сообщение.¹ Второй день я не нахожу себе места и думаю все время о Вас и о том, что может выйти из всего этого. Ваша просьба условна, и мне хочется думать, что все может быть ликвидировано, но и самый случай глубоко огорчает меня — удивляться я, кажется, разучилась вовсе за последние месяцы.

И об этом говорить с Вами я не стану сейчас: ведь Вы сами знаете, как бесконечно дороги Вы мне, как важно для меня все, что касается и происходит с Вами, как я жду, чем все разрешится. В конце концов я знаю, что Вы сделаете то, что будет нужно и можно, а какие бы перемены не происходили в Вашей жизни, что бы ни случилось с Вами, — для меня Вы все тот же, что всегда, лучший, единственный и любимый друг. Если Вы и уйдете из Черного моря, то я глубоко верю, что Вы найдете себе дело, быть может, большее, чем там.

Александр Васильевич милый, может быть, мое письмо будет некстати, просто ненужно Вам — после Вашего последнего письма это так вероятно — но все-таки и тогда простите мне его, принимая во внимание, что я даже не прошу ответа на него, если у Вас не будет желания написать мне. Если же Вы захотите — то пишите через Генмор и Романова, т[ак] к[ак] я не знаю, где буду в ближайшее время.

До свидания, дорогой Александр Васильевич.

Господь Вас сохранит, поможет и пошлет Вам счастья.

Анна Тимирева

18 мая [1917 г.]

По сегодняшним газетам, где говорится о приезде Керенского в Одессу и Севастополь, можно вывести заключение, что все уладится и Вы останетесь.² Если это так, то я очень счастлива таким исходом дела, Александр Васильевич милый. Извините, что пишу Вам на разных клочках

бумаги, всю свою я изорвала на мелкие кусочки, пока написала это письмо. Такую панику Вы навели на меня своим последним посланием. Мне все кажется, что я пишу не то, некстати и ненужно, и я просто боюсь Вас смертельно и вижу только Ваше официальное лицо.

Александр Васильевич дорогой, не сердитесь на меня ради Бога, ведь я понимаю, как глупо все, что я Вам пишу, знаю, что Вам не до меня, но мне бесконечно трудно не говорить с Вами. Повторяю Вам — я так боюсь Вас теперь, что глупею окончательно и уж совсем не нахожу слов. Это меня приводит положительно в отчаяние.

Дня через 2–3 я возвращаюсь в Ревель с сыном, сегодня все мои уезжают на Кавказ. Может быть, в Ревеле я найду хоть несколько строк от Вас, но я почти не жду этого. Надо кончить, я пишу глупости, но как я рада, если Ваш конфликт с Сов[етом] с[олдатских] [и] р[абочих] д[епутатов] улажен окончательно.

До свидания, милый Александр Васильевич, не сердитесь и не осуждайте меня — у меня есть смягчающее обстоятельство — то, что я люблю Вас больше, чем надо, может быть.

Да хранит Вас Бог.

Анна Тими[рева]

Л. 241–242 об.

---

¹ Первое столкновение между командующим Черноморским флотом адмиралом А. В. Колчаком и Севастопольским Советом произошло 12 мая 1917 г. Совет обвинил генерал-лейтенанта Н. П. Петрова в спекуляции кожей для обуви. За пособничество и содействие в спекуляции Совет постановил арестовать Петрова. Однако Колчак отказался утвердить это постановление. Несмотря на это генерала арестовали. Это был первый случай самочинного заключения офицера под стражу на Черноморском флоте. В ответ Колчак послал телеграмму премьер-министру князю Г. Е. Львову

и военному и морскому министру А. Ф. Керенскому о невозможности продолжать работу с Исполкомом Севастопольского Совета. В ответной телеграмме содержалось распоряжение об освобождении Петрова, которое и было выполнено, и просьба к А. В. Колчаку остаться в должности. Над генералом было учреждено следствие. Чтобы отвлечь внимание от конфликта, Колчак отдал приказ о постановке мин у Босфора. В результате наспех подготовленной операции произошли взрывы. 15 человек погибло, 21 был ранен.

² 17 мая 1917 г. военный и морской министр А. Ф. Керенский прибыл в Севастополь из Одессы. Он побывал на нескольких кораблях, выступал в Морском собрании перед офицерами и членами Севастопольского Совета. Внешне конфликт был улажен.

А. В. Тимирева. 1916 г.
Гельсингфорс. РГАВМФ.
Ф. 315. Оп. 1. Д. 1308

Командующий Черноморским
флотом вице-адмирал
А. В. Колчак. Март 1917 г.
РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 4.
Д. 23. Л. 1

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак обходит войска и поздравляет всех с новым правительством. 5 марта 1917 г. РГАВМФ. Ф. Р-2222.

Оп. 1. Д. 160. Л. 9

**Броненосный корабль «Георгий Победоносец». 1914—1916 гг.
РГАВМФ. Ф. Р-2239. Оп. 1. Д. 2542**

**Линейный корабль «Императрица Мария» в Северной бухте
Севастополя. 1915—1916 гг. РГАВМФ. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 2672**

Открытка со скульптурой И. Жукова «В целом мире одни...»

Единственным поводом по которому я
 могла бы приехать в Саратовская —
 это ведь и так же как и в Саратовской —
 Мария Емельяновна. Не знаю я ли
 бы отпустила и ее супруга Г.И. Тимирева
 все таки 5-го. Вдруг оно совсем
 учета поели наших слов. Не приим-
 ивайте мои слова, как бы чужие — я никак
 не считала Вас свободным и независимым членом
 партии, доктором философии. Единственной
 кою я знаю, Александровна Владимировна,
 и другие. Кто же знает, но как сказать, что знает
 (словами и в них говорится
 по поводу и в разном)
 Н.И. Тимирев. Кто же знает, но как сказать, что знает
 (словами и в них говорится
 по поводу и в разном)
 Приеду к Вам в пятницу утром —
 по дороге в речку Савоюк теперь и
 нет никакого смысла этого — я люблю гово-
 рить с Вами, когда все идет и
 никто ни не мешает. Но это,
 конечно, все равно.
 Вы спрашиваете в наших письмах
 почему Мария Емельяновна не пришла
 Вам обоим — вероятно потому, что
 когда посмотрела, спросила и вы ее сами

Фрагмент письма А. В. Тимиревой от 16–17 января 1917 г.
 с пометами А. В. Колчака. РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1.
 Д. 1307. Л. 144

Конверт письма А. В. Тимиревой от 24 января 1917 г.
РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1309. Л. 13

Конверт письма А. В. Тимиревой от 31 января 1917 г.
РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1309. Л. 21

Описание конвертов писем А. В. Тимиревой А. В. Колчаку

В РГАВМФ хранятся 56 конвертов к письмам А. В. Тимиревой (Ф. 315. Оп. 1. Д. 1309). Сорок семь из них имеют личную (сургучную) печать А. В. Тимиревой с буквами «А. Т.». На одном (№ 7) она отпала, на трех (№ 5, 20, 26) осыпалась, на пяти (№ 39, 40, 41, 53, 54) отсутствовала.

На штемпелях конвертов писем, отправленных из Финляндии, дата указана по новому стилю, полученных в Севастополе — по старому. На конверте № 18 штемпеля о получении нет.

На конвертах, отправленных по почте, в качестве адреса назван Севастополь, и только в пяти случаях стоит «Полевая почтовая контора», что свидетельствует об отсутствии единых правил для почтовых отправок на территории Российской империи в военное время. При этом на конвертах указывались должность и звание адресата.

Имеющиеся в нашем распоряжении конверты свидетельствуют о том, что только 18 писем из 53 ушло с okazji, через уже известного читателю В. В. Романова по каналам МГШ. В основном они пересылались по почте. И это нельзя объяснить только командировкой В. В. Романова в Англию.¹ Как до его отъезда, так и после возвращения 4 марта 1917 г. А. В. Тимирева пользовалась услугами почты. Таким образом, бытовавшее в литературе мнение о том, что переписка между А. В. Колчаком и А. В. Тими-

---

¹ РГАВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 229.

ревой велась через В. В. Романова и чуть ли не в тайне от окружающих, не имеет под собой никаких оснований.²

При изучении дела обнаружилось, что количество конвертов не соответствует имеющимся письмам. Без писем оказались следующие конверты: № 36, отправленный 31 мая 1917 г. из Ревеля; № 37 от 12 июня 1917 г. из Ревеля на имя В. В. Романова для Колчака. Конверт № 38 имеет достаточно странную датировку: Бренуэ — Г[ельсинг]форс 10.VIII.18 — Севастополь 7.8.18. В это время и А. В. Колчак, и А. В. Тимирева находились уже на Дальнем Востоке, и что в этом конверте могло быть, остается загадкой. По крайней мере, судя по этому конверту, В. В. Романов в августе 1918 г. еще оставался в Петрограде.

Вместе с конвертами в деле имеется программа концерта в «Привале комедиантов» (л. 57), на обратной стороне которой рукой А. В. Тимиревой проставлено: «26 июня» и далее написано следующее четверостишие:

«Сдайся мечте невозможной —
Сбудется, что суждено.
Сердцу закон непреложный
Радость — страданье одно».

Возможно, что его автором является А. В. Тимирева, поскольку, как известно, стихотворные опыты у нее были.³ Дата, указанная перед стихотворением, позволяет установить время ее пребывания в Петрограде в июне 1917 г.⁴

---

² *Богданов К. А.* Адмирал Колчак : биограф. повесть-хроника. СПб., 1993. С. 76; *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 177. Примеч. 115.

³ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». М., 1996. С. 529–553.

⁴ Там же. С. 204–205.

А. Письма, отправленные по почте

№ 1. Командующему флотом Черного моря вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 5.VIII.16. Гельсингфорс — 27.7.16. Полевая поч[та]. Севастополь.

Личная печать отсутствует.

РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1309. Л. 41.

№ 2. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 23.VIII.16. Гельсингфорс — 14.8.16. Севастополь.

Личная печать отсутствует.

Л. 20.

№ 3. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 20.8.16. Петроград — 23.8.16. Севастополь.

Личная печать отсутствует.

Л. 53.

№ 4. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 12.IX.16. Гельсингфорс — 4.9.16. Севастополь.

Личная печать отсутствует.

Л. 5.

№ 5. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 15.IX.16. Скатудден — 7.9.16. Севастополь.

Личная печать отсутствует.

Л. 39.

№ 6. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 28.IX.16. Гельсингфорс — 22.9.16. Севастополь.

Личная печать «А. Т.». На обратной стороне конверта синим карандашом рукой Колчака сделана запись: «Написать в Ставку о задержке писем в цензуре — где оно было 9 дней». Л. 46.

№ 7. Заказное [зачеркнуто]. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Колчак. Севастополь [зачеркнуто. Вписано: «Действующая армия». Почерк другой. По-видимому, запись сделана почтовым чиновником].

Штемпели: 28.9.16. Петроград — 7.10.16. Севастополь.

Личная печать «А. Т.». Л. 6.

№ 8. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 6.X.16. Гельсингфорс — 28.9.16. Севастополь.

Личная печать «А. Т.». Л. 45.

№ 9. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 10.X.16. Скатудден — 9.10.16. Севастополь.

Личная печать «А. Т.». Л. 44.

№ 10. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 19.X.16. Скатудден — 11.10.16. Севастополь.

Личная печать «А. Т.». Л. 32.

№ 11. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Колчак. Действующий флот Черного моря.

Штемпели: 13.10.16. Петроград — Полевая почтовая контора 158.

Личная печать «А. Т.».

Л. 52.

№ 12. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Действующий флот Черного моря.

Штемпели: 24.10.16. Петроград — 25.10.16. Полевая почта.

Штамп: «Предъявлено военной цензуре г. Петроград. № 27».

Личная печать «А. Т.».

Л. 17.

№ 13. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Действующий флот Черного моря.

Штемпели: 24.10.16. Петроград — 27.10.16. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».

Л. 16.

№ 14. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.

Штемпели: .XI.16 [число заклеено маркой]. Скатудден — 6.11.16. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».

Л. 42.

№ 15. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 14.XII.16. Скатудден — 6.12.16. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».

Л. 29.

№ 16. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.

Штемпели: 16.12.16. Ревель — 20.12.16. Севастополь.

Личная печать «А. Т.». Правый угол конверта оторван.
Л. 14.

№ 17. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 23.12.16. Ревель — 27.12.16. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».
Л. 4.

№ 18. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 29.12.16. Ревель — [штемпель «Получено» отсутствует].

Личная печать «А. Т.».
Л. 33.

№ 19. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 2.1.17. Ревель — 6.1.17. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».
Л. 48.

№ 20. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 24.1.17. Ревель — 29.1.17. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».
Л. 13.

№ 21. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 10.1.17. Ревель — 14.1.17. Севастополь (краска на дате смазана).

Личная печать «А. Т.».

Л. 3.

№ 22. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Действующий флот Черного моря.

Штемпели: 10.1.17. Петроград — 14.1.17. Полевая почтовая контора.

Личная печать «А. Т.».

Л. 11.

№ 23. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 17.1.17. Ревель — 21.1.17. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».

Л. 18.

№ 24. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 31.1.17. Ревель — 5.2.17. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».

Л. 21.

№ 25. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 1.2.17. Ревель — 9.2.17. Севастополь.

Личная печать «А. Т.». Правый угол конверта оторван.

Л. 2.

№ 26. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Действующий флот Черного моря.

Штемпели: 4.2.17. Петроград — Полевая почтовая контора 158.

Личная печать «А. Т.».
Л. 50.

№ 27. Заказное [зачеркнуто чернилами]. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Действующий флот Черного моря.

Штемпели: 11.2.17. Петроград — 18.2.17. Полевая почтовая контора 158.

Личная печать «А. Т.».
Л. 28.

№ 28. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Действующий флот Черного моря.

Штемпели: 3.3.17. Петроград — 7.3.17. Полевая почтовая контора.

Личная печать «А. Т.».
Л. 10.

№ 29. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 22.3.17. Ревель — 5.4.17. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».
Л. 35.

№ 30. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 23.3.17. Ревель — 31.3.17. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».
Л. 27.

№ 31. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 4.4.17. Ревель — 8.4.17. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».

Л. 22.

№ 32. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 6.4.17. Ревель — 10.4.17. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».

Л. 34.

№ 33. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 24.4.17. Ревель — 28.4.17. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».

Л. 51.

№ 34. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 8.5.17. Ревель — 13.5.17. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».

Л. 23.

№ 35. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 13.5.17. Ревель — 17.5.17. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».

Л. 37.

№ 36. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 31.5.17. Ревель — 4.6.17. Севастополь.

Личная печать «А. Т.».

Л. 1.

№ 37. Заказное. Кап[итану] 2 ранга Владимиру Вадимовичу Романову. Морской генеральный штаб. Петроград.

С просьбой передать В.[ице]-адм.[иралу] А. В. Колчак.

Штемпели: 12.6.17. Ревель — 16.6.17. Петроград. Военная экспедиция.

Личная печать «А. Т.».

Л. 47.

№ 38. Заказное. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак. Севастополь.

Штемпели: 10.VIII.18. Бренуэ – Г[ельсинг]форс — 7.8.18. Севастополь.

Личная печать отсутствует.

Л. 54.

**Б. Письма, отправленные
через В. В. Романова по каналам
Морского генерального штаба**

№ 39. Вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.

Личная печать отпала.

Л. 7.

№ 40. Кап[итану] 2 р.[анга] Владимиру Вадимовичу Романову. Морской генеральный штаб. Петроград.

Личная печать «А. Т.».

Л. 8.

№ 41. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Колчак. Действующий флот Черного моря.

Правая часть конверта вырезана.

Личная печать «А. Т.».

Л. 9.

№ 42. Вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.
Личная печать «А. Т.».

Л. 12.

№ 43. Вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.
Личная печать «А. Т.».

Л. 15.

№ 44. Вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.
Личная печать «А. Т.».

Л. 19.

№ 45. Вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.
Личная печать «А. Т.». Карандашом неидентифициро-
ванным почерком сделана запись: «Из Петрограда,
Фурш[татская], 37».

Л. 24.

№ 46. Командующему Черноморским флотом вице-
адмиралу Александру Васильевичу Колчак.

Личная печать «А. Т.».

Л. 25.

№ 47. Александру Васильевичу Колчак от А. Тимиревой.
Личная печать «А. Т.» осыпалась.

Л. 26.

№ 48. Вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.
Личная печать «А. Т.».

Л. 30.

№ 49. Вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.
Личная печать «А. Т.».

Л. 31.

№ 50. Вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.
Личная печать «А. Т.».

Л. 36.

№ 51. Вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.
Личная печать «А. Т.».

Л. 38.

№ 52. Его П[ревосходитель]ству Александру Васильевичу Колчак.

Личная печать отсутствует.

Л. 40.

№ 53. Вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.
Личная печать «А. Т.».

Л. 43.

№ 54. Вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.
Личная печать «А. Т.».

Л. 49.

№ 55. Вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.
Личная печать «А. Т.».

Л. 55.

№ 56. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчак.

Личная печать «А. Т.». Конверт большого размера.

Л. 56.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Александр II 182
Александр III 120
Александр VI 29
Александр Михайлович, вел.
князь 90, 120
Александра Федоровна, рос.
императрица 89, 100, 107,
168, 169, 173
Алексеев Е. А. 33
Алексеев М. В. 87, 90, 182
Алексей Николаевич,
цесаревич 182
Анастасия Николаевна, вел.
княгиня 89
Андерсен Х. К. 121, 125
Багратион Д. П., князь 168
Басов А. М. 200
Бахирев М. К. 151, 154, 191,
218
Беляев М. А. 136
Беренс М. А. 35, 37, 191, 218
Бетан А. А. 37
Биттенбиндер Г. В. 197, 199
Богданов К. А. 237
Боголепов С. 3
Брешко-Брешковская Е. К.
210, 212, 213
Бубнов Г. А. 197, 199
Будкевич В. В. 200
Бурдель Э.-А. 95
Бутаков А. Г. 197, 200
Варзар Г. Ф. 197, 199
Васильев 197
Васильчиков Б. А., князь 107
Васильчикова С. Н., княгиня
102, 107
Венизелос Э. 104, 109
Вердеревская Е. М. 122, 125
Вердеревские 151, 156
Вердеревский Д. Н. 48, 51,
125, 152, 189, 195, 202, 205
Верди Дж. 110
Веревочкин 163
Верховский А. И. 215
Веселкин М. М. 122, 125, 156
Вещицкий Э. И. 218, 220
Виктория Федоровна, вел.
княгиня 183
Виктория, англ. королева
107

- Вильгельм II 80
 Вирен Р. Н. 197, 200
 Вирениус М. П. 124, 125
 Вирениус Н. А. 125
 Висковатов Б. Д. 200
 Владимир Александрович,
 вел. князь 182
 Воробьев Т. Т. 197, 199
 Врангель П. Н. 109
 Вуич 197
 Вырубов А. В. 168
 Вырубова А. А. 166, 168
 Вяземский, князь 185
 Габсбурги, династия 121
 Гедике А. Ф. 33
 Гельмерсен П. В. 218, 220
 Генрих-Альберт-Вильгельм
 (Гогенцоллерн), принц 78
 Герасимов 197
 Гирс А. К. 197, 200
 Гнесины, сестры 33
 Гогенцоллерны, династия
 222
 Гоголь Н. В. 108
 Годнев И. В. 175, 183
 Голицын Н. Д., князь 170, 181
 Голицына, княгиня 85, 87,
 91, 139
 Гольц Кольмар фон дер 22, 23
 Григорович И. К. 37
Громов К. 3
 Грудачев П. А. 26
Грэнхаген К. Б. 20
 Гучков А. И. 174, 176, 183,
 185, 215, 218
 Деникин А. И. 94, 109
 Джеллико Дж. Р. 48, 51
 Дмитрий Павлович, вел.
 князь 120
Дроков С. В. 3, 11
Дудоров Б. П. 10, 165
 Дюма А. 117, 120
 Дюмениль Ш. 101, 107, 159
 Екатерина I 68
 Екатерина II 100
 Ефремов И. Н. 184
 Жуков И. Н. 93, 94
 Зайончковский А. М. 87, 89, 90
 Замысловский Г. Г. 105, 110
 Званцева Е. Н. 57
 Зейденберг С. М. 3, 57
 Иванов Б. П. 46, 47, 143, 145,
 155, 158, 218
 Иванов Л. Л. 40, 95, 97, 99,
 144, 145
 Иванов М. В. 40, 41
 Иванова М. С. 38, 40, 95, 96,
 99, 118, 129, 131, 134, 138,
 144, 153, 194, 195
 Ивановы 38, 82, 83, 95, 99
 Ивков Н. Н. 201
Иоффе А. Е. 11
 Канин В. А. 32, 33, 45
 Капп Ал. 203
 Кашен М. 213
 Кедров М. А. 44, 45, 95, 96,
 111, 143, 145
 Кедров Н. Н. 131, 133
 Керенский А. Ф. 175, 184, 210,
 211, 213, 218, 220, 225, 227

- Кетлинский К. Ф. 34, 37
Кира Владимировна 81
Кирилл Владимирович, вел.
князь 174, 182, 183
Кирилл Владимирович, вел.
князь 97
Книпер А. В. см. Тимире-
ва А. В. 3
Книпер В. К. 11
Кокошкин Ф. Ф. 108
Колчак А. В. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9,
10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17,
18, 21, 26, 28, 31, 32, 36, 40,
44, 47, 49, 50, 51, 55, 60, 62,
77, 78, 109, 127, 138, 141, 142,
146, 150, 161, 182, 186, 188,
195, 196, 198, 201, 203, 204,
209, 215, 219, 221, 226–229,
236, 237, 238, 239, 240, 241,
242, 243, 244, 245, 246, 247
Колчак Р. А. 45, 47, 48, 180
Колчак С. Ф. 42, 43, 44, 46, 48,
53, 60, 62, 64, 82, 88, 119,
124, 129, 195
Коновалов А. И. 184
Константин, греч. король 109
Корнилов Л. Г. 183
Косинский А. М. 204, 207
Крашенинников П. И. 59, 61,
79, 95, 96, 111, 119, 131,
143, 163, 170, 211
Крашенинникова Е. И. 77,
79, 121, 190
Крашенинниковы 6, 140,
143, 153, 192
Кроми Ф. А. 203
Крыжановская Е. В. 24, 26
Кузьминский В. А. 155, 158
Курлов П. Г. 170, 181
Кюба Е. П. 156, 157, 158
Лазаверт С. С. 120, 121
Ланге (Лангэ) В. К. 197, 199
Левин И. А. 33
Ленин (Ульянов) В. И. 217,
219, 221
Лодыженский И. И. 197, 198,
204
Лукин В. К. 9
Львов Г. Е. князь, 226
Людвиг IV Гессенский,
герцог 107
Майдель 2-й Б. Э., барон 197,
199
Макензен 89, 90
Маклаков В. А. 104, 109
Максимов А. С. 189, 191, 192,
202, 207, 217, 218
Мансырев С. П., князь, 104
108
Мария Федоровна,
вдовствующая
императрица 183
Марков 2-й Н. Е. 91, 94, 110
Маркс А. Ф. 133
Мейерхольд В. Э. 108
Метнер Н. К. 33
Милица Николаевна, вел.
княгиня 89
Милюков П. Н. 109, 157, 158,
174, 175, 215

- Михаил Александрович, вел.
князь 174, 175, 182, 184,
185
- Михайлов А. П. 197, 199
- Мурильо Б. 54
- Муромцев 2-й Н. В. 177, 185
- Муромцев Б. В. 25, 29, 55,
111, 156, 193
- Мятлев В. П. 95, 97
- Небольсин А. К. 197, 198
- Нейберг (Нейберт) Г. Л. 197,
200
- Некрасов Н. В. 184
- Непенин А. И. 24, 26, 45, 46,
48, 52, 56, 57, 58, 78, 147,
150, 151, 156, 158, 164, 165,
173, 178, 182, 189, 191, 197,
198, 206
- Непенина О. В. 150, 151, 193,
206
- Непенины 156
- Николаев Л. В. 33
- Николай II 89, 90, 107, 120,
136, 168, 181, 182, 183
- Николай Николаевич
младший, вел. князь 89,
166, 169
- Николай Николаевич
старший, вел. князь 169
- Никольский М. И. 197, 200
- Нитибюс* 141
- Оболенская, княгиня 3
- Окнов Павел см. Питирим 100
- Окулов А. И. 40
- Павлова Т. В.* 3
- Пашкевич 197
- Пекарский Ю. П. 197, 200
- Перченоч Ф. Ф.* 3
- Петр I 68
- Петр Николаевич, вел. князь
89
- Петров Н. П. 226, 227
- Петров-Водкин К. С. 57
- Пиленко А. А. 39, 41, 52, 54
- Пилкин В. К. 61, 81, 83, 152,
177, 195, 208, 218
- Пилкина 58, 61
- Питирим 98, 100, 101, 170
- Платонов А. П.* 9
- Плен П. М. 151, 154
- Плеске М. И. 34, 37, 67, 71,
74, 82, 91, 163
- Плешков А. Н. 197, 200
- Повалишин Н. И. 197, 200
- Подгурская Е. Д. 147, 197
- Подгурские 4, 66, 197
- Подгурский Н. К. см.
Подгурский Н. Л. 79, 81
- Подгурский Н. Л. 30, 32, 33,
122, 197
- Покровский Н. Н. 104, 109
- Поливанов 2-й М. М. 178,
185, 197, 199
- Поликрат 24, 26
- Политовский С. С. 126, 129,
143, 155, 163
- Потемкин В. Н. 191, 192
- Потоцкие 6, 153
- Протопопов А. Д. 119, 121,
170

- Протопопов В. Н. 197, 199
Прутков Козьма 125
Пуришкевич В. М. 91, 94,
119, 120, 176
Путятина О. П., княгиня 184
Пышнов А. М. 152, 154
Радко-Дмитриев (Дмит-
риев) Р. Д. 205, 207
Развозов А. В. 193, 195, 219
Распутин Г. Е. 86, 89, 91, 94,
98, 100, 107, 116, 117, 119,
120, 168
Рени Г. 54
Репнинский А. Н. 197, 199
Родзянко М. В. 94, 173, 174,
182, 205
Розен, барон 62
Романов А. М. 150
Романов В. В. 11, 12, 16, 17,
25, 28, 35, 38, 39, 46, 50, 53,
58, 70, 77, 85, 90, 100, 103,
104, 110, 120, 136, 144, 151,
156, 178, 185, 191, 204, 211,
225, 236, 237, 245
Романова И. А. 120
Романова Л. А. 150
Романова О. В. см. Непени-
на О. В. 147
Романовы 34
Романовы, династия 183
Руже де Лиль К. Ж. 184
Рузский Н. В. 26, 29, 205
Русин А. И. 37
Рыбкин Б. Н. 197, 199
Рюмин Г. М. 193, 196
Савенко А. И. 104, 109
Савич Н. В. 120
Савонарола Дж. 26, 29, 35, 113
Самсонов А. В. 72
Сафонов В. И. 3, 33, 53, 126
Сафонов И. К. 3
Сафонов Ив. В. 125
Сафонов Ил. В. 125
Сафонова В. В. 57, 108
Сафонова В. И. 90
Сафонова Е. В. 108
Сафонова М. В. 108
Сафонова О. В. 108
Сафоновы 103, 139
Сахаров В. В. 90
Свечин А. А. 215
Селитренников В. В. 143, 145
Сервантес М. 165
Скрябин А. Н. 33
Сохачевский В. И. 201
Спиридонова Л. И. 11
Стасов В. П. 58
Степанов К. И. 197, 200
Стеценко А. В. 39, 41, 99, 110,
111, 114, 134, 140, 151, 154,
190, 217
Столыпин П. А. 181
Стронский Н. В. 197, 200
Суворов А. В. 52, 54
Сумароков-Эльстон Ф. Ф.,
граф см. Юсупов Ф. Ф.,
князь 116, 117
Сухомлинов В. А. 105, 110
Сухотин С. М. 120, 121
Сушон 21

- Тавастшерна А. А. 51
Тавастшерна М. Л. 49, 51
Таганцева Л. С. 108
Тамарин А. см. Окулов А. И.
40
Танеев А. С. 166, 168
Терещенко М. И. 175, 183
Тимирев В. С. 4
Тимирев К. Н. 155
Тимирев С. Н. 3, 4, 9, 22, 23,
24, 32, 39, 42, 44, 48, 49, 52,
53, 56, 57, 58, 62, 76, 78, 81,
85, 97, 114, 115, 119, 122,
124, 130, 131, 132, 133, 139,
148, 152, 155, 160, 161, 163,
173, 175, 177, 186, 189, 196,
204, 214, 217, 223, 237
Тимирева А. В. 3, 4, 5, 6, 7, 8,
9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16,
17, 18, 33, 37, 38, 39, 44, 49,
57, 58, 84, 89, 90, 105, 106,
108, 112, 125, 142, 149, 169,
200, 207, 211, 212, 216, 228,
232–235, 236, 237, 246
Тимирева Е. П. 133
Тимиревы 4, 6, 83, 153
Типольт Н. А., барон 218, 220
Того Х. 219, 222
Трепов А. Ф. 86, 89, 136
Троцкий Л. Д. 169
Трухачев П. Л. 39, 41, 60, 62,
81
Трухачева Е. А. 60, 62, 81,
142, 202, 206
Трухачевы 56, 156
Фацер 48
Феофан 89
Франц-Иосиф I 120, 121
Хабалов С. С. 159
Цеппелин Ф. 29
Церетели И. Г. 221
Черкасский 112
ЧИЖОВ А. 201
Чхеидзе Н. С. 175, 181, 184,
205, 213
Чхенкели А. И. 102, 107, 108,
175
Шиманский М. Р. 197, 199
Шингарев А. И. 104, 108, 174
ШИШКИН В. И. 11
Штюрмер Б. В. 86, 89
Шульгин В. В. 183
Щетинин А. А. 42, 44, 48, 78,
81, 83, 155, 218, 220
Эберггард А. А. 31, 33
Юсупов Ф. Ф. 120
Юсупов Ф. Ф., князь 120
Ядвига 153
Якобсон 197
Яновский В. А. 197, 199

Содержание

<i>А. В. Смолин. А. В. Тимирева и ее письма А. В. Колчаку</i>	3
---	---

1916

Письмо № 1. 18 июля	20
Письмо № 2. 22 июля	21
Письмо № 3. 1 августа	24
Письмо № 4. 8 августа	30
Письмо № 5. 18–19 августа	34
Письмо № 6. 29 августа	38
Письмо № 7. 1 сентября	41
Письмо № 8. 9–10 сентября	45
Письмо № 9. 14 сентября	47
Письмо № 10. 22 сентября.....	51
Письмо № 11. 27 сентября.....	54
Письмо № 12. 2 октября	58
Письмо № 13. 5 октября	62
Письмо № 14. 9–12 октября	65
Письмо № 15. 13–14 октября	69
Письмо № 16. 20 октября	72
Письмо № 17. 23 октября	74
Письмо № 18. 31 октября	77
Письмо № 19. 4 ноября.....	80
Письмо № 20. 9 ноября.....	83
Письмо № 21. 15–16 ноября.....	85
Письмо № 22. 22 ноября	90
Письмо № 23. 30 ноября	95
Письмо № 24. 6 декабря	97
Письмо № 25. 8–9 декабря	101
Письмо № 26. 14–15 декабря	110
Письмо № 27. 21–22 декабря	116
Письмо № 28. 25–27 декабря	121

1917

Письмо № 29. 1–2 января	126
Письмо № 30. 3–4 января	129
Письмо № 31. 8–9 января	133
Письмо № 32. 16–17 января	136
Письмо № 33. 22–23 января	142
Письмо № 34. 25–30 января	145
Письмо № 35. 3 февраля	151
Письмо № 36. 9–10 февраля	155
Письмо № 37. 13–14 февраля	159
Письмо № 38. 22 февраля	162
Письмо № 39. 27 февраля	165
Письмо № 41. 28 февраля — 7 марта	169
Письмо № 40. 11 марта	185
Письмо № 42. 15–18 марта	188
Письмо № 44. 20–21 марта	192
Письмо № 43. 24 марта	196
Письмо № 45. 30–31 марта	201
Письмо № 46. 4–5 апреля	204
Письмо № 47. 4 апреля	207
Письмо № 48. 11 апреля	209
Письмо № 49. 24 апреля	213
Письмо № 50. 7 мая	215
Письмо № 51. 12 мая	222
Письмо № 52. 13 мая	223
Письмо № 53. 17–18 мая	224
Приложение	236
Указатель имен	248

Научно-популярное издание

МИЛАЯ ХИМЕРА В АДМИРАЛЬСКОЙ ФОРМЕ

Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку
(18 июля 1916 г. — 17–18 мая 1917 г.)

Издание подготовили *А. В. Смолин, Л. И. Спиридонова*

2-е издание, исправленное

Корректор *Г. А. Мамонтова*
Компьютерная верстка *Н. В. Коробовой*
Художественное оформление *А. П. Баклановой*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Общероссийский классификатор продукции
по видам экономической деятельности ОК 034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — Книги печатные

Подписано в печать 13.03.2017.
Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 11,22. Печ. л. 16. Усл. печ. 14,88.
Тираж 300 экз. Заказ 3048.

Санкт-Петербургский филиал ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28, литер А

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>

ISBN 978-5-86007-830-7

